
ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 39 (1996)

26 СЕНТЯБРЯ 1965

ЗВЕЗДЫ СТАНОВЯТСЯ БЛИЖЕ

(См. стр. 5.)

Балансируют трубу нового телескопа.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Фото ТАСС и ЮПИ.

В Советский Союз по приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Правительства СССР прибыла партийно - правительственная делегация во главе с Первым секретарем Центрального Комитета СЕПГ, Председателем Государственного Совета ГДР товарищем Вальтером Ульбрихтом. В Кремле проходили переговоры руководителей КПСС и Советского правительства с партийно-правительственной делегацией ГДР, во время которых состоялся обмен мнениями по важнейшим вопросам. После этого гости из ГДР отправились в поездку по стране.

На снимке: Вальтер Ульбрихт беседует в Баку со старыми коммунистами.

Находившийся в СССР с официальным визитом Председатель Революционного совета и Совета Министров Бирманского Союза генерал Не Вин побывал в городе Запорожье, на заводе «Запорожсталь». Рабочие завода тепло встретили высокого гостя и охотно рассказали ему о своей жизни и работе.

Проходившие недавно французско-польские переговоры позволили провести полезный обмен мнениями по главным международным проблемам. В подписанном коммюнике обе стороны высказались за сотрудничество всех стран континента на основе взаимного уважения их суверенитета и за разрядку международной напряженности.

На снимке: Президент Франции Шарль де Голль и Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Ю. Циранкевич после окончания переговоров.

В столице Греции закончил свою работу 16-й Международный астронавтический конгресс, в котором приняли участие около полутора тысяч ученых и специалистов. На конгрессе присутствовали советские и американские космонавты. На фотографии запечатлен момент встречи в Афинах космонавтов П. Беляева, А. Леонова, Чарлза Конрада и Гордона Купера.

Брестская крепость. 4 часа утра.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Есть что-то глубоко символичное, полное сокровенного смысла в том, что все пути-дороги, которыми шли дети своих отцов, перекрестились в Бресте.

Дорогой отцов-героев прошли почти три миллиона юношей и девушек — наследников воинской славы. Посланцы этой огромной армии пришли в Брестскую крепость, в палаточный городок, который возник в ее центре.

Здесь Литва соседствует с Арменией, а от Эстонии рукой подать до Волочаевска и Читы. Здесь произвольно переплелись меридианы и широты. Это чудесное смещение не только в пространстве, но и во времени, потому что следопыты славы шли и по местам боев гражданской и по путям Великой Отечественной войны.

Горсть земли с Дальнего Востока, где бывшие партизаны до сих пор помнят «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни».

Просоленная земля Перекопа, о котором до сих пор «былинники речистые ведут рассказ».

Горсть земли из засушливых затонских степей, где «гулял по Уралу Чапаев-герой». А рядом — заветный камень из-под Севастополя. Земля с Лысой горы, где проходили окопы Сталинграда. Земля из-под Новороссийска, Харькова, Смоленска... На аллее Героев — новоселы: сибирский кедр из-под Красноярска, молодой дубок из Латвии, десятки других деревьев, привезенных сюда. Они будут расти теперь на братской земле, их корни осыпаны землей Волгограда, Одессы, Симферополя, Ленинграда, Москвы. Молодых новоселов приняли в свою семью рослые березки, зеленеющие на развалинах цитадели.

Наверное, никогда за все последние годы в стенах Брестской крепости не было так многолюдно, у подножия обелисков не лежало столько цветов.

Впрочем, разве только обелиски в цветах? Цветы на руинах крепости, оплавленных немецкими огнеметами, на обломках стен, выщербленных пулями.

К этим священным стенам следопыты принесли свои маленькие и большие открытия, сделанные во время походов по дорогам славы:

СТРАНА ЧУДЕС В СОКОЛЬНИКАХ

Так говорят о международной выставке химии. В советском павильоне, на платформе-стенде, словно рассыпаны драгоценности: монокристаллы и сцинтилляторы. Они обладают удивительной способностью светиться под действием радиоактивного излучения. С их помощью можно производить аэрогеологическую разведку, «увидеть» малейшую ранку в кровеносном сосуде человека, изучать строение космических тел, обнаруживать дефекты в монолитных деталях.

А на следующем стенде — помощники врача волокна-световоды. Световой луч, пущенный с одного конца такого стекловолокна, отражается от поверхности слоя нити на всем пути. Тончайший шнур, сплетенный из таких волокон, вводят под кожу больного, и с помощью специального микроскопа врач осматривает клетки заболевшего органа.

В советском павильоне вертолет «Ка-26» внимательно осматривает профессор Рене-Луш Буше — директор технического отдела французской фирмы «Пешине — Прошиль».

— Наша фирма,— рассказывает он,— производит работы по борьбе с вредителями сельского хозяйства. Я приехал в Москву, чтобы изучить мелкокапельное опрыскивание виноградников с вертолета «Ка-26». У вас такой способ успешно применяется.

Инженера-химика Ээка Гиллиса, представителя шведской фирмы «Альфа — Лаваль» интересует автоматика, применяемая в молочной промышленности.

Находят для себя полезное на выставке и люди, не имеющие прямого отношения к химии. В финском павильоне перед стендом «Химические удобрения» надолго задерживаются Ферапонт Иванович Гаврилов и Иван Дмитриевич Гусаков — председатель и агроном колхоза «Новая жизнь». Иван Дмитриевич старательно записывает нормы и способы внесения в почву удобрений, рекомендуемые финскими фирмами.

— Наш колхоз на самой границе с Финляндией находится,— поясняет он,— вот и хотим попробовать у себя их рецепты. Урожаи-то они снимают немалые.

Инженеры с автомобильного завода «ЗИЛ» узнают, какие краски применяют французские автомобилестроители.

Есть на выставке стенд, у которого подолгу задерживаются люди, не имеющие никакого

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Генрих БОРОВИК,
Евгений ВОРОБЬЕВ

Автограф участника обороны П. М. Гаврилова.

Ключ от ворот легендарной крепости — подарок отцов сыновьям.

имена еще неизвестных героев, рассказы об их подвигах, документы, реликвии, ржавое оружие.

Сколько новых подробностей о героизме отцов описано благодаря ребятам из липецкого клуба «Неунывайки», которые прошли по местам боев 350 километров! Сколько новых славных имен принесли в Брест следопыты Краснодарского края, Крыма, Смоленщины!

Когда ребята решили устроить свой маленький музей славы в одном из уголков крепости и взялись за лопаты, чтобы сровнять землю, вдруг натинулись на вещи и оружие защитников крепости.

Кто последний раз пил из этого котелка? Кто стрелял из автомата, от которого уцелел лишь проржавленный диск?

Когда устанавливали палатки для гостей Брестской крепости, саперы обнаружили и обезвредили несколько сот немецких снарядов, спрятанных в земле и предназначенных для того, чтобы стереть с лица земли Брестскую крепость, которая стала для фашистов первым предвестником будущих поражений.

Многое увидела и услышала крепость в эти дни.

В 4 часа утра, как раз в то предрассветное время, когда в пограничный Брест ворвалась война, здесь прозвучал сигнал тревоги и несколько сот парней и девушек, выбежавших из своих палаток, услышали по радио голос диктора, читавшего первую сводку с фронта. А потом над крепостью разнеслась до боли знакомая песня «Священная война».

И в ночной темени горело пламя, зажженное в крепости от вечного огня городов-героев.

Огни прожекторов трепетали в водах Буга и речки Муховец, которые когда-то впервые отразили мертвенный след немецких ракет.

Юноши и девушки, приехавшие со всех концов страны, ходили между руинами, стараясь представить сейчас, что ощущали, о чем думали отцы в тот предутренний час 24 года назад.

Пусть молодым людям, собравшимся в эти дни в Бресте, война будет знакома только по книгам, кинофильмам и рассказам родителей. Но если понадобится вновь защищать Родину, пусть вдохновляет их на победу подвиг отцов!

отношения не только к химии, но и к технике вообще. Это стенд голландской фирмы «Талинс и сын», которая производит все необходимое для художников.

Много работы на выставке у деловых людей, приехавших сюда со всех концов мира.

— Здесь есть все возможности для взаимовыгодных торговых сделок,— рассказывает Карл Риттер, коммерсант из ФРГ.

О пользе деловых контактов в Советском Союзе говорят и другие коммерсанты.

Международная выставка в Сокольниках имеет очень большой успех. Она удовлетворяет запросы и ученых и деловых людей. Председатель Государственного комитета химической промышленности министр СССР Леонид Аркадьевич Костандов рассказывает:

— Западная пресса предсказывала, что выставка будет носить чисто технический, а не деловой характер. Эти прогнозы оказались несостоятельными. За первые семь дней работы выставки было заключено торговых сделок более чем на 60 миллионов рублей, в три раза больше, чем в прошлом году на Международной выставке строительных машин в Москве.

А. ГОЛИКОВ

В советском павильоне большой интерес вызывает устройство для производства серной кислоты.

Господин Тецуо Секи, президент японской фирмы «Нихон сеймицу Кикай», демонстрирует работу автомата, заклеивающего полиэтиленовые мешки.

Фото А. Гостева.

На днях в Чите закончился семинар молодых писателей, организованный Союзом советских писателей РСФСР.

Сюда съехались молодые литераторы из Иркутска и Благовещенска, с Сахалина и Бухты Провидения, Бурятии, Тюмени, городов Сибири и Дальнего Востока.

В семинаре принимали участие Леонид Соболев, С. Наровчатов, М. Соболь, А. Решетов, Ю. Рытхеу, Ф. Таурин и ряд других известных поэтов и критиков.

По окончании работы участники разъехались по районам области, побывали на шахтах, заводах, в колхозах, совхозах, воинских частях. Встретились со своими героями, провели ряд читательских конференций.

На снимке: Леонид Соболев выступает на заключительном литературном вечере.

О. КНОРРИНГ

Парад игрушек

В Центральном Выставочном зале с утра до вечера стучат молотки, свистят электродрели... К огромным, похожим на ворота дверям грузовики подвозят ящики, на боках которых грозные предупреждения: «Осторожно! Не кантовать!» Ящики тут же вскрывают, и из опилок и стружек встают, широко распахнув стеклянные глаза, нарядные красавицы, вываливаются плюшевые тигры, мирно почивавшие бок о бок с резиновыми оленями, полиэтиленовые тепловозы выводят разноцветные составы, потряхивают нейлоновыми гривами буланые кони. Все это немедленно подхватывается, расставляется по полкам, прибивается к стенам, подвешивается к потолку. Здесь готовятся к открытию Всесоюзной выставки детской игрушки.

— Такой выставки еще не бывало,— говорит директор П. В. Зеленяк.— На ней будут представлены не лучшие изделия художников и мастеров, а все игрушки, выпускаемые в стране. И цель выставки — внимательно и критично посмотреть, какие же игрушки изготавливают наши заводы и фабрики. Красивы ли они, радуют ли ребенка, прививают ли ему хороший вкус?

37 тысяч экспонатов прислано на выставку. Как же разместить их, чтобы ни одна игрушка не затерялась, не осталась незамеченной? Для этого писатели член-корреспондент Академии педагогических наук Сергей Михалков и Борис Бродский создали специальный сценарий экспозиции.

Специальная экспозиция знакомит посетителей с игрушками ушедших времен и с новыми моделями игрушечных дел мастеров.

Еще задолго до открытия выставки начали работать комиссии, куда вошли педагоги, врачи, художники, представители производства и торговли. Они тщательно осматривали каждую прибывшую на выставку игрушку, давали ей свою оценку. Заключение комиссий и замечания посетителей будут собраны и изучены, и потом кое-кто получит почетные дипломы и премии, а кое-кому придется покраснеть и снять свои игрушки с производства. Пусть знают, что игрушка — дело не шуточное.

Выставка завершится межреспубликанской оптовой ярмаркой.

Л. КАФАНОВА

ВСТРЕЧА НА АВТОЗАВОДЕ

Среди многочисленного коллектива автозавода имени Лихачева немало друзей «Огонька». На днях они собрались в просторном зале инженерного корпуса на встречу с редакцией журнала.

Главный редактор «Огонька» А. Софронов познакомил с работой журнала, с планами на будущий год.

Перед автозаводцами выступили авторы «Огонька». Тепло встретила аудитория поэтов Сергея Васильева, Алексея Маркова, Михаила Матусовского, Сергея Поделкова, которые прочли свои стихи. Ростовский писатель М. Андриасов рассказал о встречах с М. А. Шолоховым в станице Вешенской, москвич доцент Ф. Зигель сообщил о новостях ракетной астрономии.

Главный художник журнала И. Долгополов познакомил участников вечера с тем, как оформляется журнал. Фотокорреспондент Д. Бальтерманц показал свои последние работы. Выступление корреспондента Г. Гуркова было посвящено зарубежным командировкам спецкоров «Огонька».

В заключение слово было предоставлено композитору Павлу Аедоницкому. Зазвучали песни, исполненные солистом Всесоюзного радио и телевидения лауреатом международного конкурса Сергеем Яковенко и артисткой Инной Талановой.

ФЕЛЬЕТОН

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Кончились летние каникулы, и с первыми осенними днями пришел новый учебный год. Физики заполнили лаборатории, лирики устремились в читальные залы. Одним словом, пришла студенческая страда. Начался новый семестр и в учебном заведении, которое скромно названо школой и находится в самом Вашингтоне.

При первом знакомстве с заведением бросается в глаза отнюдь не детский и даже не студенческий возраст «школьников»...

Слушатели, в основном джентльмены среднего и выше среднего возраста, чинно восседают за длинными столами. Благообразный седенький лектор расхаживает по лекционному залу от одного наглядного пособия к другому. Пособия, как и все в этой «школе», весьма необычны: сейфы самых разных калибров, приставленные прямо к стене оконные рамы и двери, коллекция всевозможных замков.

— Мистер Джексон! — обращается лектор.

Джексон четко, по-военному встает со своего места и подходит к кафедре.

— Как вы подступитесь вот к этому сейфу, если в вашем распоряжении полчаса?

— Электрическое сверло,— быстро отвечает Джексон.

— Ну, а дальше?

— Высверлю замок. С этой системой просто. Элементарный ящик.

— Сверло? И только? — продолжает лектор, уже раздражаясь так, как это умеют делать только ретивые педагоги, повстречав нерадивого ученика.

— Да, сверло. Конечно... Динамит здесь ни к чему...

— Сверло, сверло! — совсем уже зло выпаливает строгий наставник.— А про молоко забыли? Чем охлаждать будете стенки сейфа при работе? Соплями!? Садитесь!.. Мистер Миллер, расскажите нам, какие существуют оконные рамы и как их открывать, не беспокоя при этом хозяев.

Урок продолжается...

Еще более серьезные занятия идут в соседнем помещении. Это большая лаборатория. Царство электротехники и электроники. Почтенные слушатели и солидный профессор. Тема занятия — как и где скрытно устанавливать подслушивающие и записывающие приборы. Лектор просит обратить особое внимание на изучение сложной электронной аппаратуры. Без этого, подчеркивает он, нельзя будет перейти к новому курсу —«Перехват и подслушивание телефонных разговоров».

Несмотря на всю свою оригинальность, школа эта не уникальна. Таких в одном только Вашингтоне несколько. Читатель уже, наверное, подумал, что эти учебные заведения готовят кадры для американской разведки или для ФБР. Нет. Тогда, может быть, это нелегальные курсы уголовников, давно ставших неотъемлемой частью многостороннего американского бизнеса? Тоже нет! Школа частных детективов, обслуживающих ревнивых жен и мужей? Снова нет!

Это просто-напросто школа при американском налоговом ведомстве. Так обучаются налоговые инспектора.

Плоды подобного просвещения двояки. С одной стороны, среди всех 26 федеральных учреждений, призванных бороться с преступностью, налоговое ведомство идет на первом месте по количеству возбужденных уголовных дел. С другой стороны, за последнее время свыше ста налоговых инспекторов уличены во взяточничестве.

Последнее обстоятельство и пролило некоторый свет на описываемые нами «школы», которые до последнего времени были скромно укрыты тенью более высоких вашингтонских учреждений. Сейчас выясняется, как выпускники «школ» применяют свои знания на практике.

Главное, что их всех объединяет,— это усердие при выколачивании налогов. Вооруженные новейшими знаниями и достижениями науки и техники, они бьют без промаха: или находят злостных, но недогадливых неплательщиков налогов (за это поощрение по службе), или «не находят» их (за это взятка с догадливых).

Вот как, например, бостонский агент Джон Харрис шантажировал владельца ресторана Бернарда Мангарри. В течение шести недель люди Харриса наблюдали за домом Мангарри при помощи инфракрасного телескопа, который позволяет видеть в темноте на большом расстоянии. Они пытались выяснить, не откладывает ли вла-

Идет подготовка к открытию выставки.

●

Фото А. Бочинина.

В кукольном ателье.

делец ресторана утаенные от налогов сбережения в свой секретный сейф. Попутно с интересом наблюдали за чужой личной жизнью. Простодушный взяточник Харрис припоминает: «Светило солнце. Миссис Макгарри принимала солнечную ванну. Мы разглядывали ее в бинокль».

В Балтиморе, Питсбурге, Детройте, Монтгомери и других городах коллеги Харриса додумались до остроумной штуки — системы зеркал, которая позволяет агенту без помех с удовольствием наблюдать за чужой жизнью.

Начитавшись в своих «школах» дешевых детективов, налоговые агенты любят мелодраматические эффекты, например, переодевания. В Бостоне они наряжаются в военную форму, а в Питсбурге маскируются под телефонных монтеров. Таким «монтерам» ничего не стоит запрятать в любом доме подслушивающую аппаратуру. Вконец обленившийся налоговый агент Крессон Дэвис подсоединил несколько подслушивающих аппаратов прямо к своему собственному дому и, таким образом, делал деньги и карьеру, не вылезая из пижамы.

Выпускник описанной выше «школы» Джеймс О'Нейл (выпуск 1961 года) стал в своих кругах выдающимся специалистом по электронным устройствам и применению самой современной уголовной техники. Перехват и запись телефонных разговоров, подключение подслушивающих аппаратов всюду, от квартир до автомашин, вскрытие сейфов — всем этим Джеймс О'Нейл по праву прославился в своем учреждении. И не случайно именно ему сенатор Лонг задал вопрос:

— По-вашему, выходит, что вас учили в Вашингтоне уголовной технике?

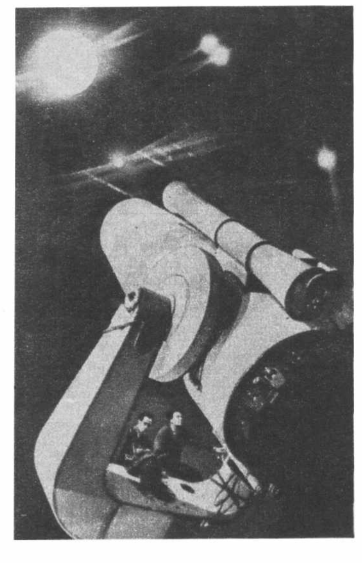
— Да, сэр! — ответил, не задумываясь, способный агент.

Наивный вопрос сенатора объясняется тем, что взяточничество налоговых агентов приняло масштабы чисто американские. К тому же их деятельность, описанная выше, входит в противоречие с американской конституцией. Но ведь конституция писана давно, а подобные «школы» и их выпускники действуют в США сегодня. Так что остается только посочувствовать сенатору Лонгу. Нечего ему сетовать на плоды просвещения, которые он и другие власть имущие сами взрастили. Что посеешь, то и пожнешь.

Остается посоветовать сенатору — памятуя об инфракрасном телескопе — поплотнее задергивать на ночь шторы.

В. НИКОЛАЕВ

ЗВЕЗДЫ СТАНОВЯТСЯ БЛИЖЕ

К. ЧЕРЕВКОВ,
собственный корреспондент «Огонька»

Мальчик огорчился. Трубка с двумя очковыми линзами расклеивалась, теряла фокус. Ленинградское небо чаще бывало хмурым, мать захлопывала форточку и отправляла одиннадцатилетнего астронома спать как раз в тот самый момент, когда ему удавалось поймать наконец на небосклоне Юпитер. Но больше все-таки было радости. Самодельный телескоп приближал к дому на Выборгской стороне загадочный диск Луны, мальчишка видел свет далекого Юпитера.

...И вот сделан первый настоящий телескоп с зеркально отполированным диском. Вадим Иванов ночами просиживал во дворе старинного дома на Выборгской стороне. Теперь уже мать не мешает вести ночные наблюдения: сын — студент Ленинградского университета, будущий астроном. Его приглашают в Пулковскую обсерваторию. Юноша поражен совершенной земной техникой, нацеленной в глубину Вселенной. И раскрывается главное призвание Вадима — быть строителем этих волшебных оптических инструментов. Теперь после занятий в университете он едет через весь город в Пулково, он пропускает иногда занятия и остается круглые сутки в мастерских обсерватории, где у него появилось множество внимательных друзей. Они научили его работать на токарном, фрезерном, сверлильном станках, открыли тайну создания зеркала. Вадим знакомится с Дмитрием Дмитриевичем Максутовым, астрономом с мировым именем. Он-то во многом и решил судьбу юноши. Ученый, тесно связанный с ленинградским заводом ГОМЗ, рекомендует студента в цех.

...По сравнению с очковой линзой театральный бинокль обладает завидным увеличением. Он приближает к нам сцену, актеров, находящихся на другом конце зала. А какие же объективы у телескопов, которые приближают к земле звездные системы? Представьте себе стеклянный зрачок диаметром в полтора — два с половиной, а то и больше метров! Расплавленное стекло заполнило форму, получилась отливка весом в пятьшесть тонн! Из нее сделают зеркало телескопа, который поймает излучение небесных тел.

Но прежде чем за нее примутся оптики, отливка должна остыть. Как вы думаете, сколько уйдет на это времени? Редко меньше года, а иногда более полутора лет. Глыба стекла в специальной термокамере будет медленно, нетороропливо, равномерно отдавать свой жар по строго разработанному графику. Остывшую отливку привезут на участок астрономической оптики, место, где прозревают хрустальные зрачки всех крупных отечественных инструментов. Здесь, на ГОМЗе, рождаются приборы главного калибра — мощные телескопы, идущие на вооружение обсерваторий.

Стеклянная заготовка поступает в руки мастера-оптика. Он остается с ней один на один несколько месяцев. Большая отливка обрабатывается порой полгода и дольше. Сменщика у оптика нет, работу нельзя передать другому, пусть даже более опытному.

Ровный ритм станков, люди в белых халатах у стеклянных дисков разных ясностей и разных размеров. Несколько десятков оптиков создают здесь самые сильные объективы, с помощью которых Земля смотрит в глубь мироздания. Старший мастер на этом участке по возрасту чуть ли не самый молодой; бородка и усы ничуть не старят недавнего студента Вадима Алексеевича Иванова.

Чтобы построить телескоп, необходим не один год. В США, например, телескоп с диаметром зеркала в пять метров строили почти двадцать лет! Быть может, в наш век, когда человек проникает в космос, не стоит тратить на создание телескопов столько сил и средств?

— Телескопы очень нужны человеку, — говорит Вадим Иванов.— Они долго еще будут служить ему, они нужны будут и на орбитальных обсерваториях; они будут стоять на Луне, на Марсе.

Всех людей, работающих в астрооптике, роднит влюбленность и уважение к своему ремеслу. Посетивший ГОМЗ известный американский промышленник Рокфеллер задержался у телескопа, где чем-то был занят пожилой, с проницательным взглядом рабочий.

— Сколько лет вы работаете на заводе? — спросил бизнесмен.

— Более тридцати, — ответил оптик-механик Селиванов.

— А вы неплохо выглядите!

— Как и наша астрономическая оптика, — улыбнулся рабочий.— Мы с ней ровесники.

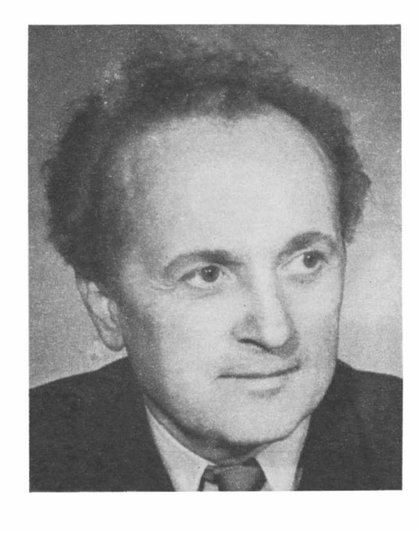
Да, они ровесники. И если 32 года — немалый стаж для рабочего, то это совсем немного для такой сложной и очень своеобразной промышленности, как телескопостроение. Россия, ввозившая из Германии театральные бинокли с маркой Цейса, сейчас знаменита своими астрономическими приборами. Построенные после войны совершенные телескопы стоят в башнях многих обсерваторий. И в сборке почти всех их участвовал Леонид Алексеевич Селиванов. Это он и его товарищи монтировали крупнейший телескоп, получивший высокую оценку астрономов Крымской астрофизической обсерватории. А вот этот, что сейчас стоит посредине сборочного участка, подняв кверху белоснежную трубу, куда меньше по своим габаритам.

— Внешне он невелик, — говорит Селиванов, — однако весьма современен, обладает большой оптической силой, наблюдает звезды слабой яркости.

Недавно с завода отправили новый звездный телескоп в далекое Чили. Там вблизи Сант-Яго вот уже третий год в обсерватории Серро-Калан пулковские астрономы вместе с чилийскими учеными наблюдают за звездами. Эти работы, ведущиеся учеными двух стран, имеют не только научное, но и практическое значение. Измерения точных координат звезд нужны не только астрономам, но и картографам, геодезистам, синоптикам, капитанам океанских кораблей, командирам воздушных лайнеров и тем, кто летает в космос.

В Чили поедет и ленинградский мастер Селиванов. Ведь ему больше, чем кому-либо, знаком тот звездный телескоп. У Леонида Алексеевича немало учеников, которые работают с ним рядом в цехе. Недалек тот день, когда сюда придет и младший сын Селиванова, Вячеслав, студент факультета оптики физико-механического техникума. И кто знает, быть может, ему-то и придется строить небывало гигантский телескоп.

г. Ленинград.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ И СТАТИСТИКА

Начнем со статистики, со сводки.

Такая сводка, публикуемая журналом «Театр»,— вещь небезынтересная. Она позволяет — посредством одних только сухих цифр — судить о сценичности творчества того или иного драматурга, об отношении зрителей к его пьесам. Судить довольно точно, потому что пьесы, прошедшие на сцене менее ста раз, в эту сводку вообще не включаются.

Итак, сводка перед нами. Цифры первой колонки обозначают количество спектаклей, прошедших от пятисот раз и выше. Здесь мы находим пьесу Г. Мдивани «Украли консула». Эту пьесу в 1964 году ставили 23 театра; она была сыграна ими 532 раза.

В этой же сводке, правда, несколько подальше, стоит пьеса того же автора «День рождения Терезы». Написанная несколько лет назад, она, понятное дело, уже не может считаться новинкой. Несмотря на это, «Терезу» в 1964 году показывали на своей сцене 29 театров.

Какие же качества делают обе пьесы столь прочно репертуарными?.. Острый ли сюжет — то мастерство, с каким развертывается драматургическая «интрига», позволяя держать внимание зрителей до самой последней минуты в неослабном напряжении? Или обязательный для творчества Г. Мдивани острый политический смысл, гражданственный пафос, высокий публицистический накал, делающие его пьесы современными, злободневными в лучшем смысле слова? А может быть, привлекают более всего убедительные, живо и свежо обрисованные характеры людей? Среди них вы уж обязательно встретитесь с такими, кто вам особенно полюбится и запомнится. И это будут не только заглавные герои.

В пьесах Мдивани всегда есть простор и для актера, создающего образ, и для режиссуры, и для самой живой, самой веселой фантазии художника, — есть где проявить выдумку и вкус, находчивость и изобретательность.

Пьесы Георгия Давыдовича Мдивани — впрочем, так же, как и сценарии его лучших фильмов, особенно фильма «Большая дорога»,— удивительно точно отражают облик самого писателя, встречающего сегодня свое шестидесятилетие. Они молоды и жизнерадостны. В них подкупает открытость и бесхитростность, искренний и радостный интерес к Жизни, неистощимая доброта, столь необходимая в борьбе за эту Жизнь...

Н. ТОЛЧЕНОВА

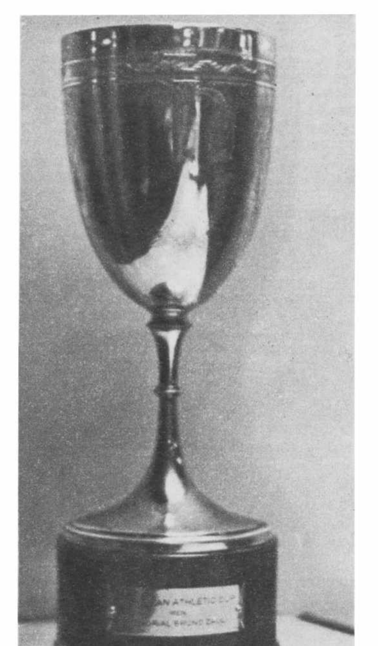

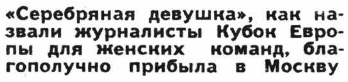
ПЕРВАЯ ПРОПИСКА

Календарь международных встреч по легкой атлетике с нынешнего лета обогатился двумя крупнейшими соревнованиями: учреждены Кубки Европы для мужских и женских команд. И вот борьба на двух стадионах ФРГ — в Штутгарте и Касселе — позади. Одержаны победы над лучшими европейскими командами. Кубки получили прописку в Москве.

Особенно успешно выступили советские спортсменки. Если мужчины сумели оторваться от легкоатлетов ФРГ всего на одно очко, то женщины обогнали спортсменок ГДР, занявших второе место, на целых четырнадцать очков. Героинями соревнований стали сестры Пресс: Тамара, уже несколько лет пытавшаяся улучшить свой мировой рекорд в толкании ядра, наконец-то добилась своего. Ее результат — 18 метров 59 сантиметров. Ирина повторила мировой рекорд в барьерном беге на 80 метров — 10,4 секунды. Эти два рекорда достойно увенчали триумфальное выступление советских легкоатлетов.

Адрес прописки этого золотого Кубка — Москва. Советские легкоатлеты — сильнейшие в Европе.

«Серебряная девушка», как назвали журналисты Кубок Европы для женских команд, благополучно прибыла в Москву

Вой сирен, автоматные очереди, вопли, звон разбиваемого стекла — все это прекратилось. Дым и языки огня больше не подымаются к небу. Полицейские власти рапортуют: в районе Уоттс города Лос-Анжелоса порядок восстановлен!

Довольно своеобразный «порядок», надо сказать! Он отнюдь не знаменует собой размеренную и мирную жизнь, скорее растерянность, подавленность, отчаяние. Следы жестоких расправ, которые бушевали в Уоттсе в августе, видны на каждом шагу: кварталы обгоревших зданий, усеянные обломками тротуары, исковерканные скелеты автомашин, разбитые витрины. По всей стране люди продолжают взволнованно обсуждать происшедшее. Как это началось? Какие причины породили то, что случилось в Лос-Анжелосе? Что это было такое? Кто несет вину за жертвы, за кровь?

«На этот счет,— писала «Нью-Йорк таймс»,— имеется столько теорий, сколько есть в Америке социологов». Впрочем, жаром теоретизирования охвачены не только социологи. Политики и служители церкви, выдающиеся негритянские деятели и полицейские чины, борцы за гражданские права и журналисты, рядовые американцы на всех ступенях общественной лестницы — каждый громко высказывает свое мнение. Некоторые из этих высказываний больше характеризуют личность самого высказывающегося, чем объясняют то, что он тщится объяснить.

Так, например, шеф полиции Лос-Анжелоса Уильям Паркер объявил, что «беспорядки» были вызваны «бандой хулиганов, которые только и думают, что о мятежах и разрушении». Мэр Лос-Анжелоса Самюэль Йорти возлагает вину за восстание на «преступные и безответственные элементы» и на «проводимую в мировом масштабе подрывную деятельность, цель которой—заклеймить жестокость полиции». Евангелист Билли Грэхем полагает, что «левые элементы» ответственны за эту «генеральную репетицию революции». Наконец, губернатор Эдмунд Браун, учредивший комиссию по расследованию из восьми членов и поставивший во главе ее... бывшего главу ЦРУ Маккоуна, предается пока философским размышлениям. «У нас в Калифорнии,— рассуждает он,— негры и белые все время очень хорошо уживались друг с другом. Я просто ума не приложу, как все это могло случиться!»

Удивляться приходится не тому, что это случилось, а тому, что это не произошло гораздо раньше. Раздавалось достаточно много голосов, говоривших о неизбежности взрыва.

«На протяжении многих лет,— пишет «Сан-Франциско кроникл»,— предсказывалась вспышка расовой розни. Об этом неоднократно заявляли деятели движения за гражданские права во всех уголках Соединенных Штатов». И, разумеется, имелся в виду отнюдь не один Лос-Анжелос, а и все другие негритянские гетто, которых много и на Севере и на Юге. Одним из наиболее отчетливых и прямых предсказаний была книга Джеймса Болдуина, озаглавленная «В следующий раз — огонь». Заголовок оказался пророческим.

Можно ли было ожидать что-либо другое? Нельзя загонять людей в жилые трущобы, лишать их работы, обрекая на вечную нищету, заставлять их растить детей на уличном асфальте, оскорблять их, мучить, избивать и просто убивать, нельзя, говорю я, так обращаться с целым народом и в то же время ожидать от него покорности и смирения, готовности никогда не возмущаться и не восставать.

Такие неминуемые восстания приобретают разнообразные формы. Иногда форму слепого взрыва ярости и стихийного бунта, без какого-либо руководства. Это словно проснувшийся вулкан, неожиданно извергающий, как огнедышащую лаву, всю накопившуюся горечь обид и унижений, сдерживаемые до этого гнев и отчаяние. Но как бы ни были стихийны такие восстания, это не уменьшает их значения.

Альберт КАН

В ходе восстания в Уоттсе были случаи разграбления магазинов, было сожжено много домов. Утверждают, что это было делом рук шаек подростков, наводнивших улицы с криками: "Вон белых!" Никакой мыслящий человек не станет оправдывать грабежей, но меня занимает следующая мысль: возможно, негритянские подростки расхватывали из магазинов, принадлежащих белым американцам, еду, одежду или даже спиртные напитки. Но разве жизнь этих самых подростков не была до этого разграблена и обездолена? С раннего детства у них систематически отнимали права и радости, без которых не могут формироваться самые ценные качества человеческой натуры. Они появились на свет под сенью конституции, провозгласившей, что «все люди созданы равными» и что неотъемлемыми правами человека являются права «на жизнь, свободу и стремление к счастью». Какие блестящие слова! Но какое отношение имеют они к негритянским детям? Право быть равными отнято у них заранее — еще до рождения. А что остается у них от права на жизнь, свободу, на стремление к счастью? Они растут, видя, как повседневно унижают и угнетают их отцов и матерей; первые уроки, которые преподает им жизнь, состоят в том, что цвет их кожи — это клеймо, делающее их низшими существами в мире белых; со дня рождения они уже приговорены прожить на десяток лет меньше, чем средний белый американец. И если кто-либо в связи с событиями в

Лос-Анжелосе склонен негодовать по поводу «насилий со стороны черных», то сколько причин для негодования приносит жизнь любому негру из тамошнего гетто!

Представители негритянского народа заявляют, что главной причиной событий в Уоттсе явились жестокости, повседневно творимые лос-анжелосской полицией. «Беспорядки будут возникать здесь всегда, пока не прекратятся жестокости полиции,— заявил священник из Уоттса Э. Л. Хикс.— Губернатор может говорить, что все кончилось, но мы общаемся с народом и знаем, что в нем происходит».

Сколько раз за последние годы негритянские лидеры обращались к лос-анжелосским муниципальным властям, приводя примеры избиения полицейскими негров — мужчин, женщин, детей! Сколько раз они предупреждали, что терпение негров близко к истощению. Даже само восстание в Уоттсе

Франциско игземайнер» так описывает «допрос» негра, которого привели в полицию: «Он не очень долго сопротивлялся и не очень сильно. «Бей его, пока не потеряет сознания!»— приказал кто-то, и полицейский в точности выполнил приказ. Негр очнулся через несколько минут, он плевал кровью и уже не мог больше сопротивляться». Репортер пишет далее: «Во время перестрелки с неграми один солдат национальной гвардии сделал замечательный выстрел. Он попал негру точно в лоб, между глаз; от выстрела разлетелась задняя часть черепа. Тот был мертв. Присутствовавший при этом сыщик сказал, что это на редкость красивый выстрел».

В другом газетном отчете приводится еще один эпизод. Солдаты национальной гвардии, блокировавшие проезд через шоссейный перекресток, окликнули подъезжавшую туда машину и приказали водителю остановиться. «Но

рыто снизу доверху, но никакого оружия не было найдено.

Член конгресса штата Мервин Дималли, который объехал район восстания, писал следующее:

«Я лично находился в течение последних трех дней в местах, где происходили столкновения. Я не встретил ни одного человека, который не выразил бы мне возмущения действиями полиции. В одном случае я видел, как восемьдесять полицейских избивали юношу и раскроили ему череп. Пораньше в то же утро я наблюдал, как полиция ворвалась на улицу и начала избивать дубинками ни в чем не повинных жителей, сидевших у своих домов или у калиток...»

Когда события стали клониться к концу, начальник полиции Паркер заявил корреспондентам: «Мы сверху, они под нами!»

В ряде газетных сообщений красочно расписывается тот факт, что некоторые негры были вооруже-

ны и вели «снайперскую стрельбу» по полиции и солдатам национальной гвардии. Во время войны — а в Уоттсе шла война — сила применяется обеими сторонами. Однако статистика жертв, опубликованная полицейским управлением Лос-Анжелоса, говорит сама за себя. Тридцать шесть человек было убито. Из них — два полицейских, причем один был случайно убит полицейским же. Один пожарный погиб, борясь с огнем. Остальные тридцать три убитых — все негры. Около тысячи негров было ранено. Более четырех тысяч негров арестованы.

вспыхнуло тогда, когда по гетто распространился слух об избиении полицейским негритянской женщины и ее сына, после чего их же арестовали.

Возмущение бесчинствами полиции в Уоттсе направлялось, в частности, в адрес ее начальника, уже упомянутого Уильяма Паркера, которого еще в 1962 году группа священников разоблачила как ярого ненавистника негров и организатора насилий над ними. (Паркер же, разыгрывая невинность, так изображает начало беспорядков: «Кто-то бросил камень, и тогда, как обезьяны в зоопарке, все другие тоже начали швырять камни».) Не раз и не два негритянские лидеры требовали отставки Паркера. Но их предупреждения, протесты и требования оставались без ответа.

Если длинная цепь полицейских расправ с неграми предшествовала событиям в Уоттсе, то апогея своего зверства полиции достигли во время самого восстания. Подлинный размах «подвигов» молодчиков Паркера, видимо, едва ли станет известным, но печать, радио, телевидение все-таки привели немало фактических свидетельств.

Весьма характерный эпизод был показан в телевизионной передаче. Негры выстроены в ряд с поднятыми над головой руками; их держат под дулами автоматов полицейские; некоторые из полицейских кричат: «Первый, кто опустит руки,— мертвец!»

Арестованных негров избивали дубинками, кулаками, топтали ногами. Один репортер из «Сан-

машина не остановилась,— сообщал далее репортер.— Возможно, водитель испугался или подумал, что ему удастся удрать. Но солдат национальной гвардии дал по машине очередь из пулемета 30-го калибра. Пули попали в машину и в водителя. Машина, лишенная управления, перевернулась на закруглении шоссе и остановилась. Национальные гвардейцы вытащили водителя — это была женщина, 47 лет, маленькая, хрупкая, ее тело и ноги были залиты кровью. Пока женщина лежала на мостовой, к ней подошел Ноэль Парментел, радиорепортер из Нью-Йорка. «Как вас зовут?» — спросил он. «Лони Кук»,— ответила она. У нее был перебит таз, мясо клочьями свешивалось с ног. «В ней не меньше пятнадцати пуль»,— сказал Парментел. Она долго лежала на улице, не менее четверти часа с нее снимали дознание... Потом ей сделали укол морфина и отправили в больницу, в палату, числящуюся за местной тюрьмой. Несколько часов она еще была жива».

Еще эпизод. Полиция вместе с солдатами национальной гвардии устроила набег на мусульманскую мечеть в Уоттсе. Полицейские заявляли, что в мечети негры прячут оружие. Сначала здание долго обстреливалось из автоматов и пулеметов, потом полиция и солдаты ворвались в здание, обстреляли внутренние помещения и арестовали группу мусульман, среди которых не оказалось ни одного вооруженного. Здание было пере-

Интересную статью опубликовала «Сан-Франциско кроникл»; в ней рассказывается об условиях в тюрьме Линкольн-Хейтс, куда арестованных свозили в переполненных грузовиках:

«Если стать на тротуаре перед запыленными окнами, можно через решетки увидеть фигуры заключенных. Они кричат вам: «Эй, малый, кого-нибудь ищешь?.. Эй, ты репортер?..»

Если вы кивком подтверждаете это, к вам летят через решетку записки:

«Я здесь с субботы, и меня еще никто не вызывал». «У нас здесь больные. Им нужен врач». «Голодаю. Нечего есть». «Все случилось потому, что полицейские стреляли без разбора».

Старый, весь в морщинах негр рассказывал через окно тому же репортеру: «Полицейские не знали, в чем меня обвинить. Потом они увидели на моей руке небольшой порез — я порезался накануне ножом для консервов. Они сказали: «Это у тебя от стекла, ты разбил витрину! Обвиняешься в грабеже со взломом».

Репортер так заканчивает свою статью:

«Никто не знает, сколько людей, разыскиваемых встревоженными родственниками, сидит в этой тюрьме... Адвокат говорил мне, что многие из пропавших, видимо, либо убиты, либо тяжело ранены. «Боюсь, что в моргах гораздо больше трупов, чем сообщается официально»,— добавил адвокат».

В «Сан-Франциско кол-бюллетин» опубликован целый ряд бесед с неграми, жителями Уоттса. Им задавали один вопрос: как они объясняют то, что произошло?

Вот некоторые ответы:

«Нашим людям нужна работа, а не подаяния. Все эти благотворительные бюро надо превратить в конторы по приисканию работы для негров... Вот в чем корень того, что произошло в Уоттсе... У нашей молодежи нет будущего, нет человеческого достоинства».

«Я, конечно, не одобряю поджогов и грабежей, тем более убийств. Но я понимаю, почему некоторые ребята делали то, что они делали в эти дни. Многие просто хотели, чтобы их наконец заметили, чтобы мир узнал, как тяжела и беспросветна их жизнь».

«Физическая недоразвитость часто приводит к наркотикам, преступлениям, к проституции. Вынужденное умственное безделье порождает недовольство. И то и другое — а у нас этого хватает — подлинные причины восстания».

«Такие вспышки будут продолжаться. Для полиции я, негр,— заведомый преступник. И если я иду по улице с красивой женщиной,— она для них проститутка, пусть это будет моя жена или сестра. Вот каков статут жизни для негров, установленный полицией в Лос-Анжелосе».

Едва ли не самый уничтожающий ответ на заданный вопрос дает история Майкла Лэннока, служащего полицейского управления Лос-Анжелоса. Положение негров в Уоттсе настолько потрясло его, что он сам принял участие в демонстрации борцов за гражданские права. Это произошло за несколько недель до кровавых событий, о которых идет речь. За это его выгнали со службы в полиции.

«Я считаю,— заявил он в ответ,— что в такой богатой стране, как наша, преступно допускать такую ужасающую нищету, как та, которая существует среди негров. Я сам видел, как негритянская женщина родила ребенка прямо на тротуаре под проливным дождем: у нее не хватило сил добраться до больницы для бедных».

Президент Джонсон счел возможным сравнить негров — участников восстания в Уоттсе — с куклуксклановцами Юга. Словно здесь нет коренного различия, хотя бы в том, что для подавления негритянского движения посылаются части национальной гвардии, а ку-клукс-клан, продолжая свои кровавые расправы с неграми, не чувствует, чтобы кто-нибудь старался помешать ему.

Ку-клукс-клан открыто проповедует и на практике осуществляет угнетение негров. А восстание в Уоттсе — это громкий и гневный крик протеста против угнетения и бесправия.

Перевел с английского Л. Чернявский.

К 90-летию со дня рождения С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

ТРУЖЕНИК И МАСТЕР

В этом доме все казалось сооруженным навечно: и сам дом с террасой-«шагальней», откуда открывался широкий вид на море, на всю его бескрайнюю синь, и столы, и стулья, и диваны, и надворные постройки, и плодоносный сад. И сам хозяин, богатырского роста, в сиянии буйных седых волос, со свежим румянцем на добродушном стариковском лице, казался несокрушимым здоровяком, которого никогда не согнут ни годы, ни недуги. И распорядок жизни, в котором все подчинялось постоянному, неистовому труду хозяина, представлялся заведенным на столетия. Хозяину шел девятый десяток, но он с юношеской подвижностью взбирался на гору, снисходительно поглядывая на своего спутника, моложе его на добрую четверть века.

Спутник никак не мог за ним угнаться, и старый человек, посмеиваясь в пышные усы, говорил: «Вы, нынешние, ну-тка».

Он вставал в семь часов утра и сразу же принимался за работу. Сперва он раскрывал тетрадь стихотворного дневника, который вел изо дня в день. Великолепный прозаик, он полагал, что работа над стихом — лучший способ оттачивать и совершенствовать прозу. Потом он откладывал дневник, брался за другую тетрадь, и его со всех сторон обступали герои очередного романа, он спорил с ними, сердился на них, если они его раздражали, и радовался, когда все шло гладко и мысль спокойно переливалась на широкие листы тетради. Если что-то не склеивалось, он шел на террасу и вышагивал там, сопровождаемый внимательным взглядом старого Джона, любимого пса, который уютно полеживал в углу.

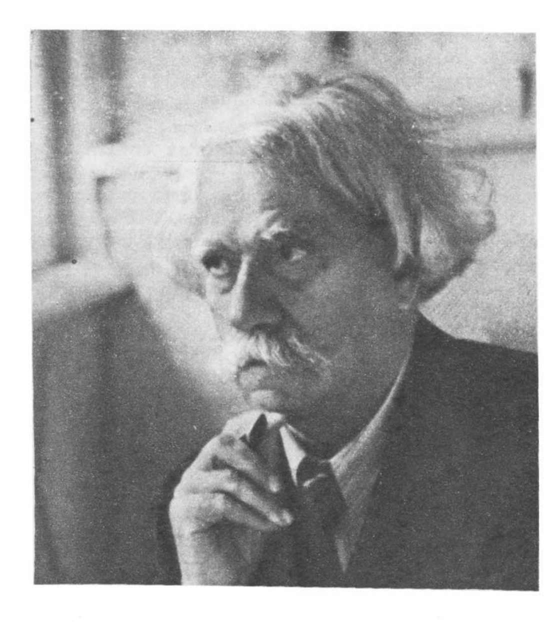
Потому терраса и называлась шагальней. В шагальне этой писатель решал судьбы своих героев, здесь они получали осуждение или оправдание, одаривались радостями или наказывались бедствиями. Работал он восемь-десять часов в день.

Творческие планы писателя были широки и могучи, как он сам, как его богатырская натура. На девятом десятке он задумал написать еще шесть романов, чтобы завершить свою эпопею «Преображение России».

— А потом можно и помирать,— говорил он.

И нисколько не верил в свою смерть.

Но она пришла, как всегда, нежданной гостьей. Через несколько лет умерла и его жена, Христина Михайловна, которая была ему предана всей душой, являясь другом, советчиком, помощником и первым читателем. «Без нее я бы ничего не написал»,— говорил он. Опустел дом на крутой горе в Алуште. Там теперь музей, и шумными толпами ходят экскурсанты. А было всегда тихо: старый писатель любил тишину,— и только зимние штормы доносили сюда отдаленный грохот яростного прибоя.

Сергей Николаевич прожил большую, долгую жизнь. И написано много: десятки романов, повестей, рассказы, пьесы, стихи. И все это полновесным золотом легло на пиршественный стол великой русской литературы. Он был не только неутомимым тружеником, но и превосходным мастером, блестящим продолжателем традиций Толстого, Гоголя, Достоевского, Лескова. Он страстно любил Россию — ее людей, природу, широкие поля, сень ее лесов, голубень русского неба. В одном из своих стихотворений он писал:

Я знаю много слов, и их удельный вес
Известен мне: слова — моя стихия;
Нет равного! Оно как гром небес,
Оно как девственный бескрайний мощный лес.
И круглое, как шар земной,—

РОССИЯ!

Он никогда не забывал родную землю, где родился, вырос, и с гордостью говорил: «Я — тамбовец». И псевдоним он взял себе — Ценский, от названия поэтичной тамбовской реки Цны.

За год до Великой Отечественной войны вышел трехтомный роман Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Он был посвящен событиям давним, но — такова сила связи времен! — служил настольной книгой для советских людей, оборонявших Родину от любого врага.

Сергея Николаевича горячо любил и высоко ценил Горький. Еще в 1912 году он писал: «О Ценском судите правильно: это очень большой писатель; самое крупное, интересное и надежное лицо во всей современной литературе». В 1927 году Горький написал Сергею Николаевичу: «Предвкушаю наслаждение перечитать еще раз «Печаль полей», вещь любимую мною». А несколько раньше, получив вторую часть эпопеи «Преображение России», роман «Обреченные на гибель», сообщил письмом о своем впечатлении: «Был день рождения моего, гости, цветы и все, что полагается, а я затворился у себя в комнате, с утра до вечера читал «Преображение» и чуть не ревел от радости, что Вы такой большой, насквозь русский, и от жалости к людям, коих Вы так чудесно изобразили».

Сергеев-Ценский дорог и во веки веков будет дорог русскому читателю, неизменно испытывающему высокое наслаждение от встречи с книгами романиста, исполненными поэзии, любви к Родине, к ее людям, ее правде и красоте.

Ник. КРУЖКОВ

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранятся тетради, в которых Сергей Николаевич Сергеев-Ценский вел свой «Дневник поэта». Напечатанные здесь стихи взяты из этих тетрадей.

БОРИСЬ!

1

Убитый не встанет, но станет другой
На место его в строю,
И если атака, то крикнет: «За мной!»—
Как должен кричать в бою.

Бой — дело святое: лежит за тобой
Родная тебе земля,
И враг, если кончит победою бой,
Затопчет твои поля.

2

Бой — дело святое. И в мирные дни
За правое дело борись,
Священны чтоб были тебе огни,
Какими сияет высь.

Что́ мелкие дрязги! Ты вырвись из них,
Оставь далеко за собой,
С порывом бушующих сил своих
Иди за большое в бой!

22.I.1957

БУДЬ ПОЭТ!

1

Когда читатель отзовется
На то, что ты творил любя,
Письмо обрадует тебя
И жизни ток в тебя вольется;

Но если отклика и нет,
А есть в душе твоей горенье,
Берись за новое творенье
С привычной силой! Будь поэт!

2

Когда-то — это помню я —
Кремень носили и огниво:
Ударят по кремню и — диво!—
Сверкнула искра, как струя.

Носи в себе такой кремень,
Огонь души твоей таящий,
И силою войдет творящей
В тебя огниво — каждый день!

4.I.1957

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ГАЛЕЙ АЛЕКСЕЕВОЙ

Если вы незнакомы с Галей Алексеевой, никогда не встречались с ней, то, услышав об ее успехах, представите себе спортсменку в расцвете сил, в зените славы. В самом деле, вот ее далеко не полный «боевой список»:

Двукратная чемпионка СССР. Второй призер Кубка Европы. Обладательница бронзовой медали Токийской олимпиады. Победительница традиционных соревнований десяти европейских стран.

Но Гале Алексеевой всего восемнадцать лет, она еще не покинула школьной скамьи. Когда же успела эта молодая москвичка овладеть сложнейшим искусством прыжков в воду? Ведь для того, чтобы побеждать в этом сложнейшем виде спорта, надо добиться многого: безукоризненного владения своим телом, реакцией акробата и художественным вкусом гимнастки. В воздухе надо чувствовать себя парашютистом в свободном падении, а в воде — рыбой.

Да, для того, чтобы стать отличным прыгуном с 10-метровой вышки, победить в себе боязнь высоты, научиться мыслить в считанные доли секунды, требуется не год и не два. Но Галя уже шесть лет занимается у В. А. Северина. Немало сил потратил замечательный воспитатель молодых спортсменов для того, чтобы вырастить Галю Алексееву. И вот она перед нами. Теперь Галя ни в чем не уступает обладательнице трех золотых олимпийских медалей, до сих пор не имеющей в Европе себе равных, спортсменке из ГДР Ингрид Кремер. В репертуаре Гали Алексеевой один из сложнейших «мужских» прыжков, который освоили всего лишь несколько спортсменок в мире,— «три с половиной сальто». Ее манеру отличает точность и элегантность. Она выполняет сложнейшие фигуры в воздухе так быстро, что всегда успевает успешно завершить прыжок безукоризненным входом в воду. А когда Галю спрашивают, как это ей удается так легко, так непринужденно чувствовать себя в воздухе, она улыбается вот так, как на этом снимке, и отвечает: «Но это же так просто!..»

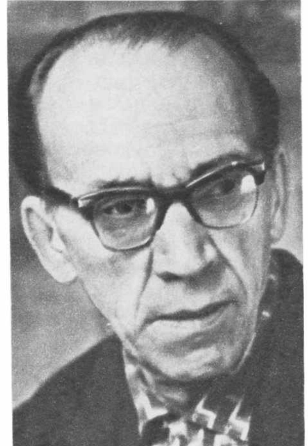
Галя Алексеева.
Фото А. Бочинина.

Ночная смена.

Фото М. Савина.

Город Губкин. Сквер Героев.

БЕССОННИЦА СТРАНСТВИЙ

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ

Музейные топоры

Я шел
 и видел топоры
С кривыми шрамами зазубрин,
Тупые,
 острые, как зубы
Доисторической поры.
Топор широкий, как лопата,
С багровой ржавчиною... Им
Сносили головы когда-то
Суровым прадедам моим.
А вот горбатая секира.
Не с ней ли, истово крестясь,
Землепроходцы по Сибири
Брели в снегах,
 месили грязь?
Я шел по одиноким залам,
Топча дорожки и ковры.
Какая ниточка связала,
Объединила топоры?
Их привели сюда раздор,
Отвага,
 мужество
 и казни...
И вдруг увидел я топор
На топорище безобразном.
Я вновь воспоминаньем ранен!
Не им ли, звонким и тяжелым,
Под снежным вихрем
 в Магадане
Я строил северную школу?
И с ним,
 от стужи зеленея,
Я прорубался в глубь лесов...
Я рад, что он лежит в музее —
Строитель дальних корпусов.
Его тайга одела в краски,
В нем затаился свет озер...
И я потрогал без опаски
Живицей
 пахнущий
 топор.

Баллада о сердце

На Дальнем Востоке,
 на родине милой,
Высокие ильмы стоят у могилы.
Лежат у могилы осенние травы.
Падают листья медалями славы
На строгие
 серые грани гранита.
Под ним партизанское сердце за-
 рыто.
Я был у могилы.
 Я слушал в ночи,
Как сердце героя под камнем
 стучит.
Чуть ветер подует —
 а в небе темно,—
Тревожно стучать начинает оно.
Когда же над морем ударит гро-
 зой,
На гром отзывается сердце Лазо.
По-прежнему
 силы народной
 полно,
Ни пеплом,
 ни прахом
 не стало оно!

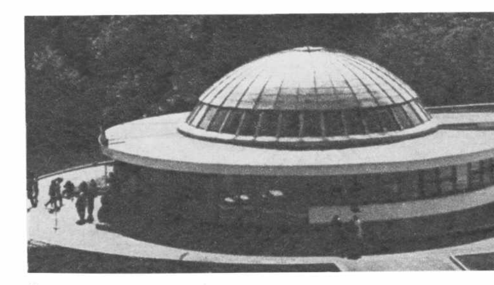
Качалов читает Есенина...

По радио
 в сопках осенних
Однажды сквозь сон прозвучало:
Сегодня Качалов,
 читает Качалов,
Качалов читает Есенина.
Ладони сложив на коленях
И голову набок склоня,
Я слушал,
 как он вдохновенно
Читал и читал для меня...
И странно,
 когда из тумана
Вздымалось полынное солнце,
Я шел на работу,
 да, странно,
Я словно забыл о бессоннице.
И тени тайги издымлялись
По травам,
 росою засеянным,
И чудилось мне и казалось:
Качалов
 читает
 Есенина...

* * *

Если был бы я небопроходцем,
Я бы, только мужество любя,
За тебя не уставал бороться,
Звезды открывал бы для тебя.
Милая Россия,
 мать родная!
Для тебя мы ищем и творим,
Тяжести любые поднимая,
Притяженьем
 счастливы
 твоим.
Знаю, мне не быть небопроходцем
И героем поздно...
 Не смогу.
Но твои ключи,
 твои колодцы
Я душой и песней берегу!

НОВОСТИ КИЕВСКОЙ ПОДЗЕМКИ

Открылись вторые ворота станции метро в Киеве — «Крещатик».
Фото Н. Козловского.

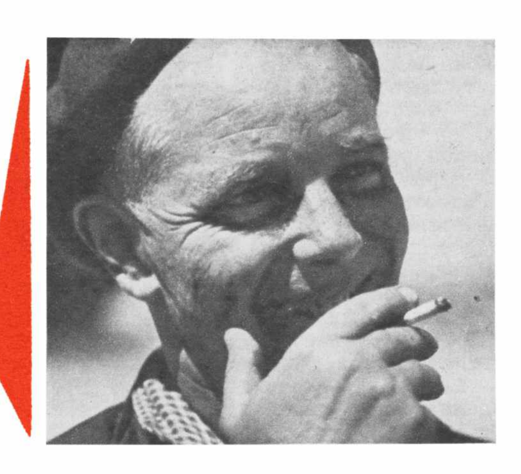
Метро прочно вошло в быт киевлян. Растет протяженность подземных линий, увеличивается число людей, пользующихся голубыми экспрессами. Больше всего пассажиров на станции «Крещатик» — 40—50 тысяч в день. И это понятно: Крещатик — центр города.

Однако многим жителям Киева, проживающим по улицам Октябрьской революции, Маяковского, Орджоникидзе, Карла Либкнехта, было далеко добираться до подземки. Для них метростроевцы соорудили вторые ворота станции «Крещатик», которые выходят на нагорную часть улицы Октябрьской революции, выше гостиницы «Москва». Всего-навсего вторые ворота... Но участники строительства, в первую очередь проходчики бригады Героя Социалистического Труда Дмитрия Масько и Петра Бондаренко, знают, сколько трудностей им пришлось преодолеть. Здесь были тяжелые гидрогеологические условия, приходилось бороться с плывунами, подгрунтовыми водами, вести работу под многоэтажными зданиями. От инженерного расчета требовалась особая точность, от строителей — мужество. На днях вторые ворота станции «Крещатик» открылись. Эскалаторная лента здесь самая длинная в Советском Союзе. По ней легко и удобно можно подняться с Крещатика в район крутых гор Киева.

В будущем году метростроевцы обещают построить еще один ход к этой станции — на улицу Карла Маркса. А в ближайшее время откроется движение поездов метро через Днепр в Дарницу.

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ,
собкор «Огонька»

ГРОМКАЯ СЛАВА ТИХОГО ГОРОДА

Коммунист Евгений Попов командует экскаватором.

Прошло совсем немного лет с тех пор, как богатства курских недр стали служить людям. Правда, впервые явления магнитных аномалий были замечены академиком П. Б. Иноходцевым, проводившим межевание земель Курской губернии еще в 1784 году. Но только спустя девяносто лет приват-доцент Казанского университета И. Н. Смирнов, проводя геомагнитные обследования Европейской части России, открыл залежи руды.

Сейчас неподалеку от Лебединского рудника построен город, чистенький, тихий, невысокий. Назван он именем академика И. М. Губкина, который в 1920 году возглавил комиссию по изучению Курской магнитной аномалии. Именно в этом году после принятия специального правительственного решения, подписанного В. И. Лениным, было положено начало практическому изучению рудных кладов.

Двадцать тысяч тонн руды ежедневно отправляется на металлургические заводы Донбасса, Липецка, Тулы, Ново-Троицка и Магнитогорска.

История продолжается. Богатств уникального месторождения хватит не одному поколению. Многочисленная армия рудодобытчиков своими делами умножает славу курской земли.

М. САВИН

Лариса Загуляева, Фея Чиликова и Наталия Емельянова работают на руднике и одновременно учатся заочно в политехническом институте.

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки О. КОРОВИНА.

УДАЧЛИВЫЙ ИГРОК

Дембович нарезал лимон, уложил тонкие дольки на коричневом блюдце и нетерпеливо крикнул:

— Завтрак стынет!

— Зайди ко мне,— послышалось из-за двери.

Дембович вошел и недовольно поморщился: накурено так, что щиплет глаза и за пеленой дыма еле виден Зароков,— Дембович не сразу обнаружил, что тот лежит на кровати.

— Так недолго и дом сжечь. Окурки на полу...— проворчал Дембович, оставляя дверь открытой.— Завтрак совсем остыл.

— Вот что, дорогой мой хозяин. Я вижу, вы с большим уважением относитесь к своему желудку. По этому поводу я хочу рассказать вам один эпизод, имевший место у нас в диспетчерской. На днях я дружески болтал с товарищами и, между прочим, угостил их «Казбеком». Они сказали, что я богато живу. Намек был недвусмысленным. Как бы это сделать, чтобы у них не возникали разные вопросы?

— Что-то надо придумать,— ответил Дембович.

— Подумай, ты же обстановку знаешь.

Дембович, помолчав секунду, сказал:

— Кажется, надо выиграть.— И, как бы убеждая самого себя, прибавил: — Совершенно правильно, надо выиграть. Скоро розыгрыш. Я знаю. Слежу. У меня у самого есть две облигации.

— Не понимаю.

— По трехпроцентному займу. Надо после опубликования таблицы выигрышей потолкаться в какой-нибудь сберкассе среди счастливчиков и попробовать кого-то осчастливить еще раз. Трудно. Но если повезет, можно найти человека, который отдаст вам свою облигацию, а вы ему отдадите деньги, причем, конечно, больше, чем значится в таблице.

— Просто, но убедительно,— сразу все понял Зароков.

Через несколько дней после опубликования таблицы выигрышей очередного тиража трехпроцентного государственного займа в красном уголке таксомоторного парка Зароков, понаблюдав минут пять за партией «козла», подошел к столику, где лежала подшивка «Известий», над которой склонились двое. Когда они перевернули последнюю страницу, Зароков увидел таблицу и сказал: «О, братцы, у меня же облигация имеется. А ну, проверим!» Он достал из бумажника двадцатирублевую облигацию, посмотрел на номер, произнес его вслух, и замасленные указательные пальцы побежали по столбикам цифр.

— Есть! — воскликнул один из шоферов.

— Ты смотри...— удивился другой.

Зароков сначала даже не поверил. Он глядел то на облигацию, то на таблицу. Но сомнений быть не могло: облигация выиграла тысячу рублей новыми деньгами. Зарокова поздравляли, кто-то объявил, что с него причитается. Зароков принимал поздравления с растерянным видом, разводил руками, наконец сказал: «Дуракам везет». А потом пригласил тех двоих в шашлычную.

Это приглашение прибавило Зарокову популярности в таксомоторном парке. Во-первых, не жлоб. Во-вторых, пьет, но знает меру. А Зароков сделал для себя в шашлычной полезное открытие: можно, как сказал один из его собутыльников, ходить на ипподром, на бега. Новичкам в тотализаторе, как во всякой игре, обязательно везет. Старые, прожженные тотошники даже специально поджидают новичков у кассы, чтобы подслушать их ставку и сделать такую же... Зарокову пришлась по душе мысль как-нибудь сходить на ипподром...

Он собирался наладить свою жизнь в этом городе не на месяц и не на год. На много лет. Собственно, если не считать коекаких специальных заданий, у него одна цель — внедриться, пустить корни, сделаться настоящим Михаилом Зароковым. И пока все складывалось удачно.

...В следующий свой выходной он проснулся на рассвете. Подтянувшись на локтях, отодвинул оконную штору. На дворе был снег. Солнце только-только вставало. Чувствовалось, что день будет ясный и морозный.

Бреясь в ванной перед зеркалом, он соображал, чем бы заняться. Вспомнил о разговоре в шашлычной. Тот парень говорил, что бега бывают по вторникам, четвергам и субботам. Сегодня четверг. Значит, можно на ипподром. Если бы еще Мария согласилась с ним пойти, было бы совсем хорошо...

Он позвонил ей из ближайшего автомата.

— Здравствуйте, Мария!

— Здравствуйте, товарищ Зароков! — Голос у Марии был веселый.

— Как дела?

— Отлично. Не хочется сидеть в помещении в такой день.

— Денек хорош. А что вы делаете после работы?

— Не знаю. Планов не строила.

— Слушайте, Мария, у меня есть предложение. Вы когда-нибудь на ипподроме бывали?

— Нет.

— Давайте сходим? Я тоже никогда не был. Говорят, интересно.

— Ну что ж, давайте.

Зароков даже не ожидал, что его настолько обрадует согласие Марии.

— Только надо потеплей одеться.

— Не замерзну.

— Так где прикажете вас ждать?

— Давайте у цирка. Возле телефонов-автоматов.

— Я буду ровно в четыре.

В четверть пятого они встретились. Зарокова поразил цвет лица Марии. Как будто не она просидела целый день в прокуренной брехаловке. И ему было очень приятно, что такая красивая молодая женщина пришла к нему на свидание.

Зароков остановил такси, и через десять минут они были на ипподроме. Он взял билеты на главную трибуну, после недолгих блужданий по переходам они поднялись наверх, туда, где гудела возбужденная толпа. Уже темнело. На кругу перед трибунами включили прожекторы, которые осветили белое поле, белый щит с черными цифрами, и черную ленту дорожки, и столбы. Шел второй заезд. Лошади были где-то на противоположном краю ипподрома.

Они стали у колонны в десятом ряду. Зароков спросил у соседа, как пройти к кассам тотализатора, и, оставив Марию, побежал делать ставку. Он купил наугад десять билетов в «одинаре» — по полтиннику и десять дублей — по рублю. По пять для Марии и для себя. Когда брал сдачу, на кругу зазвонил колокол, трибуны взорвались оглушительным криком, и Зароков поймал себя на том, что совсем забыл о главной причине, приведшей его сюда, что дух игры, азарт, которым пропитан воздух ипподрома, завладел им. И ему показалось унизительным разыгрывать перед Марией предстоящую комедию. Но то была лишь минутка. Отойдя от кассы, он стряхнул с себя внезапное наваждение...

Мария смотрела на дорожку, где в ожидании нового заезда бегали размашистой рысью разномастные лошади, впряженные в легкие двухколесные коляски, в которых сидели пестро одетые наездники, и глаза у нее блестели.

Зароков, пошутив, что им, как новичкам,

Продолжение. См. «Огонек» № 38.

обязательно должно повезти, разделил билеты на две пачки, положил одну в левый карман пальто, другую в правый и сказал, что левая пачка принадлежит Марии, а правая ему.

Дали старт очередному заезду, и трибуны притихли. Зароков держал Марию под руку, искоса поглядывал на нее и молчал.

Снова зазвонил колокол, и трибуны вздохнули. Потом еще заезд. И опять звон колокола. И так повторялось раз семь или восемь. Не разбираясь в механизме тотализатора, Зароков решил не вникать в объявляемые номера выигравших лошадей. Он сказал Марии, что они узнают обо всем сразу, когда бега окончатся.

Все здесь было удивительно для него и Марии. Но самое удивительное произошло тогда, когда Зароков, оставив Марию, спустился к кассам, выплачивавшим выигрыши, и разузнал, по каким билетам платят.

Оказалось, что ему не придется разыгрывать комедию перед Марией: шесть его билетов — два одинарных и четыре дубля — выиграли! Три билета были из левого кармана, три из правого. Выигрыши были одинаковые, потому что и на четырех дублях и на двух одинарных значились одинаковые ставки.

Несколько озадаченный, Зароков встал в очередь сначала к одной кассе, получил по одинарным семнадцать рублей, потом в другом окошечке, где народу было значительно меньше, получил по дублям девяносто шесть рублей. Черт его знает, действительно новичкам везет!

На трибуну, где ждала его Мария, Зароков взлетел единым махом.

— Вот! — воскликнул он.— Мы выиграли сто тринадцать рублей! Хотите верьте, хотите нет. Половина ваша.

Он помахал зажатыми в руке деньгами.

Мария засмеялась и сказала:

— Нет, нет! Что вы? Я их не покупала.

— Но это несправедливо! Если уж быть щепетильным, то я вычту из вашей половины стоимость билетов — и ваша совесть чиста.

Но Мария категорически отказалась от денег.

— Лучше идемте отсюда. Я что-то начинаю зябнуть.— Она взяла его под руку, и они пошли по лабиринту переходов.

— Но если вы откажетесь от ресторана, это будет необъяснимо.

Мария сказала:

— В ресторан я с вами пойду.

Три часа, проведенные на ипподроме, и два часа в ресторане сблизили их так, словно они знали друг друга с незапамятных времен. Когда вышли, Зароков спросил:

— Почему вы одиноки? Неудачный брак?

— К сожалению. Это длинная история...

— Я провожу вас.

Пошел снег. Крупный, лохматый. И на улицах сразу стало светлее. Они шагали молча. Зароков все время посматривал на нее сбоку.

— Ну, вот мы и пришли,— сказала Мария.— Давайте прощаться.

Он задержал немного ее руку в своей руке. Потом она быстро-быстро поднялась по каменным ступенькам на четвертый этаж, а он слушал, как стучат ее каблуки.

ЗАКОННЫЙ ЖИЛЕЦ

Квартира, в которой обосновался Павел Матвеев, состояла из двух смежных, соединенных дверью комнат и маленькой кухни.

По выцветшим, изрядно замасленным обоям трудно было установить, какой рисунок был на них первоначально. Меблировка самая разностильная. Квартира имела черный ход. Хозяйка, маленькая пожилая женщина, которую уже вполне можно было называть старушкой, впрочем, очень подтянутая и живая, держалась с Павлом неприветливо и сухо.

Через день явился Куртис. Павел еще не успел обнаружить пропажу. И был удивлен, когда Куртис протянул ему портсигар.

— Брали на сохранение?— спросил Павел.

— Представь себе...

Павел пошарил в карманах.

— У меня была еще одна рыжая игрушка,— сказал он рассеянно.— Неужели она вам так понравилась?

Куртис не понял.

— Какая рыжая?

— Ну ладно, я вам дарю ее, маэстро,— сказал Павел. Но, увидев, что Куртис вот-вот рассердится, поспешил его успокоить:— Не расстраивайтесь, маэстро. Черт с ним!

Куртис сказал, чтобы Павел пока не выходил на улицу. Без хороших документов нельзя. Нужно отсидеться.

— У тебя фото для документа найдется?

Карточки у Павла не было.

Куртис вынул из кармана маленький фотоаппарат, поставил Павла против окна и щелкнул несколько раз.

С этого дня для Павла начался долгий карантин.

Было ясно, что завязать дружбу с хозяйкой не удастся. Павел быстро сделал и другое заключение: хозяйка безотрывно следит за ним. Когда Павлу надоело дышать свежим воздухом только через форточку, он однажды попытался выйти на улицу. Хозяйка загородила ему дорогу и заявила:

— Вам нельзя выходить.

Чем же заняться? Павел оглядел комнату. На стене над комодом висело несколько фотографий. Павел, сидя на диване, начал их изучать. Вот семейная фотография: отец, мать и трое детей. В тоненькой девушке, обнявшей родителей, едва угадывалась хозяйка квартиры. С другой фотографии глядела молодая пара и двухлетний мальчик. Была еще фотография уже старой женщины и молодого человека в матросской форме, как видно, матери и сына.

Биографию старухи трудно было себе представить. Может быть, у нее в жизни произошла какая-то трагедия? Как говорится, жизнь не получилась, и женщина обозлилась постепенно на весь белый свет. Кто ее знает! Одно только было ясно: старуха зависит от Куртиса и потому так предана ему.

Как-то, отдыхая после обеда, Павел почитывал потрепанную, без начала и конца книгу, изданную, вероятно, в прошлом веке. В ней повествовалось о любви и загробной жизни.

Павел встал, вышел на кухню. Старухи не было. Он подошел к другой комнате, открыл дверь. И там ее не было. Павел направился к входной двери. Она была заперта только на французский замок. Внутренний запереть старуха забыла. «Это уже прогресс»,— сказал он. Быстро пошел в комнату старухи, открыл шифоньер, порылся в белье, достал деньги: он однажды подсмотрел, куда она прятала свою наличность. Оделся и вышел на улицу...

Вернулся он поздно. Старуха встретила его злым взглядом.

Однажды — это произошло в субботу утром — явился Куртис. Он был в новом пальто, в пышной светло-коричневой шапке, а когда разделся, оказалось, что и костюм на нем новый.

Павел, обрадованный его приходом, обнял Куртиса, а потом стал вертеть его из стороны в сторону. Осматривая костюм, пощупал борта пиджака, потрогал плечи.

— Неплохо прибарахлились,— сказал он, закончив осмотр.

— Я уже стар, дорогой мой,— отвечал Куртис со вздохом.— Так пусть хотя бы костюм будет новый. Как дела?

— В тюрьме намного веселей.

— Ну, ничего. Скоро все переменится,— сказал Куртис, садясь к столу.— У тебя паспорт есть?

— Что за вопрос?

Павел достал из кармана брюк паспорт и протянул его Куртису.

Куртис с интересом взял паспорт, и брови у него поползли вверх. С фотокарточки на Куртиса смотрела его собственная физиономия.

— «Дембович Ян Евгеньевич. Время и место рождения — 18 июля 1901 года, город Херсон»,— машинально вслух прочел он.

— Когда же ты успел? — искренне удивленный, спросил Куртис.

— Пока вы моргали.— Павел, прищурив левый глаз, прицелился в Куртиса указательным пальцем, как прицеливаются из револьвера.— Я вас поймал, маэстро. Значит, или вы не Куртис, или этот паспорт не ваш?

Куртис колебался лишь секунду. Еще раз посмотрев на паспорт, он спокойно объяснил:

— Застарелая привычка... Всегда полезно при первом знакомстве не говорить настоящего имени.

— Ладно, не оправдывайтесь. Оставайтесь Куртисом, только в следующий раз будьте осторожнее.

— Урок пойдет мне на пользу,— сказал Куртис.— Но теперь к делу. Дай твой паспорт.

Павел достал из пиджака, висевшего на спинке стула, потрепанный документ.

— Вот, прошу.

— Почему чужая фамилия? — спросил Куртис.— Ты же Матвеев, а тут...

— Моя настоящая фамилия мне теперь ни к чему. А это я позаимствовал у одного гражданина.

— Но как же фото? Ведь здесь твое?

— Имеем опыт. Правда, я был тогда немного помоложе,— объяснил Павел.

— Вполне подходяще,— сказал Куртис.— Но я у тебя его отберу.

— Пожалуйста,— охотно согласился Павел.

Куртис стал совсем серьезным.

— Вот тебе новый — на имя Корнеева.

Павел взял протянутый паспорт.

— Корнеев так Корнеев.

Куртис положил на стол узенькую полоску бумаги.

— Вот адрес. Ты послезавтра пойдешь в отдел кадров. Постарайся устроиться на работу, не отказывайся ни от какой. Места у них там должны быть.

На столе появилась трудовая книжка.

— Возьми это. Как следует запомни все, что здесь написано, а то будешь путаться.

Павел поморщился.

— Вы хотите сделать из меня ударника коммунистического труда? Маэстро, я же квалифицированный вор, мне работать нельзя.

— Это необходимо. Нелегально долго не проживешь. А потом не беспокойся, дело найдется.

Павел раскрыл трудовую книжку, стал читать, и лицо у него сделалось кислое.

— Веселая жизнь была у этого Корнеева... грузчик, истопник, разнорабочий какой-то... Не могли придумать что-нибудь поинтереснее?

— Ты же сам говоришь, работать не привык. Что ты умеешь?

— Когда-то действительно прилично знал радиодело.

— Когда-то! — передразнил Куртис.— Спорить тут нечего. Надо поступать на работу.

Павел полистал паспорт, увидел штамп прописки.

— Прописан я здесь?

— Да.

— Тогда пусть старуха перестанет глядеть на меня, как солдат на вошь. Я законный жилец.

— Имей в виду, ты ей приходишься племянником. Приехал из Минска на постоянное жительство... Полагаю, с племянником она будет вести себя иначе.

— Больше вопросов нет. Могу я пойти погулять?

— Конечно!

Одевшись, Павел подошел к двери в комнату хозяйки, приоткрыл ее, крикнул: «Привет, бабуся!»,— сделал Куртису прощальный жест и выбежал вон из квартиры.

Дембович позвал хозяйку.

— Садись. Что нового?

— Что же нового? — сухо отвечала она.— Я вам уже говорила... Очень любопытный молодой человек, всю квартиру обшарил, во все углы сунул нос. Что ни положишь — осмотрит. Монеты золотые нашел. Одну взял... Украл тридцать рублей. Забыла двери запереть — ушел... Явился пьяный... Жулик он...

— Определенно жулик,— задумчиво произнес Дембович.— Не спрашивал обо мне, кто я?

— Нет.

— Ну, хорошо. Теперь он твой родственник. В домоуправлении все устроено. Вещи его смотрела?

— Нет.

— Надо осмотреть.

— Не было случая. Раз ночью входила, но не решилась. Спит чутко.

— Поворачиваться надо.— Дембович достал бумажник, вынул из него белую таблетку.— Вот растолчешь, всыпешь в водку.

ОБЫСК

Хозяйка действительно непонятным образом переменилась.

Утром она сама разбудила его.

— Пора вставать,— услышал Павел тихий голос и открыл глаза.

— Что, нарушаю санаторный режим?

Она промолчала. Павел быстро оделся. Позавтракав, он решил, что не лишним будет попривередничать, показать характер.

— Слушайте, бабушка, где жалобная книга? Плохо кормите.

— Ты и этого не заслуживаешь,— ответила хозяйка.

— Справедливо,— сказал Павел.— Пошел заслуживать.

Изумлению Павла не было конца, когда хозяйка дала ему ключи на железном колечке, сказав: «От входной двери».

Он отправился по адресу, который дал ему Куртис,— это оказался хлебозавод. В отделе кадров молоденькая курносая девушка-инспектор, полистав его трудовую книжку, предложила должность разнорабочего. В его обязанности, объяснила она, будет входить погрузка хлеба в автофургоны. Павел почесал за ухом и согласился. К работе можно было приступать хоть сейчас, не дожидаясь официального оформления и приказа. И Павел тут же приступил. Целый день он грузил ящики со свежим, только что выпеченным хлебом в фургоны. Он отнюдь не был хлипким, двухпудовая гирька когда-то летала в его руках, как детский мячик. Но с непривычки намотался так, что домой ехал совсем разбитый.

Медленно поднявшись по лестнице и войдя в квартиру, он разделся, повесил пальто и кепку на вешалку и хотел сразу идти в ванную, но хозяйка, выглянув из своей комнаты, сказала:

— У тебя гость.

В его комнате на диване сидел с газетой в руках Куртис.

— А, передовик производства! — приветствовал он Павла.— Рассказывай, как дела.

— Минуточку, маэстро,— устало сказал Павел.— Смою трудовой пот.

Куртис ждал с нетерпением рассказа о прошедшем дне, и Павел не стал его томить, отказавшись на этот раз от своих обычных шутливых отступлений.

Куртис остался доволен его рассказом. Скоро хозяйка пригласила ужинать.

— Надо обмыть назначение,— потирая руки и усаживаясь, сказал Куртис.

На столе стоял графинчик с водкой и распечатанная бутылка коньяка, тарелки с закусками.

— Сразу видно, бабушка уважает трудовых людей,— сказал Павел.

— С чего начнем? — спросил Куртис.

— С водки, конечно.

Через полчаса Павел почувствовал, что его клонит в сон. Он подумал, что все-таки тяжелая физическая работа для непривычного человека — это тебе не утренняя физзарядка, и сказал:

— Я, кажется, расклеился. Надо спать.

— Может, по последней?

— Нет, нет.

У Павла уже не ворочался язык. Он побрел из кухни, ступая неуверенно, словно ноги у него отнялись.

Посидев минут пятнадцать, Куртис поднялся, заглянул в комнату Павла. Тот спал на спине, раскинув ноги, свесив к полу безжизненную правую руку. Пиджак висел, как всегда, на спинке стула, брюки валялись, скомканные, рядом со стулом.

Куртис, взяв вещи Павла, перешел в комнату хозяйки.

Положив брюки на сундук, он начал обыскивать карманы пиджака. Вынул уже знакомый ему сверток с побрякушками, записную книжку в зеленом переплете, некий предмет, представлявший собой увесистый, в полкилограмма, стальной шарик, обернутый толстой лоснящейся кожей и прикрепленный к гибкой ручке из китового уса.

Ян Евгеньевич разложил все это на сундуке и начал просматривать записную книжку. Хозяйку же заинтересовал незнакомый ей предмет. Она взяла, взвесила его на руке и спросила в недоумении:

— А это что?

— Чтобы бить людей по голове,— раздраженно объяснил Ян Евгеньевич.— Не задавай глупых вопросов. Эмма, мешаешь.

Хозяйка с испуганным лицом положила шарик на сундук, отошла в сторону и больше ничем не интересовалась.

Ян Евгеньевич долго и внимательно изучал записную книжку Павла. Здесь было много адресов и телефонов, причем постороннему человеку оставалось непонятным, каким городам принадлежат эти адреса и телефоны. Было также множество невразумительных заметок.

Там, где кончался алфавит и начинались чистые листы, Ян Евгеньевич обнаружил маленькую, сделанную для документа фотографию пожилой женщины. Невеселый взгляд, чуть наморщенный лоб, прическа гладкая с пробором посредине. Он быстро переснял карточку своим крошечным, со спичечную коробку, фотоаппаратом, а потом начал щелкать над каждой страницей записной книжки.

Ровно через неделю после первого похода на ипподром Зароков снова пригласил Марию съездить посмотреть лошадей и попытать счастья в игре. Все было так же интересно, как в прошлый раз,— все, кроме одного: хотя он опять накупил кучу билетов, потратив тридцать рублей, выигрыш составил смехотворную сумму — всего два рубля семьдесят копеек. Зароков забыл, что он уже не новичок на ипподроме, и теперь уже ему придется разыгрывать перед Марией идиотские водевили под названием «А я опять выиграл!». Однако он не опасался, что Мария заметит фальшь: он давно понял, что Мария наивна и доверчива, хотя на первый взгляд может показаться гордой и умудренной житейским опытом женщиной.

Вот и сейчас, выслушав сообщение, что они снова выиграли кучу денег, Мария была обрадована чисто по-детски.

Потом они поужинали в кафе, и, как в прошлый раз, он проводил Марию до ее дома. В гости не напрашивался, решив подождать, пока она не пригласит сама,— он был уверен, что этот момент не так уж далек.

С тех пор они стали видеться чаще. Раз в неделю обязательно посещали ипподром, и Зароков обязательно исполнял свою хорошо отработанную роль, варьируя только сумму так называемых выигрышей.

Часто ходили в кино. По воскресеньям же, если он не работал, покупали билеты в какой-нибудь театр.

Зароков нравился Марии все больше и больше. Она сразу, с первых дней его работы в парке, выделила его. Он казался умнее и интеллигентнее всех других шоферов. Был неизменно вежлив и спокоен, никогда она не услышала от него скверного слова.

Михаил понемногу рассказывал о себе, но никогда особенно не расписывал свою биографию, и это тоже нравилось Марии. Из его отрывочных рассказов Мария узнала, что он рано осиротел, что у него где-то должна быть сестра, которую он очень любил и любит и с которой они растерялись во время войны. Он был в плену, числился пропавшим без вести. Потом бежал из плена, опять воевал. И по тому, как Зароков, вспоминая свою жизнь, хмурил брови, Мария догадывалась, что ему тяжело перебирать в памяти события минувших лет. И она даже жалела его в такие минуты, хотя он всем своим обликом и характером менее всего походил на человека, нуждающегося в жалости.

Он ни разу не позволил себе сказать, нравится ли она ему. Но об этом и не надо было говорить, Мария и так все видела.

Новый, 1962 год встречали у ее подруги Лены Солодовниковой. Компания собралась пестрая, но Зароков нашел общий язык со всеми, и так как он был старше других, то скоро завладел общим вниманием и стал вроде бы не гостем, а хозяином. Лена работала библиотекарем и была по-библиотечному тиха и спокойна и даже за праздничным столом не могла говорить громко. И она, книжная душа, просто поразила Марию, когда, вызвав ее посреди шумного пира в коридор, восторженно и горячо начала поздравлять, что у Марии такой «великолепный друг». Это, конечно, польстило Марии.

Распрощавшись с компанией, они пешком добрались до ее дома. У подъезда Михаил в первый раз поцеловал ее.

— С Новым годом, Мария?

— С Новым годом.

Он по обычаю постоял немного в дверях подъезда, слушая, как стучат ее каблуки на каменных плитках лестницы, закурил и зашагал по переулку...

На следующее утро в восемь часов, выписывая ему путевку, Мария была в прекрасном настроении.

А в два часа дня, когда Зароков заехал в парк починить закапризничавший счетчик и, пока механик возился с машиной, заглянул в диспетчерскую, Мария сидела грустная, как будто произошло несчастье.

— Что случилось?— склонившись над столом, вполголоса спросил он.

— Понимаете, Миша, расстроена я. Только что был разговор с начальством, они хотят, чтобы я свой отпуск за прошлый год взяла сейчас же. Я рассчитывала соединить за тот и за этот вместе и отгулять в сентябре, но ничего не получится. У моих сменщиков так составлен график отпусков...

— И это все?

— Понимаете, я так рассчитывала...

Михаил засмеялся.

— Есть из-за чего убиваться! По мне, так отдыхать всегда хорошо, лишь бы отдыхать.

— Но куда я зимой денусь? Путевку в дом отдыха купить уже, наверно, не успею...

— Вот что. Завтра встретимся, что-нибудь придумаем. Когда надо уходить в отпуск?

— Уже отправили приказ машинистке. Через пять дней.

— Ну, не расстраивайтесь. Придумаем что-нибудь...

На свидание Зароков пришел с готовым планом. То, что он собирался предложить Марии и о чем хотел ее просить, выглядело совершенно естественно и по-житейски понятно. Больше того: главное — его просьба будет, наверное, воспринята всего лишь как благовидный предлог, который позволит Марии без особых усилий справиться с самолюбием и принять его дружеское предложение.

Они шли, слушая, как скрипит под ногами свежий сухой снежок. Зимние сумерки сгущались, фонарей еще не зажгли, и улицы с усыпанными снегом черными липами, решетками скверов, карнизами зданий стали похожи на гравюру. Но загорелись молочно-белые плафоны фонарей, и все изменилось. Где-то в переулке послышались громкие крики мальчишек, где-то вдруг заливисто зазвонил трамвай. Казалось, вместе с ранним электрическим светом разом ожили звуки притихшего было города.

— Так я, кажется, придумал...— начал Михаил.— Вы когда-нибудь в Москве бывали?

— Два раза, но, знаете, проездом — с вокзала на вокзал. Можно не считать.

— Почему же не съездить как следует?

— Что вы! На такую поездку у меня нет денег.

Михаил перебил ее:

— Но слушайте, Мария, пусть эта поездка будет вам подарком от меня. Я сейчас просто набит деньгами, и они же, вы знаете, шальные, достались случайно.

Она взглянула на него рассеянно.

— Нет, нет, слишком дорогой подарок. К таким подаркам я не привыкла.

— Хорошо,— попробовал он с другого конца,— возьмите у меня в долг.

— В долг брать я тоже не привыкла.

Михаил был обижен.

— Ладно, в таком случае я открою вам один секрет. Можно положиться, что это останется между нами?

Она слегка пожала плечами.

— Слушайте, Мария,— наклонясь к ней поближе, начал Зароков.— Я расскажу одну историю, не очень длинную, а потом попрошу вас об одолжении, но прежде чем соглашаться или отказываться, попробуйте понять меня. Это не так уж трудно.

Он помолчал, пока они миновали оживленный перекресток, а потом начал свой рассказ:

— Во время войны у меня был друг, звали его Павел Матвеев. Мы полгода служили в одной части. Для передовой полгода — это, поверьте, большой срок. Это было в сорок четвертом, уже после того, как я побывал там, у немцев. И носил я в то время не свою настоящую фамилию. Под настоящей после плена можно было угодить... ну, знаете сами, наверное, что иногда случалось с бывшими пленными во время войны... Так вот, этот Павел Матвеев был единственный человек, который знал мое настоящее имя. Можно понять, как мы дружили...

Он закурил, затянулся несколько раз подряд, не выпуская дыма.

— В одном бою, уже далеко за Днепром, его ранило тяжело, в живот. Когда мы прощались, он отдал мне золотой медальончик на цепочке и свою небольшую фотографию. Просил передать на память матери. И то и другое у меня сохранилось, я вам после покажу.

На людном перекрестке Михаил опять прервал рассказ.

— После войны все у меня так закрутилось, запуталось, что ехать в Москву искать Павла или его мать нечего было и думать... Да, я, кажется, забыл сказать, что Павел—москвич? Ну вот. Да к тому же у меня и своя забота была — разыскать сестренку. Ее-то я искал, конечно, но тоже не нашел. Может, вышла замуж, сменила фамилию. Адрес Павла я знал. Начиная с сорок восьмого писал раз шесть или семь, но ответа не получил. И мои письма обратно тоже не приходили. На будущее лето я наметил обязательно съездить в Москву, попробую разыскать или узнать, в чем дело. А тут вот ваш неожиданный отпуск. И я подумал — попросить бы вас...

Они не пошли отогреваться ни в кафе, ни в ресторан. Мария просто, как будто делала ему такие предложения каждый вечер, сказала:

— Знаете что, давайте купим конфет и пойдем ко мне. Будем пить чай.

Так и порешили. И когда Михаил вновь вернулся к разговору о ее поездке в Москву и шутя предложил составить смету расходов, Мария согласилась.

Он дал Марии медальон, взятый Дембовичем у Павла, и карточку, снятую с его старого паспорта. Медальон Марии очень понравился, она примерила его на себе, посмотревшись в зеркало, и сказала:

— Изящный.

Потом вгляделась в карточку, но фото было старое, несколько выцветшее, и разобрать на нем выражение глаз было невозможно.

— А вот его мать.— Михаил показал ей репродукцию карточки, которую Дембович нашел в записной книжке Павла.

Они условились, что Мария поедет послезавтра утренним поездом.

У Михаила не было причин в чем-либо подозревать Марию. Вряд ли такую наивную и бесхарактерную женщину контрразведчики могли выбрать для своих целей. И в парке она работала задолго до того, как он появился в этом городе.

И все же он счел необходимым устроить ей хотя бы самую грубую и нехитрую проверку.

Когда Михаил доставал фотокарточку Павла, он вынул и два конверта, на которых не было написано адресов. Один из них был запечатан, другой нет. В конвертах были письма к двум его воображаемым приятелям. Он уронил конверты под стол, а уходя, забыл поднять.

Они расстались до завтра.

Утром в набитой шоферами диспетчерской Мария первым делом протянула ему эти письма. Выехав из парка, Зароков остановился в переулке и самым тщательным образом осмотрел их. Заклеенный не вскрывался, а из незаклеенного письмо даже не извлекалось. Он окончательно успокоился. И с легким сердцем повернул к вокзалу — за билетом.

Наутро он провожал Марию. Она немного волновалась — оттого, что впервые ехала в Москву надолго, что билет у нее в мягкий вагон скорого поезда — это было тоже впервые в жизни,— и украдкой поглядывала на уезжающих и провожающих.

Когда объявили, что до отправления поезда осталось пять минут, он дал Марии листок из блокнота, на котором было написано: «Матвеева Пелагея Сергеевна, год рождения — приблизительно 1902—1904».

— Вот, узнаете в справочном в Москве,— сказал он.— Пора садиться.

Он подвел ее к вагону, подсадил. Поезд медленно, почти незаметно тронулся.

— Веселитесь хорошенько!— говорил он громко, шагая за вагоном и глядя на белевшее в глубине тамбура за спиной проводника чуть растерянное лицо Марии.— Не забывайте меня!

Продолжение следует.

СОЛОВЬЯ ЗВАЛИ КАРУЗО

Николай Григорьевич Козодьян — артист.

Знакомство наше состоялось в маленькой мастерской. Сотни рисунков, эскизов, набросков — настоящие портреты зверей. За каждой работой стоят часы наблюдений, лесных странствий с блокнотом. Графика не последнее увлечение Николая Григорьевича. Он ведь из тех, кого люди с доброй улыбкой называют «чудак». В красном уголке домоуправления выставка детских рисунков, гордость Козодьяна. Три года ведет он кружок. Кто его просил? Никто. Просто Козодьяну интересно с детворой, а ребятам с ним.

Недавно в комнате Козодьяна были клетки с птицами. Соловей Карузо отмечен дипломом первой степени на выставке. Однако владелец птиц пришел к выводу: нельзя их держать в неволе. Восстановил тренировкой инстинкты, отучил от сытной, беззаботной жизни и выпустил. В театре шутят: Козодьян берет деньги в кассе взаимопомощи, чтоб пускать их на ветер.

Сейчас на месте клеток стоят пять аквариумов. Самый большой на 28 ведер. Каких только тут нет рыб! О своих питомцах Николай Григорьевич может рассказывать самозабвенно. Тот, кто хоть раз посидел часок у аквариума, знает, как это интересно, и потому в комнате всегда людно. Товарищи по работе и ребята со всего двора приходят посмотреть на рыбок, «отдохнуть душой». Кто знает, сколько их, пришедших сюда просто полюбопытствовать, уйдет отсюда с новым увлечением!

Р. ЛИХАЧ

Н. Г. Козодьян в своей мастерской.
Фото автора.

НОВЫЙ ЖИТЕЛЬ ПЛАНЕТЫ

Если не считать орлов и грифов, в горах выше тура не обитает ни одно живое существо. Это — подвижное, умное, беспокойное и задорное животное, говорит о нем Брэм.

Как изваяние, часами стоит он над бездной у края скалы. Но вот чуткое ухо уловило посторонний звук, секунда — и тур делает гигантский прыжок.

Хищническая охота чуть было не истребила это благородное животное. Сейчас уничтожение туров запрещено законом. Стада восстанавливаются.

Тур — дальний родич обыкновенной домашней козы. Что если скрестить тура с козой? Какие наследственные качества будут восприняты от одного и от другого родителя? Первые такие опыты проводились еще в двадцатых годах. Сейчас после большого перерыва они возобновились. На фермах Сухумской госплемстанции и в высокогорных колхозах Абхазии появился новый житель нашей планеты — турокоз.

Тур не молочен, а турокоз дает молоко, в котором до 6—7 процентов жира. Вес турокоза достигает 120 килограммов.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Турокоз с детенышами.
Фото Ю. Барамидзе.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О «ТРУДНЫХ» ПОДРОСТКАХ

Семен **ГЛУХОВСКИЙ**

Кто с ним не согласится!

Этот разговор на страницах «Огонька» начал Б. Шумилин, заведующий отделом административных органов ЦК КП Белоруссии. В заметках партийного работника («Правила и исключения») он остро ставит вопрос об ответственности родителей, чьи отпрыски «предаются гульбе, пьянству, хулиганству, поножовщине». Нисколько не умаляя вину несовершеннолетних — их перевоспитанием в специальных колониях вынуждено в конечном счете заниматься государство,— Б. Шумилин никак не разделяет мнения тех, кто готов всю вину за «деяния» юных правонарушителей свалить на школу и на общественные организации. Автор называет родителей несовершеннолетних преступников «соответчиками».

Можно ли с ним согласиться?

В том, что «трудные» дети, как правило, появляются в «трудных» семьях, убеждает нас статистика. Есть цифры, которые звучат как тревожный набат. Пятьдесят процентов несовершеннолетних правонарушителей не имеют отцов. Треть всех разбираемых в стране гражданских дел относится к взысканию алиментов, к разводам. Всего две цифры, но, как стрелки указателя, они нацелены на одно из самых важных звеньев в цепочке первопричин детской преступности. Имя этому звену — семья. Если семья по разным обстоятельствам оказалась ослабленной, непрочной, дала трещину или вовсе развалилась, она порождает того, кто потом становится «трудным» подростком.

В разных колониях в течение одного лета видел я этих «трудных» парнишек. Заметки партийного работника побудили меня обратиться к своим записькам. И пусть рассказ о некоторых судьбах этих парней сам убеждает читателей, насколько Б. Шумилин прав.

В Толковом словаре Даля среди множества народных поговорок и пословиц есть и такая: «Не такого он отца сын, не такой матери дитя». Не зря сказано!

Генка и его мама

Меня пригласили в штаб колонии на прием новичков. Там уже собрались активисты: председатель совета воспитанников Генка, его заместители, представители всех отрядов. На моих глазах разыгралась любопытная сценка. Листая «дело» Володи А., начальник колонии обратил внимание на следующую фразу: «Согласно показаниям обвиняемого, ограбление ювелирного магазина совершено им самим. Фамилию соучастника обвиняемый отказался назвать».

— Почему отказался? — спросил начальник Володю.

— Я сам. Сам!

Начальник прочел вслух подробное изложение преступления, и всем стало очевидно: новичок говорит неправду.

— Значит, сам? Вот так герой!

Генка подошел к Володе, пристально осмотрел татуировку на его правой руке и сказал, кем эта татуировка нанесена. Володя удивленно вскинул голову, потом вобрал ее в плечи.

— Не удивляйся, парень. Если тебя раздеть, то на ноге увидим татуировку. Ракета и надпись: «На луну за водкой».

— Ага! — Зрачки Володи расширились.— Ты... ты откуда знаешь?

— Все знаем! — убежденно сказал Генка.— От нас ничего не скроешь. Так вот, Володя, имей в виду: здесь сидит стопроцентный актив, и нам врать нельзя. Знаешь, почему? Не примем в свой коллектив враля. С нами надо по-честному, иначе попросим начальника отправить тебя в другую колонию... С кем грабил магазин?

— Сам. Я сам!

Активисты переглянулись. Кто-то взмолился:

— Ребята, мы из-за него в кино опоздаем. Он пуганый, он будет твердить, как попугай: «Сам! Сам!»

Генка категорически возразил:

— Нет! Он еще с нами в кино пойдет, если, конечно, начальник разрешит. А мы попросим... Встань, Володя!

Новичок поднялся. Генка подозвал другого активиста, и вдвоем — словами и жестами — они изобразили, как можно через потолочное отверстие проникнуть в магазин. Володя внимательно слушал, следил за их действиями и усмехался: вот и Генка ошибся; не такой уж он, этот Генка, всезнайка...

— Вира помалу, вира.— Генка показывал, как перебирает веревку.— Так, Володя?

— Не так! Мы не веревкой...

Все хохочут. Один только Генка серьезен.

— Да, Володя, можно и лесенкой, можно и шестом с крюком. Но не один. Обязательно — «мы».

...Володя А. пошел с ребятами в кино.

У Генки много всяких общественных дел, однако обязанности, четко регламентированные режимом колонии для каждого воспитанника, он выполняет образцово: работает в мастерской, учится в школе и ходит в наряды.

Руководит отрядом старший лейтенант Купрюшин. Он сразу же обратил внимание на парня, кото-

См. «Огонек» № 29.

НИЧЕГО ДОРОЖЕ!

рого ребята уважают за сноровистость у станка, за честность в обращении с товарищами, за любовь к спорту. Но особенно заинтересовался Купрюшин Генкой, когда познакомился с его матерью.

— Скоро Генка поедет домой,— сказал он мне. И добавил: — Я нисколько не сомневаюсь в его будущем. Есть в этом и заслуга колонии, но, поверьте мне, парня спасла мать. Да, этого парня могла спасти только неистребимая материнская любовь.

...Все началось с несчастного случая в семье. Генкин отец, инженер, начальник одного из цехов крупного московского завода, погиб в автомобильной катастрофе. Генке было тогда четырнадцать лет. Мать пошла работать, и мальчишка, привыкший к постоянной ласке и заботе, остался без надзора. Познакомился на улице с дурной компанией, научился курить, пить. Смышленого паренька приблизил к себе опытный рецидивист, втянул в свою шайку. В грабежах, воровстве и разбоях Генка действовал хитро, дерзко. Немало преступлений уже было на «счету» подростка, если присудили ему самый большой срок пребывания в колонии. И, видно, крепко усвоил он мораль своего «шефа», если долго никого не выдавал. А мать приходила к нему каждый день. Недуг, непогода — ничто ее не останавливало. Если свидания не разрешали, слезно просила только об одном: сказать Генке, что мама была, что мама передала ему привет. Пусть только Генка знает, что она была... И всех поразила эта непреклонная в своей страстной любви к сыну мать.

Она была на суде, провожала сына в колонию, и в течение первого года не было дня, чтобы Генка не получил письма от мамы. Однажды воспитатель Купрюшин увидел обычно спокойного Генку возбужденным, растерянным: ему не вручили письма. Миновала неделя, а весточки от мамы нет, и в колонии стали опасаться, как бы парень не сорвался, не натворил беды. Купрюшин послал в Москву телеграмму с оплаченным ответом и вскоре сообщил Генке, что его мать лежит в больнице. Она тяжело больна и пока писать не может.

— Моя вина, товарищ старший лейтенант! Моя...

Ничего больше Генка не сказал, повернулся и ушел. Через день ему пришло письмо, написанное под диктовку мамы.

В этой колонии ежегодно летом устраивают родительский день. Широко распахивают ворота колонии для отцов, матерей и родственников. Гостям показывают общежития и мастерские, школу и клуб. После обеда — спортивные игры, а вечером — концерт художественной самодеятельности. Генка очень тревожился: выздоровеет ли мама к родительскому дню? Приедет ли?

Мать приехала. Побывала на стадионе, где на соревнованиях первенствовал Генка, и в клубе, где он выступал на сцене. Самым тревожным и радостным был для нее час расставания с сыном. Генка не уставал просить маму об одном— беречь свое здоровье. Когда он вернется домой, у него уже будут две профессии: слесаря и токаря. Он пойдет в тот цех завода, где начальником был отец. Он еще докажет людям, что у таких родителей сын может и обязан стать настоящим человеком.

Генка мне сказал:

— Все мы тут в долгу перед своими матерями, а я... Нет ничего дороже, чем увидеть маму счастливой!

Письмо Васи

«Все мы в долгу перед своими матерями». Хорошо сказал Генка, правильно! Но что таить, случается иногда и такое... Когда я беседовал с Генкой, у меня в кармане лежало письмо бывшего воспитанника из другой колонии. Стоит, пожалуй, привести полностью это очень суровое письмо, адресованное матери. В нем даже нет слова «мама».

«Твое письмо получил. Все понял. Ты пишешь, что никогда не увижу Серпухова. Ошибаешься. Это к тебе я ни в коем случае не поеду. Пробуду здесь до восемнадцати лет, но к тебе не поеду. Извини, что с самого начала пишу грубости. Пишу, что думаю, что у меня на душе.

Я попал в колонию, и ты в этом винишь меня одного. Это не так. Если бы мы жили вместе, я бы в колонию не попал. Почему же я не остался с вами в Казахстане? Но какая там была жизнь? Вспомни! Ты и дядя приходили домой пьяными, тебя не интересовало, где я днями скитаюсь. Помнишь, как вы пришли в полночь пьяные, а у меня ключей не было? Я грелся в сарае, прильнул к корове, а вы тут же погнали меня искать в степи теленка. Я, конечно, в степь не пошел,— побоялся. Но и в дом войти было боязно: вы подрались, дядя Миша бил посуду, ты кричала.

Назавтра ты побожилась, что больше этого не будет. Пришло воскресенье, вы что-то стали «обмывать» и опять подрались. Думаешь, мне это было приятно?..

Почему я стал воровать у тебя деньги? Ведь говорила тебе тетя Нина, что я хожу голодный. А когда появились деньги, я уже тратил их не только в столовой, но и на курево, на выпивки. Приехала бабушка, спрашивает: «Почему, Васенька, ты такой нервный?» А мне стыдно ей рассказывать «подробности» вашей жизни. Только бабушка догадалась, чуть погостила и увезла меня.

Не смей только считать, что я попал в колонию из-за бабушки, что она «не углядела». Мне у бабушки было хорошо. А вас она покрывала. Ее спрашивают: «Как ваша дочь?» Она отвечает: «Хорошо». Ее спрашивают: «Присылает дочь деньги?» Она отвечает: «Присылает». А мне потом говорит: «Молчи, Васенька, зачем людям знать?» Не могу пережить одно: я сильно подвел бабушку и перед нею считаю себя виноватым. Вину искуплю! Буду работать по специальности, а учиться пойду в юридический. Буду жить, как живет настоящая советская молодежь. Никогда со мной не случится того, что раз случилось!

Денег мне не надо. Писем тоже. Только расстраиваешь меня своими письмами.

Прощай. Василий».

Прав ли паренек в своих обидах на мать? Заслужила ли мать такие обвинения?

Перелистаем «дело» Васи Б. Вот показание матери, присланное по почте:

«Вася — от первого брака. До 1955 года жил у меня, потом — три года у бабушки. В 1958 году — опять у меня и потом уехал с бабушкой».

И все...

Со слов бабушки следователь записал:

«Вася мне помогал, хорошо учился. Грубого слова никто от него никогда не слышал. Только сильно переживал за маму».

И еще один, заверенный подписью и печатью документ:

«На основании статьи 14 пункта 4 «Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» за допущенную безнадзорность детей и за безответственное отношение к воспитанию оштрафовать на двадцать рублей гражданку (следует имя, отчество, фамилия) и сообщить об этом по месту ее жительства и работы».

Последняя в папке бумага—личное письмо начальнику колонии от председателя районной комиссии по делам несовершеннолетних. Не только его — всех членов этой комиссии волнует судьба Васи. Отца своего мальчик не знает, а матери был только в тягость. Зная обстоятельства, в которых мальчишка оступился, комиссия готова, если из колонии поступит положительная характеристика на Васю, возбудить ходатайство о его досрочном освобождении. Так и случилось. Не мать и не родственники Васи проявили о нем трогательную заботу.

Кто, прочитав Васино письмо, решится упрекнуть его в жестокости?

А мать Васи пусть сама себя судит.

Сфера «семейных эмоций»

И еще в связи с заметками Б. Шумилина вспомнил я заседание суда в колонии, на котором условно и досрочно освобождали тех, кто заслужил это своим трудом и поведением. По годам не старая, но уже совсем седая женщина приехала из Ленинграда, чтобы отсюда вместе с сыном вернуться домой. Она плакала от радости, благодарила прокурора, членов суда, работников колонии. А за час до суда эта женщина рассказывала мне о мытарствах, которых натерпелась при разводе с мужем, при дележе имущества и спорах о том, где теперь будет жить их единственный мальчик: у отца или матери. Нетрудно представить себе сферу «семейных эмоций», от которых паренек убегал на улицу, чурался родного дома.

Потом разбирали «дело» следующего парня, и член суда отнюдь не по злому умыслу спросил его, почему у матери, сестер и братьев разные фамилии. Нелегко было парню ответить на этот вопрос. Краснея, нервно теребя гимнастерку, пояснил он суду, что не знает, кто его отец. Ни к матери, ни к третьему по счету отчиму он не поедет. Наступила неловкая пауза... Каждая несчастливая семья, как писал Толстой, несчастлива по-своему, а страдают дети...

Назавтра в колонии был воскресный день. Утром—субботник по уборке зоны, после обеда — футбол, вечером — кино. Так вот после обеда, когда все с нетерпением ждали матча и страсти болельщиков накалились, к причалу подошла баржа для загрузки мебелью — ее изготовляют сами воспитанники колонии. Час простоя баржи влетит в копеечку, и старший воспитатель построил один из отрядов. Нужны двадцать добровольцев, только двадцать. Прозвучала команда, и весь строй отпечатал три шага вперед. Когда «грузчики» явились на стадион, их встретили аплодисментами.

Вечером в клубе, как это здесь заведено, до начала сеанса перед экраном выстроился хор колонии. Песню начал хор, а припев стоя подхватили все в зале. И трудно было удержаться от волнения, слушая, как эти «трудные» парни поют о том, «чтоб увидала каждая мать счастье своих детей».

Верю: их матери еще этого дождутся!

Интервью «Огонька»

НА ПОРОГЕ РОССИИ

Плывет над просторами, над неширокой русской речкой Нерлью, прихотливо петляющей среди холмов, белостенный храм, воздвигнутый безвестными зодчими в 1165 году по велению владимирского князя Андрея Боголюбского. В нынешнем году чуду древней русской архитектуры исполняется ровно 800 лет. А летом 1958 года прекрасный художник России — так назвал Сергея Герасимова Павел Корин — писал здесь пейзаж, вы видите его на нашей вкладке.

Художнику нынешней осенью исполнилось бы 80, но он не дожил до юбилея.

— Мужественно сопротивлялся болезни этот сильный духом человек, и, глядя на него, хотелось ждать чуда,— вспоминает о друге Павел Корин.— Несовместно было слово «смерть» с тем, что нес людям Герасимов...

Несовместно с ним было и слово «старость».

— Скоро уж стукнет мне восемьдесят,— говорил однажды сам Сергей Васильевич,— но я на солидный возраст свой с отчаянием не смотрю. Меня тревожит другое. В свое время оформлял я первый Октябрь и первый Май в Москве. А вот сейчас оказалось, что в долгу я перед красавицей столицей: мало ее писал! Больно много сил и времени забирала крестьянская тема. Год за годом — чуть потеплеет,— мне уж и не сидится дома! Скорее на Можай. А как приедешь да распахнутся перед тобой голубые весенние дали — сердце возрадуется! Глядишь, не наглядишься, как разворачивается планета русским своим боком к солнцу и теплу.

Видно, главное во мне, что я русский, из средней полосы России... Может, это и означает те самые традиции, о которых теперь говорят. А они в том, что сильнее всего любишь родное, исконное — опираешься на него в своем искусстве и живешь им...

* * *

— В Школе живописи, ваяния и зодчества, что находилась против почтамта на Мясницкой, два раза в году устраивались выставки учеников,— рассказывает народный художник СССР БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ИОГАНСОН.— Среди полотен еще недостаточно опытных художников попадались работы, поражающие ранним мастерством. Среди них мне запомнились две акварели: мужской портрет, необыкновенно выразительный, и натюрморт в вечернем освещении, напоминающий работы Сапунова,— розы в вазе синей с золотом. Под работами стояла подпись: «С. Герасимов».

Эти две работы говорили о зрелом мастере, акварель же впоследствии займет вообще большое место в творчестве художника. Серия иллюстраций к литературным произведениям, как, например, «Дело Артамоновых» Горького. А это особенно крупная удача художника.

С. В. Герасимов прекрасно знал быт дореволюционной России, поэтому образы горьковских героев так убедительны в своей первобытной силе.

В основе своей С. В. Герасимов — яркий живописец, колорист, создавший ряд выдающихся картин. На выставке, устраиваемой Союзом художников в связи с восьмидесятилетием со дня рождения Герасимова, советский зритель будет иметь возможность ознакомиться со всем его творческим путем.

Мне хочется кратко сказать, что нового, оригинального дал нам С. Герасимов, на каких традициях вырос, упомянуть о тех работах, которые характеризуют основную его направленность.

Я не побоялся бы сказать, что С. В. Герасимов как живописец — художник серовско-коровинской школы, в основном впитал лучшую гуманистическую направленность передвижников, в частности такого глубокого, как С. В. Иванов.

Ранняя работа С. В. Герасимова «Портрет жены», написанная в изысканной гамме, очевидно, говорит о прекрасном влиянии В. Серова и К. Коровина, и эта живописная реалистическая направленность есть неотъемлемая сущность и самого С. В. Герасимова, ярко проявляющаяся в его творчестве.

Но было бы совершенно ошибочно говорить о С. В. Герасимове только как о продолжателе заветов Серова и Коровина. Герасимов — ярко самобытная личность. Новатор. Его влияние сказывается на нашей художественной молодежи.

Картина С. В. Герасимова «Клятва партизан» подверглась жестокому обстрелу части нашей критики, по-моему, несправедливо. В этой работе художник обострил во имя выразительности и типаж партизан и чувство их великого гнева. Здесь во имя специфики темы художник хочет найти иные пути, нежели те, которыми он шел в картине «Мать партизана»,— более выразительные и дерзкие.

Часть нашей художнической молодежи продолжает эти поиски, по-моему, вполне закономерно.

Моя бывшая мастерская на Масловке находилась рядом с мастерской С. В. Герасимова, мы частенько бывали друг у друга. Чем более я узнавал Сергея Васильевича, тем больше росли интерес и уважение к этой замечательной личности. Больше всего меня поражала в нем организованность. Кто знает масловскую среду художников, с ее вечною расхлябанностью, тот особенно ценил Сергея Васильевича: в 8 часов утра он уже работал, обязательно! В общественной жизни участвовал полностью, но только тогда, когда это было нужно. В его личности сочетались такие достоинства, как большой художник, умница, честнейший человек.

Предсмертная речь Герасимова на пленуме потрясла художников: это было завещание любить свою Родину, партию, Советскую власть, бороться с реакционной нечистью. В ней звучала вера в силу искусства, в светлое будущее человечества.

* * *

— Очень строгий это был учитель,— начинает рассказ ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ НЕЧИТАЙЛО, народный художник РСФСР.— Строгий к себе и другим, он был строг не только ко всем, но, главное, во всем.

В мастерскую Сергея Васильевича я попал в 1936 году. Собрались мы из разных художественных училищ, с дальних концов страны, не сразу и не легко входили в учебный строй. Постепенно Герасимов «перемалывал» разнородную массу, подчиняя всех нас единой рабочей атмосфере, требуя одного: как можно больше труда!..

Мне думается, Сергей Васильевич считал, подобно Суворову: «Тяжело в ученье — легко в бою». Обращался он с нами, как со взрослыми, очень сдержанно, и никогда, что называется, не «нянчился». Потому что каждый художник — если он художник! — должен сам выработать свой живописный «язык»: найти свои пристрастия и средства выражения, свою манеру и технику. Ведь учил-то он нас не ремеслу, не набору необходимых навыков, а большому искусству. И мы искали. Зато уж условия для поисков Сергей Васильевич умел создавать как никто.

Обстановка нашей мастерской считалась в институте «аскетической». В некоторых параллельных мастерских в работе с натурой царило изобилие — драпировки, ковры, зеркала!.. А у нас — серый щит, гладкий фон, обнаженная модель. Какие уж там драпировки! Даже подиум (подставка для модели) и то серый. Не разгуляешься! Иногда, когда мы, бывало, уж очень «взропщем», Николай Христофорович Максимов, другой наш профессор, навесит на щит тряпицу,— цветовое пятно. Сергей Васильевич глянет искоса и иногда согласится — промолчит. Но такие поблажки выпадали редко. Чаще всего в ответ на свое «не интересно» мы слышали:

— Очень интересно! Вы вглядитесь!..

И приходилось смотреть во все глаза. Зато как радостно колотилось сердце, если вдруг цвет начинал «звучать», открывался тебе!

А когда мы, бывало, «распишемся», позабыв о «скуке», Сергей Васильевич неожиданно спросит: «Ну что, интересно стало?» И это окрыляло, подстегивало вернее любой похвалы.

Не хвалил наш профессор даже тех, кем был доволен в глубине души: старался ничем не ослабить суровой обстановки учения, напряженного творческого тонуса. Его скупые слова: «Ничего, ничего, все идет как нужно» — были высшей наградой для студента, справившегося с трудной задачей.

Мне особенно повезло: довелось не только учиться у Сергея Васильевича, но и работать с ним. Я преподавал рисунок студентам его мастерской и мог наблюдать, как бережно, мудро отбирал и растил Сергей Васильевич каждую крупицу таланта.

Оттого из школы Герасимова-педагога и вышло столько хороших и разных живописцев: Юрий Кугач, Гелий Коржев, Николай Горлов, Андрей Лысенко, Иван Сорокин, Сергей Ткачев, Петр Оссовский, Владимир Гаврилов, Игорь Попов...

* * *

— Художнику меньше всего следует говорить о своей работе, а возможно более делать своего дела: побольше трудиться. Потому что, если созданное художником не убедительнее его речей,— плохи его дела! Любое, что ни на есть малое художественное произведение, неизмеримо важнее и драгоценнее самого хорошего и умного разговора о нем,— говорил Сергей Васильевич...

Стекают струйки дождя. Размытое небо спустилось до самых подоконников, заглядывает внутрь мастерской и будто отражается не в зеркале, а на этих вот непросторных холстах...

Писал их художник с натуры, за много километров от Москвы. У живописцев это называется этюдами, которые сами по себе — лишь материал для будущих картин.

«Лед прошел», «Ива цветет», тревожатся о чем-то «Осинки», манит к себе «Опушка леса», «На берегу реки» отдыхает медлительное стадо, благоухает «Сирень» в подмосковном дворике...

Художник еще говорил: «Пейзажи пишу не потому, что задумал, а потому, что нельзя не написать. Невозможно пройти мимо эдакой красоты!»

А ты стоишь, утешенный, счастливый, словно после разлуки на пороге дома родного. На пороге России.

С. Герасимов. КОЛХОЗНЫЙ СТОРОЖ. 1933.

С. Герасимов. ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА НА НЕРЛИ. 1954.

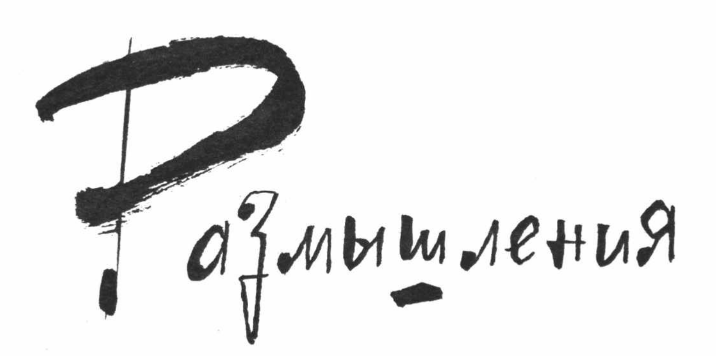
25

С. Герасимов.
СИРЕНЬ. 1955.

ОБНАЖЕННАЯ
МОДЕЛЬ. 1940.

Давид **КУГУЛЬТИНОВ**

ЗЕРНО

Когда сравнишь ты с золотом зерно,
Смотри, чтоб не обиделось оно!
А что такое золото?
Металл...
Зато зерно —
Начало всех начал!
Скажи мне,
С чем зерна сравнишь ты цвет?
Знай, что сравним с ним
Только солнца свет!
Хоть точность есть в сравнении таком,
Внимательно подумай о другом:
Лишь цвет от солнца зерна обрели,
А внутренняя суть их от земли!
Но, этот вывод сделав, не спеши,
Заслугу всю земле не припиши.
Зерно мертво до той поры, пока
Его не тронет теплая рука.
Но, только и хлеба взрастив,
Она
До дна не исчерпает
Суть зерна:
Рука творит деянья не сама,
Она слуга желаний и ума...

С начала дней суть хлебного зерна —
Как истина проста, как жизнь сложна!

* * *

Нежная весенняя трава,
Ты в своем влечении права:
Ясным днем ты тянешься к лучам,
Ты о солнце грезишь по ночам...

Я такое точно же влеченье
У всего живого подглядел.
Человек — лишь только исключенье:
Человеку солнце не предел!

* * *

Вдыхая запах утренних газет,
Глазами мчишься ты по ним чуть свет,
У радио, где вихрь земных страстей,
Ты ловишь голос добрых новостей,
И благодарно, как и вся страна,
Героев повторяешь имена...

А что ты сделал сам, людей любя,
Чтобы они запомнили тебя?!

Перевели с калмыцкого Д. Долинский и В. Стрелков.

* * *

Он человечеству служил, как верный друг.
И, не щадя себя во имя светлой цели,
Свое бесстрашие он доказал на деле.
Короче, множество имеет он заслуг,
Но права и ему, я знаю, не дано
Деянье подлое свершить, хотя б одно.

Он мог бы сделать мир добычей зла и мрака,
Чтобы огонь и смерч низверг небесный свод
И уничтожил все, что на земле живет,—
Но преступления не сделал он, однако,
А все же и ему гордиться не дано,
Что дело доброе свершил, хотя б одно.

Перевел Семен Липкин.

* * *

С утра поливал я деревья в саду...
Гляжу, в отстоявшейся крохотной лужице
Плывет муравьишка, барахтаясь, кружится:
Попал ненароком трудяга в беду!
Ему протянул я сухой стебелек —
От гибели верной его уберег.

И он, суетясь, побежал от меня,
К своим побежал, в муравейник, не мешкая...
«Быть может, его поджидает родня»,—
Подумал я, вслед ему глядя с усмешкою.
И стало теплее в душе на минуту,
Как будто и вправду помог я кому-то.

* * *

Поэту, широко известному повсюду,
Читал стихи собрат, неведомый покуда.
Во все вникал старик, хваля или браня,
И под конец сказал:
— Послушайте меня!
Пока не знают вас, стихи читайте чаще!
Поэтам нужен суд — суровый, настоящий,
Чтоб познавать себя и вглубь и вверх расти...
Когда ж...— старик вздохнул,— вы будете в чести,
Тогда ни всем другим, ни собственному глазу
Уже не отличить подделки от алмаза.

Перевела Юлия Нейман.

С СОЛНЦЕМ В РУКАХ

Поэзия, как и песня, стала необходима советскому человеку в его жизни, в его труде. В стихах ищет наш современник созвучные себе переживания, пытается разглядеть внутреннюю сущность человека, написавшего краткой рифмованной строкой о сложных вопросах.

Нередко стихи — разговор с другом; а если ты найдешь в них ответ на свои мысли, то не сможешь не заинтересоваться самим автором, его жизнью и творчеством.

Трудно уйти от ощущения чего-то родственного твоей душе, когда читаешь поэта Анатолия Левушкина. В этом году его лучшие стихи вышли в Архангельске и в Москве в сборниках «Солнце в руках» и «Именем любви».

Просто и по-человечески рассказано здесь о трудной работе, ставшей содержанием жизни поэта, о его любви, волнениях, мечтах.

В стихах Анатолия Левушкина — мысли о русской земле, ее мужественных людях. Раздумья эти высказаны по-боевому энергичным и скромным человеком, глубоко прочувствовавшим то, о чем он написал.

Одно из главных достоинств поэта — его творческая совесть, ответственность перед народом:

В какие б земные просторы
дорога меня ни вела,
я чувствую строгие взоры
друзей из родного села.

В творчестве Анатолия Левушкина подкупает искренность серьезно и честно относящегося к своему поэтическому труду советского человека. Как бы девизом его жизни являются строки из стихотворения «Сверстнику»:

Вся страна
неотступным взглядом
так и смотрит тебе в глаза.
Сколько сделано!
Сколько надо
сделать нового!
Ждать нельзя!

Мих. СЕРГЕВИЧ

А. Левушкин. Именем любви. «Московский рабочий». 1965.
А. Левушкин. Солнце в руках. Северо-западное книжное издательство. 1965.

ЦЕЛЬНОСТЬ

Ленинградский поэт Георгий Некрасов принадлежит к числу тех, для кого характерна четкость и активность авторской позиции. Книга Г. Некрасова «Шаги» знакомит нас с разными героями: с сестрой поэта, которая мечту о сцене принесла в жертву своим близким, умиравшим от голода; с коммунистами двадцатых — тридцатых годов, жившими по «закону горенья»: где трудно — там и они; с поэтом, влюбленным в жизнь, трагически погибшим, но бессмертно оставшимся в народной памяти. Всех героев сборника роднит цельность чувств и мыслей, самоотверженность, преданность дружбе, народу, Родине. Им неведом покой, их жизнь — каждодневный подвиг, человеческий, творческий, гражданский.

Этим пафосом согрет и цикл стихов о Пушкине «В Михайловских рощах». Поэт видит в своих современниках духовных наследников Пушкина-бунтаря, Пушкина-вольнолюбца, Пушкина, обращающего к каждому из нас требовательный вопрос: «Тлеешь иль горишь?»

Г. Некрасов — частый гость в Узбекистане, в Каракалпакии. Читая «Шаги», я ждал стихов об Узбекистане. И не обманулся. С удовольствием прочел простые, сердечные строки о Каракалпакии, где поэт «оставил частицу сердца», о пустынях, над которыми висит звездный ковш «необъятным ковшом экскаватора» (очень точный, сегодняшний образ!), о тружениках Узбекистана, неустанных и вдохновенных, с душой ясной, как голубизна узбекского шелка, с руками крепкими, как кетмени.

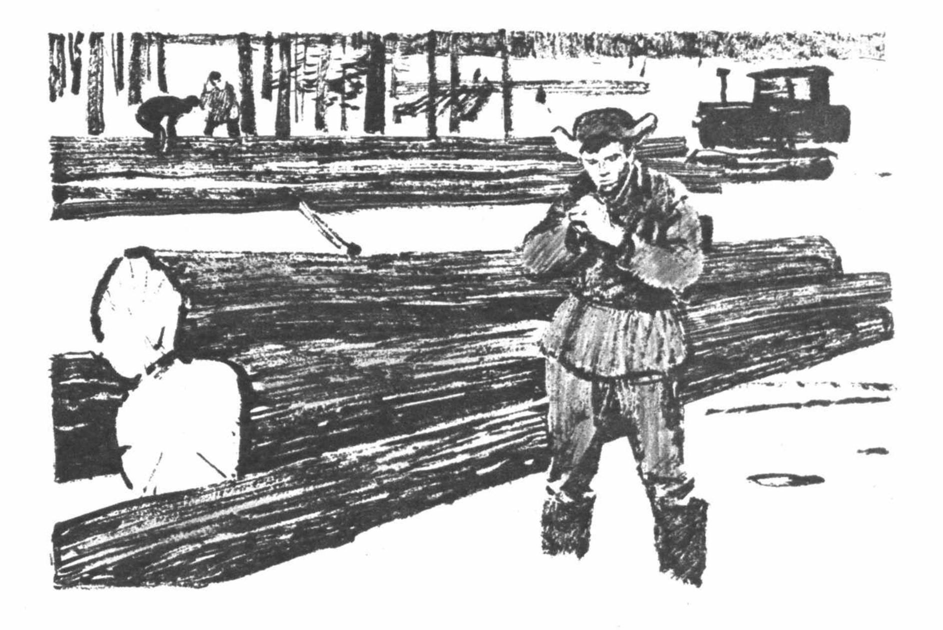
Но, любуясь землей узбекской и ее людьми, поэт не боится сказать и горькую правду о вредных предрассудках, еще бытующих за иными дувалами. В «Разговоре начистоту» высмеивается двойная жизнь героя, приверженного — при внешней культуре — к дедовским, обветшалым, восточным обычаям.

В этом стихотворении звучит все тот же основной мотив сборника — за цельность!

Юрий КАРАСЕВ

Г. Некрасов. Шаги. «Советский писатель». Москва—Ленинград. 1965.

Николай СИЗОВ

АРБАТ И СЕЛЕНГА

Шумилин добрался до молодежной бригады Василия Коваля. Нельзя было не залюбоваться четкой работой лесорубов, веселым ритмом, которым жила бригада.

Вот рассеялись, осели облака снежной пыли, поднятой таежными великанами. Бригада быстро, без задержек рассыпается по участку, каждый встает к одному из поваленных деревьев, и начинается звонкий перестук топоров. Проходит немного времени — и первый ровный ствол желтеет на снегу, будто огромный карандаш на листе ватмана. За ним второй, третий...

— Здорово работают,— не утерпев, похвалил Шумилин и спросил у бригадира:— Но почему же вручную? Разве нет сучкорезок?

Коваль, смахнув пот со лба, заправил под ушанку черную прядь волос.

— Отдыхают наши сучкорезки. Приказали долго жить.

— Почему? Мне бы хотелось знать причину. Видите ли, я из института... из Москвы.

— Ах, из института... из Москвы... Очень хорошо. Просто чудесно!— И Коваль в довольно-таки крепких выражениях высказал свое мнение о сучкорезках. Да и о других машинах, сконструированных в институте, отозвался не очень лестно.

— Может, вы этими конструкциями и довольны там, в своем уважаемом институте. Может, они вас и устраивают. А нас — ничуть. Ненадежны ваши машины, тяжелы. И вибрация. День поработаешь — руки как плети. Опять же электропитание. Попробуйте походить по лесосеке, когда провода путаются. Бензомоторные пилы «Дружба» в этом смысле удобнее, но тоже не ахти. А сучкорезки...— Коваль пожал плечами.— Вот вы говорите: красиво сучья обрубаем. А ведь мой батя, дед да и прадед так же их обрубали. Заметьте: так же, такими же топорами. А вы говорите, красиво... Какая уж тут красота! Каменный век, а не красота.

...Шумилин перебрал на складе одну за другой все сучкорезки, долго разглядывал их, словно видел впервые. Да, пожалуй, прав Василий Коваль. А ведь в институте гордились этой конструкцией.

И еще не раз пришлось краснеть Шумилину, но один случай его особенно поразил. Шла трелевка деревьев с кронами: сучья упирались, точно живые, застревали в ямах и колдобинах; тракторист лихорадочно орудовал рычагами, но трактор, надсадно урча, словно доведенный до отчаяния конь, вздыбился, передок его приподнялся, опустился и снова взвился на дыбы. Тракторист, сбросив скорость, с досадой выругался:

— О чем думают в институтах да на заводах! Такими тракторами только жердочки подтаскивать.

Шумилину вспомнилось, что сам он часто распространялся с похвалой в адрес этой модели трелевочного трактора, многие узлы которого были разработаны в его институте. «Вот тебе и усовершенствовали. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги»,— с досадой подумал он.

...Во время поездки были и приятные встречи и радовавшие неожиданности. Понравилась, например, сибирякам кабельно-крановая установка для разгрузки сцепок и автомобилей на нижних складах. О ней отзывались похвально не только рабочие, но и ведущие инженеры. И все же люди леса ждали более конкретной, действенной помощи от ученых — постоянно спрашивали, когда будут новые пилы, сучкорезки, какие новые машины прибудут на лесосеки в ближайшее время. Лесорубов интересовало все: и применение ультразвука в лесной технике и проблемы комплексной механизации работ в лесу...

Чем дольше Шумилин ездил по хозяйствам, прилегающим к Байкалу, тем больше росло его беспокойство. Он заполнил пометками уже две толстые клеенчатые тетради, а просьбы и предложения продолжали сыпаться как из рога изобилия. Некоторые из них были настолько важны и неотложны, что Шумилин писал срочные письма Каштанову, надеясь, что там, в институте, возьмутся за их разрешение, не дожидаясь его приезда.

* * *

...В кабинете Каштанова уютно и тихо. Все здесь добротно, солидно, все свидетельствует об утонченном, широком вкусе хозяина: массивный стол, кресла, шкафы с книгами, и ковер на полу, и шелковые занавески на окнах. Одна стена кабинета увешана дипломами и почетными грамотами в застекленных рамах. На отполированном ореховом столе, поставленном перпендикулярно к директорскому, модели различных машин и агрегатов. Вот ювелирно исполненная модель трактора, рядом несколько маленьких моделей различных пил, станков. На каждой модели бронзовые таблички — модель такая-то, год выпуска такой-то, авторский коллектив во главе с такими-то...

Сквозь квадратные окна виден приземистый производственный корпус, рядом с ним — сияющее стеклянными переплетами здание лабораторий; прямое и узкое асфальтированное шоссе, обрамленное кудрявыми, аккуратно подстриженными липами, уходит за массивные ворота.

Там, за забором, красные, зеленые и бурые от времени крыши домов Скатертного, Хлебного, Столового переулков, далее, несколько вправо, закрывая собою полнеба, взметнулся ввысь дом МИДа. Сюда, за заборы института, постоянно проникает шум города, но люди привыкли к нему.

В кабинете около окна стояли директор института Каштанов, грузный, низенького роста крепыш с седой, густой еще шевелюрой, и его заместитель Дарьян, подтянутый брюнет в кремовом, тонкой шерсти пиджаке и модных, без манжет, брюках. Ловко перебрасывая сигаретку из одного угла рта в другой и выпуская кольца дыма, Дарьян уверенно, со значением говорил:

— Я, конечно, и мысли не допускаю, что это будет решено. Уверен, что вы, Петр Петрович, не позволите, но, с другой стороны... береженого, как говорится, и бог бережет. Одним словом, считаю своим долгом предупредить...

Каштанов, вскинув на собеседника чуть выпуклые, с красноватыми прожилками глаза, с легкой, еле заметной досадой ответил:

— Я изложил свою точку зрения в Госплане и в Госкомитете... В академии тоже.

— Ну, я так и думал. А с мнением Каштанова, конечно, будут считаться. Плохо только то, что Шумилин продолжает мутить воду. В разные авторитетные инстанции ездит, бумаженции пишет, людей в институте будоражит.

— Что вы имеете в виду?— Вопрос Каштанова прозвучал настороженно и тревожно.

— В лабораториях и отделах только и разговоров о заседании парткома. Всюду слышно: перспективы, горизонты, возможности, ну и тому подобное... Знаете, есть у нас такие...

Каштанов, сдерживая раздражение, повторил:

— Перспективы, возможности, горизонты... Болтовня все это... Что же касается парткома,— зря я не пошел на это заседание. Ну, да не столь важно. Такие дела, знаете ли, решаются не здесь.— Он подошел к столу, сел в кресло, зачем-то переложил с места на место папку с бумагами и глухо, зло закончил:— А тех, кто очень рвется, держать не будем. Пусть едут...

Отрывок из повести.

— Вот это верно. Очень правильно.

Дарьян подождал, не спросит ли о чем Каштанов, и продолжил свою мысль. Говорил он с директором осторожно, бережно, но настойчиво.

— Потолковать бы вам, Петр Петрович, с Шумилиным-то. Уж очень он активничает. Года не прошло, как его выбрали, а взбаламутил всех. «Интересы дела», «государственный подход»... Я собираюсь сегодня зайти к нему. Попробую вразумить его, как однокашника. Но не мешало бы и вам самому. Каштанов есть Каштанов.

Хотя Каштанов думал о том же, слова Дарьяна вызвали у него досаду. Поэтому он, воспользовавшись наступившей паузой, сухо спросил:

— Что еще, Яков Борисович?

Дарьяна удивил и озадачил холодный тон директора, но он и виду не подал.

— Две платформы древесины прибыли. Я думаю отдать первой лаборатории. Как вы считаете?

— Хорошо, согласен.

Дарьян посмотрел на Каштанова. Тот, насупясь, рассматривал какую-то бумагу и был явно не расположен к дальнейшему разговору. Дарьян поспешил удалиться, но в дверях, как будто вспомнив, сказал:

— Я в город проеду, Петр Петрович. Несколько дней собираюсь. Надо повидать кое-кого.

Не поднимая головы от бумаги, Каштанов ответил:

— Да, да. Пожалуйста.

Когда Дарьян тихо, стараясь не хлопнуть дверью, вышел, Каштанов встал из-за стола, подошел к окну, задумался. Весь этот разговор с заместителем вывел его из равновесия. Чтобы здесь, в его, каштановском, хозяйстве, затевалось что-либо без ведома и одобрения самого Каштанова? Нет, такого не бывало никогда. Это незыблемое правило было обязательно как для малых, так и для больших дел, касалось ли оно разработки новой конструкции машины, монтажа экспериментальной установки, замены рубильника в цехе или проведения молодежного вечера. А тут этот Шумилин затевает какую-то дикость, черт знает что! Каштанову невольно вспомнилось прошлое, те годы, когда зарождался институт. Было это три десятка лет назад. Выпускник Промышленной академии Петр Каштанов приехал тогда в лесотарные мастерские на Арбате с путевкой наркомата. Вместе с ним приехали двое его однокашников, не очень молодых, но тоже полных задора и энергии: Иван Шумилин, потомственный лесник, в недалеком прошлом объездчик казенных Пучежских и Гороховецких лесов, и Александр Трофимов, массивный здоровяк из сибирских кряжистых людей. Всех их свела академия, и все они пришли сюда, чтобы ладить, организовывать этот институт.

Каштанову и его товарищам помещения понравились: «Конечно, не дворцы, но ничего, подойдут». И пошли беспокойные, лихорадочные авралы и штурмы, бесчисленные стычки со строителями, отчаянные схватки с финансовыми работниками. Промелькнули два-три года, и на месте старых мастерских, где совсем недавно сколачивались бочки для капусты, выросли из силикатного кирпича небольшие, но добротные корпуса лабораторий, механический и экспериментальный цехи. Там, где когда-то петляла грязная, с пахучими лужами дорога, пролегло асфальтированное шоссе, окаймленное гранитными бровками. Все это, конечно, стоило многого. И все пришлось делать ему, Каштанову. Товарищи-то по академии, с которыми он начинал создавать институт, ненадолго задержались здесь. Люди были нужны везде, и скоро Трофимов уже сам руководил крупнейшим комбинатом в Сибири, а Шумилин — институтом в Подмосковье. Этот же институт в столице был детищем Каштанова. Каштанова, и никого больше. И Петр Петрович гордился этим, не упускал ни одного случая, чтобы напомнить всем, кому это следовало знать, сколько трудов и сил потрачено на арбатское хозяйство.

Негромко хлопнула дверь, послышались шаги. Каштанов обернулся. В кабинет вошел Шумилин. Каштанов молча смотрел на вошедшего, как бы проверяя и взвешивая то, что ему говорили в эти дни о секретаре парткома и с затеянной им истории. Он ожидал встретить вызывающий и непримиримый взгляд, самоуверенную усмешку. Мысленно не раз представлял себе это. И хотя ловил себя на мысли, что зря фантазирует, что в конце концов знает же он Сергея Шумилина,— отделаться от этих мыслей и рожденных взвинченным воображением картин не мог.

Лицо у Шумилина было усталое, взгляд озабоченный, казалось бы, не такому идти против воли Каштанова.

— Вот хорошо, что пришли. А я хотел звонить.— Каштанов хмурился. «Как и с чего начать? Может, сразу поставить на место? Или сначала выяснить ситуацию?» Решил: поспокойнее.—Расскажите-ка, батенька, что это за разговоры идут по институту? Что вы там в парткоме-то наворочали? Может, директору об этом тоже знать полагается?

Шумилин удивленно развел руками.

— Петр Петрович, я вас не понимаю. Обсуждалось то, о чем мы с вами говорили. Правда, вам я рассказывал об этом предложении значительно подробнее и шире, чем мог это сделать в своем сообщении на парткоме, но суть та же. Между прочим, все ждали, что вы и сами будете на заседании. Дважды переносили его из-за этого.

...Тот их разговор состоялся на следующий же день после возвращения Сергея Шумилина из командировки. Шумилин вошел в кабинет Каштанова похудевший, обветренный, возбужденный, обрадованно жал в своих огрубевших ладонях пухлые, розоватые руки Петра Петровича, говорил громко, торопливо, сбивчиво. Каштанов снисходительно попросил:

— Тише, пожалуйста, и не так торопливо, не улавливаю основной нити.

Шумилин виновато улыбнулся и попытался сдержаться, но спокойствия хватило ненадолго. Хотелось поделиться мыслями, которые будоражили душу, держали в напряжении каждый нерв. И, конечно же, хотелось узнать мнение Каштанова. Ведь он один из крупнейших специалистов, прекрасно осведомлен о всех нуждах и запросах лесного хозяйства и, вероятно, поддержит все, что полезно для дела. Правда, иногда брали сомнения: пойдет ли Каштанов на смелый шаг? Но Шумилин убеждал себя, что сомнения напрасны, и в конце концов уверовал: не может Каштанов не поддержать разумное, целесообразное предложение.

Предложение это сводилось к переводу института в Сибирь. Когда на берегу Селенги Трофимов полушутя предложил Шумилину остаться в Сибири, он точно отгадал его затаенные мысли, возникшие под впечатлением поездки по Прибайкалью. Правда, они были робкими, эти мысли Сергея, неясными, да и само предложение казалось притягательным, волнующим, но малореальным.

Затем постепенно пришла уверенность в том, что задуманное должно быть обязательно осуществлено, что оно просто-напросто необходимо и для людей, работающих в лесу, и для самого института.

Немалую роль во всем этом сыграла поездка Шумилина с Трофимовым на Байкал и особенно в строящийся научный городок под Лесогорском.

Сибиряки рассудили по-деловому: «Нам нужна помощь ученых? Их советы? Их конкретные научные разработки и исследования? Нужны! Тогда надо создать ученым все условия, чтобы они могли спокойно работать. Здесь же, а не за тридевять земель!» И, решив так, развернули около Лесогорска строительство большого научного городка.

Шумилин долго ходил по гулким, мощеным улицам городка, любовался светлыми, высокими корпусами лабораторий, осмотрел каждый уголок опытного деревообрабатывающего комбината, обошел все вспомогательные службы и помещения. К городку с трех сторон подступала тайга. Она расступилась под натиском людей, но была здесь, рядом, охватив плотным полукольцом поселок. А что же, собственно, нужно ученым-лесникам, как не эти лесные раздолья? И раз институт призван облегчить, сделать более производительным труд людей, работающих в лесу,— значит, и место его здесь, рядом с ними. Так думал Шумилин, об этом же и говорил с директором сразу после возвращения из командировки.

Каштанов не перебивал Шумилина, только прикрыл ладонью, как козырьком, глаза, чтобы собеседник не видел в них холодного безразличия и досады на длинную и докучливую, с его, Каштанова, точки зрения, речь. Он даже не счел нужным обстоятельно возражать. Мысли и рассуждения Шумилина о переводе института в Сибирь Каштанов принял за обычное увлечение молодого ума. А чтобы как-то откликнуться на горячий призыв парторга, проронил что-то не очень определенное насчет оригинальности и новизны его мыслей и перспективности их в будущем. Что же касается связи института с лесными хозяйствами Сибири, то для этого и существуют в двадцатом веке и телефон и телеграф, да и самолетом каких-нибудь восемь часов лета. Так что с этой стороны полный порядок.

— Тропок, что проторили, забывать не надо, контакты с местными товарищами поддерживайте. Это очень важно...

Каштанов считал, что затеянный Шумилиным разговор на этом и закончится. Но вышло все иначе. Парторг говорил об идее перевода института в Сибирь в цехах и лабораториях, ездил со своими предложениями в городской комитет партии, в отдел науки ЦК. «Что это с ним в самом деле? Ведь, кажется, неглупый, толковый инженер. А вот поди ж ты, как занесло».

— Так что же решили в парткоме?

— Партийный комитет высказался за перевод института.

Каштанов взметнул густые белесые брови, удивленно взглянул на Шумилина.

— Что? Какими же соображениями вы руководствовались?

Шумилин неторопливо ответил:

— Я уже их подробно вам изложил. Могу повторить еще раз. Первое и главное: институту, занимающемуся проблемами лесной промышленности Сибири, логичнее быть ближе к тому, что он изучает, над чем работает. Люди же там очень нуждаются в нашей конкретной, предметной и, что не менее важно, оперативной помощи.

Каштанов резко поднялся со стула.

— Позвольте, позвольте,— перебил он,— вы мне, батенька, прописные истины излагаете. Увольте. Тешу себя надеждой, что я разбираюсь во всем этом.

Каштанов с раздражением отодвинул стул, прошелся по кабинету, что-то обдумывая, остановился возле Шумилина.

— Я ушам своим не верю,— прерывисто сказал он.— То ли я во сне, то ли наяву. Да неужели вы это серьезно? Я просто не понимаю, как можно предложить такое. Ну как может существовать институт за тридевять земель от руководящих научных центров, от соседей, с которыми он работает над общими проблемами, без московских библиотек, справочных материалов! И, наконец...— Он нервно простер руки к окнам кабинета.— Бросить все, что создано за десятки лет? Все под откос? Уж если тебе ничего не дорого здесь самому, так вспомнил бы хоть отца. Ведь все это...— Каштанов ткнул пальцем в окно,— начинал он тоже. Сыну следовало бы это помнить.

Шумилин помрачнел.

— Почему под откос, Петр Петрович? Мы же ничего не потеряем. Наоборот, выиграем. У института в Лесогорске для работы будут идеальные условия.

Каштанов досадливо поморщился.

— Это я уже слышал.

— Петр Петрович...— Шумилин приблизился к Каштанову, но тот не дал ему говорить.

— Вам, батенька, полагается смотреть на вещи глубже. Вы же не просто инженер Шумилин. Вы еще и секретарь партийного комитета.

— Именно поэтому я и поднял этот вопрос.

— И очень жаль, что подняли.

Каштанов слушал парторга, с трудом сдерживая себя. Его утомил и предельно растревожил весь этот разговор. Он уже понял, что недооценил упорство Шумилина. «Надо было,— думал Каштанов,— при первом же разговоре поставить его на место. Тогда бы вся эта история не зашла так далеко».

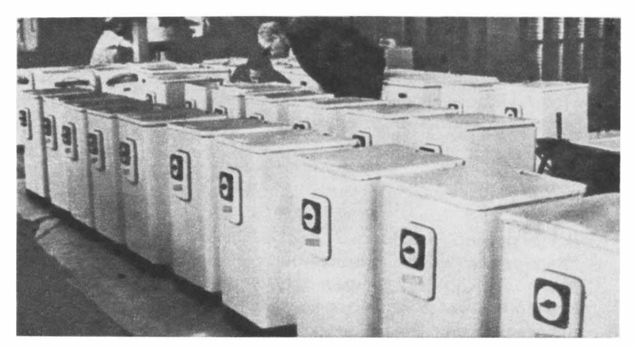

Хороши!

Оружейники Михаил Архипович Мельников и Иван Щербино.

«Тула-2» отправляется в Грецию.

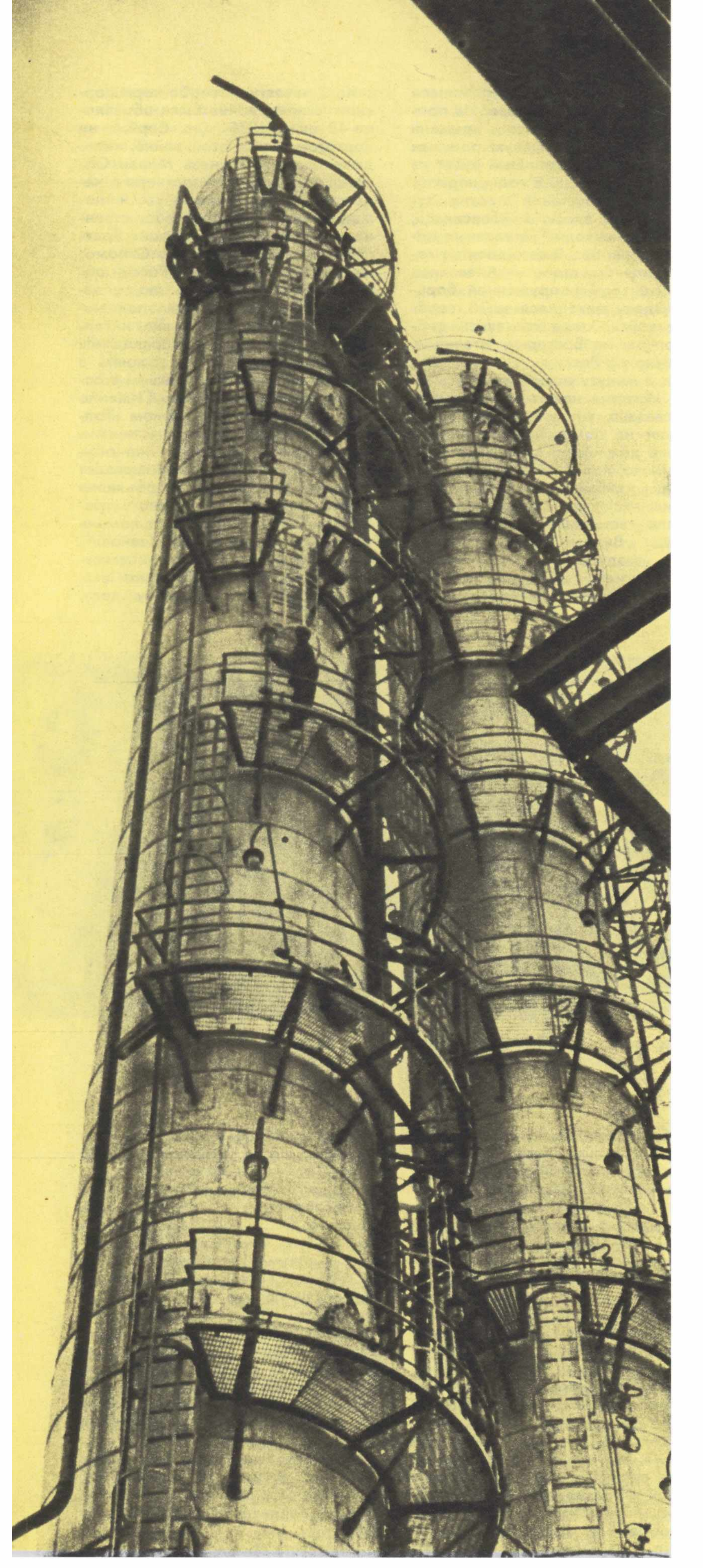
На все вкусы.

Горновые Новотульского Юрий Аксенов и Михаил Помельников.

ТУЛЬСКАЯ МОЗ

Тоже тульские «самовары».

Много лет назад ехал я отдыхать на юг. Первую остановку поезд сделал в Туле. Как сейчас помню: стол, накрытый скатертью, а на столе гора тульских пряников. Тут же самовар горячий. Вдоволь поел я сдобных пряников с чайком. Понравилось. А буфетчица говорит: «Запасайтесь. Только у нас такие».

Теперь я уже старый человек, на юг не езжу. И вот интересно знать: по-прежнему ли славится Тула пряниками? И любопытно, что еще хорошего делают туляки. Если можно, расскажите об этом.

Г. НИКИФОРОВ

Ленинград.

Игорь МИНУТКО

Фото А. УЗЛЯНА.

АИКА

Этот город встречает вас на вокзале вкусным сувениром. Именно вкусным. Прямо к поезду из кондитерского цеха выносятся знаменитые тульские пряники. Они только что с противня, они дышат теплом и медовым ароматом. От кондитеров далеких времен унаследованы секреты их изготовления. Говорят, еще Лев Николаевич Толстой, уезжая из Ясной Поляны в Москву, брал с собой тульские пряники, чтобы угостить друзей. И сейчас пряники эти — дело рук замечательных мастеров. Вот двое из них: Дмитрий Николаевич Дорофеев и Иван Николаевич Сосин. Много лет отдали они любимому делу, но каждый день, когда из ароматного и жаркого нутра печи появляется новая партия тульских пряников, мастера волнуются: удались ли? Будут ли довольны покупатели?

А что еще приходит вам на память, когда вы слышите название этого древнего города — Тула? Многие говорят: самовары. Что же, верно! И это совсем не прошлое. На тульские самовары огромный спрос. Вот несколько цифр и фактов. В этом году уже ушло к покупателям 450 тысяч самоваров разных систем — от сувенирных, в которые вмещается по 125 граммов воды, до огромного буфетного самовара — 35 литров. Самовары электрические, самовары для древесных углей, поющие тоненько и гудящие басом. На любой вкус! И идут они не только на внутренний рынок. Иран, Бирма, Швеция, Польша, Ливан, США, Венгрия, Греция... И это далеко не полный перечень стран, куда отправляются тульские самовары. Продукция должна быть отличного качества. За этим внимательно следит сборщик самоваров Сергей Фролович Евдокимов; пусть слова «Сделано в Туле» не уронят достоинства русских мастеров.

Но ошибается тот, кто думает, будто Тула живет только традицией. Это, конечно, современный город, не отстающий от стремительного века. Тульские самоходные комбайны и широкозахватные жатки, сложное оборудование для угольных шахт и швейные машины, широкий ассортимент изделий радиозавода и одежда фирмы «Чайка»... А стиральная машина «Тула-2» пользуется спросом не только в нашей стране, но и на международном рынке. С нового года начнется выпуск усовершенствованной марки «Тула-6» — эта стиральная машина будет лучшей из образцов подобного типа.

Если вы будете подъезжать к Туле ночью, вы можете увидеть багровое зарево над городом. Идет тульский металл — результат труда людей горячей и сложной профессии — тульских металлургов. Только Новотульский металлургический завод дает в сутки столько тонн металла, что из него можно сделать тысячи тракторов, легковых машин, мотороллеров.

Кстати, о мотороллерах. Летом нынешнего года Польша, ГДР и Западная Германия видели на своих дорогах одиннадцать стремительных мотороллеров — легких обтекаемых машин, покрашенных в веселую красную краску. Их вели одиннадцать парней с буквами «СССР» на синих спортивных костюмах. Происходили испытания новой марки легкового мотороллера «Тула-Турист». Еще в 1957 году на Тульщине был освоен выпуск мотороллеров, как грузовых, так и легковых.

Испытания легкового мотороллера «Тула-Турист» на дорогах Европы прошли успешно. Позади более 6 тысяч километров. Сейчас у новой машины последние экзамены: отработка маневренности в условиях пересеченной местности. Легкие, изящные формы, мощный мотор, большая скорость (85 км в час) — все говорит о том, что легковой мотороллер «Тула-Турист» не будет уступать лучшим зарубежным маркам. Его серийное производство начнется в 1966 году.

...От деда и отца, мастеров-кустарей, унаследовал свою звонкую и певучую профессию Дмитрий Гаврилович Волков. Его умелые руки, его слух и сердце безраздельно принадлежат тульскому баяну. Здесь, в его городе, почти сто лет назад родился этот музыкальный инструмент, и с тех пор песенная слава тульских баянов известна повсюду: их голоса слышны во всех профессиональных ансамблях, например, таких, как хор имени Пятницкого или ансамбль Игоря Моисеева; на концертном баяне тульской марки играет замечательный музыкант Юрий Казаков; каждый год больше чем на двадцать международных ярмарок и выставок отправляются тульские баяны.

Спрос на баяны фирмы «Мелодия», где работает Дмитрий Гаврилович, огромен. Вот и этот баян, еще пахнущий клеем, скоро попадет в руки музыканта. Не фальшивит ли он? Чист ли его голос?..

...И опять середина двадцатого века: большая химия. Дела тульских химиков с Новомосковского и Щекинского комбинатов широко известны стране. Предприятия наращивают мощности. На Щекинском химкомбинате заканчивается монтаж нового цеха. Его продукция — аммиак и метанол — сырье для пластмасс. Спешат монтажники, люди высотной профессии...

...В старом районе Тулы, в Заречье, улицы носят необычные названия: Ствольная, Курковая, Дульная, Штыковая, Замочная... По названиям этих улиц можно собрать ружье! Да, в далекие годы здесь жили кустари-оружейники. Еще к тем, петровским временам восходит известность ружей, сработанных в Туле. И поныне слава тульских оружейников в зените. Сорок восемь стран мира покупают охотничьи и спортивные ружья с маркой Тульского оружейного завода, у лучших спортсменов и охотников нашей страны — тульские ружья. Недавно на заводе освоена новая модель охотничьего ружья «ТОЗ-34». По своим качествам оно поспорит с лучшими в мире. Вот они, тульские оружейники наших дней: старый мастер Михаил Архипович Мельников и молодой гравер Иван Щербино.

Так живет древняя Тула, не изменяя традициям, не отказываясь от всего нового, оправдывая славу города умельцев, города людей с золотыми руками.

Юрий КОРНИЛОВ

КАК ПОГИБ ГРАФ ВРОНСКИЙ

— Это редкий случай, когда жизнь литературного героя продолжалась за пределами романа,— сказал мне Благое Илич, югославский историк и журналист.— Миллионы людей расстаются с графом Вронским, перелистав последние страницы «Анны Карениной», где говорится, что Вронский уезжает в Сербию. Но мало кто знает, что он действительно уехал в Сербию, здесь жил, здесь сражался с турками и погиб возле города Алексинац...

Алексинац — крошечная точка на карте. Маленький городок близ болгарской границы, на берегу полноводной Южной Моравы, городок, плотно охваченный золотым ожерельем пшеничных и кукурузных полей. Двухэтажные, под красной черепицей домики, старинная церковь, над которой плавают голуби, ядовито-желтое, украшенное колоннами здание гимназии, пыльная базарная площадь, пустынные улицы, напоенные запахом цветущей акации... Человеку приезжему кажется, что пульс этого городка бьется медленно-медленно и что бурный сегодняшний день еще не вторгся сюда, не нарушил эту патриархальную тишину. Но это — первое и неправильное впечатление. Стоит побывать в Общинской скупщине, побеседовать с мэром Алексинаца Ранко Стевановичем, и вы убеждаетесь, что тысячи нитей прочно связывают городок с большой, кипучей жизнью страны. Мэр, высокий, темноволосый, черноглазый человек лет сорока, старый коммунист, боевой партизан, всю войну воевавший в здешних местах, достает из шкафа плотные листы ватмана, тонкую звенящую кальку — проекты, чертежи.

— Поверьте: люди, которые не были в Алексинаце лет двадцать, сейчас не узнают его. До войны наш городок был известен не сам по себе, а лишь как центр богатого сельскохозяйственного района, где был лучший в Югославии перец, отличный картофель, где всадник с головой тонул в кукурузных полях. Сейчас крестьяне, объединенные в задругах, работающие на полях госхозов, приумножили старую славу района. Но теперь и город — именно как город! — известен в стране. Мы реконструировали старый, запущенный рудник и даем топливо текстильщикам Ниша, железнодорожникам Белграда. Сооружен завод автодеталей — вот проект его дальнейшего расширения. Построена мебельная фабрика—вот план ее новых цехов. Открыт научно-исследовательский институт, занимающийся селекцией сахарной свеклы,— результатами работ наших селекционеров, наших ученых интересуются не только в Белграде, но и за рубежом. Словом, сделано немало!.. Вас интересует история Алексинаца? Что ж, мы и в этой области найдем что рассказать гостю. Постараюсь дать вам хорошего гида...

Путешествуя по Югославии, я привык к тому, что в любом, даже самом маленьком городке всегда можно найти одного или нескольких старожилов-энтузиастов, увлекающихся историей родных мест. В Алексинаце таким энтузиастом оказался директор гимназии Миодраг Спирич, лингвист по образованию, историк по призванию. Он был искренне рад тому, что встретил человека, который ничего не знал об Алексинаце, и час спустя мы уже поднимались на крутой Руевицкий холм, где, по выражению Спирича, старуха история оставила одну из своих самых интересных визитных карточек. И действительно, на вершине холма среди старых акаций и золотисто-бронзовых сосен я увидел строгий обелиск, сложенный из тяжелых гранитных плит. На белоснежном далматинском камне, вмонтированном в серый гранит, на русском и сербскохорватском языках было выбито:

«Памяти павших в боях русских добровольцев, пришедших на помощь сербам во время неравной борьбы их против турецкой империи в 1876 году».

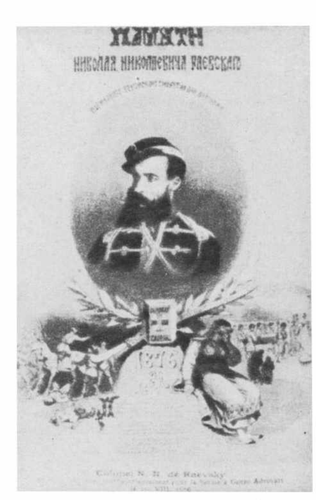
— История нашего города связана со многими важными событиями в жизни страны,— рассказывал Спирич.— Если вы перелистаете древние славянские и турецкие летописи, хранящиеся в белградских музеях, то обнаружите, что еще в XVI веке торговые люди, монахи и воины, путешествовавшие в здешних местах, упоминали город на Южной Мораве. На протяжении длительного времени Алексинац играл важную роль как крепость и перевалочный пункт на пути к Царьграду. В годы первого сербского восстания против турок именно здесь, в Алексинаце, размещалась одна из главных повстанческих баз. В семидесятых годах прошлого столетия Алексинац стал центром вооруженной борьбы. Здесь находился штаб сербских войск, сюда стекались добровольцы из Болгарии, Италии и, конечно, из России...

Он с минуту помолчал.

— История наших народов тесно связана, русские не раз приходили на помощь сербам в тяжелые для нашей земли времена. Так было и в 1876 году. Добровольцы, прибывшие из России, сражались, как герои, многие из них отдали свои жизни за нашу свободу... Видите там, за рекой, полуразрушенный редут на холме? Это место называется Горный Андровац, там погиб полковник Николай Раевский, внук знаменитого генерала Раевского, который во время наполеоновского нашествия на Россию показал чудеса храбрости в сражениях с кавалеристами маршала Даву. Помните, как писал о Раевском в «Войне и мире» великий Толстой? Но самое интересное: не только дед, а и внук связан с творчеством Толстого. Ведь именно Николай Раевский послужил писателю прототипом для создания образа графа Вронского, героя «Анны Карениной». Эта история настолько любопытна, что одна из крупнейших наших киностудий, белградская студия «Ловчен-фильм», взялась сейчас за подготовку сценария новой художественной кинокартины «Полковник Раевский», которая явится как бы своеобразным продолжением всемирно известного романа Толстого...

Он продолжает рассказ, а я слушаю его и вспоминаю свое недавнее посещение студии «Ловчен-фильм», встречу с автором сценария Благое Иличем. Этот человек, на протяжении длительного времени тщательно собиравший все, что может пролить свет на участие полковника Н. Раевского в войне в Сербии, располагает ныне многочисленными, большей частью уникальными историческими материалами и документами.

Как известно, сербо-черногорско-турецкая война была объявлена 18 июня 1876 года. Сербия не подготовилась к этой войне, «владыка сербский» князь Милан Обренович строил свои расчеты и надежды на посредничество и помощь России. Русское общественное мнение было на стороне братского сербского народа. С помощью созданных по всей России общественных комитетов люди, занимающие различное положение — учащиеся, крестьяне, интеллигенты, офицеры,— направлялись на Балканы, чтобы с оружием в руках помочь своим братьям в освободительной борьбе... Именно этот период описан Львом Толстым в заключительной части «Анны Карениной». «Да кто же объявил войну туркам?» — спрашивает старый князь. «Никто не объявлял войны, а люди сочувствуют страданиям ближних и желают помочь им»,— отвечает Сергей Иванович. «Мы видели и видим сотни и сотни людей, которые бросают все, чтобы послужить правому делу, приходят со всех сторон России и прямо и ясно выражают свою мысль и цель»,— добавляет он.

Полковник Николай Раевский.

Такой он, Алексинац.

Среди почти трех тысяч русских добровольцев, направившихся в Сербию, был и полковник Николай Николаевич Раевский. Воспоминания и документы свидетельствуют о том, что, прибыв в Алексинац, он сразу принял участие в боях на берегу Южной Моравы, а потом на оборонительной линии Мрсоль — Пруговац. Один из участников этих боев, сербский историк Живорад Йованович, чьи воспоминания хранятся у Благое Илича, свидетельствует, что Раевский дрался, как герой: в одном из сражений осколком пушечного ядра под ним убило коня, и тогда он, обнажив саблю, бегом устремился вперед, увлекая за собой солдат...

20 августа противник, на стороне которого было и организационное и численное превосходство, перешел в наступление. В штабе, размещавшемся в Андроваце, царило подавленное настроение. Все молчали, хмурились. Только полковник Раевский мирно обедал, шутил. В тот момент с Горного Андроваца прибыл вестовой с донесением, из которого явствовало, что позиция находится в большой опасности. Генерал Черняев, командовавший добровольцами, сказал Раевскому: «Господин полковник, поспешите в

Андровац, примите команду над войсками, позже я пришлю подкрепление». «Очень хорошо!»—ответил Раевский. Его товарищи видели, как он, выйдя из штаба, вскочил на коня и поскакал к Горному Андровацу, минуя дорогу, напрямик—через нивы и виноградники. Несколько часов спустя прибыл вестовой с донесением о том, что враг остановлен. Для рассказа о дальнейших событиях предоставим слово одному из очевидцев, сербскому офицеру Владану Джорджевичу:

«В штабе — радость. «Слава богу!» — сказал Черняев и перекрестился. В этот момент генералу подали новое донесение. Он его вскрыл, но, обнаружив, что оно написано по-сербски, попросил меня перевести. Я взглянул на подпись: «Командир батареи поручик Шаманович». «Да,— сказал генерал,— это с Горного Андроваца. Читайте, читайте скорее!» И я стал читать:

«Покорно докладываю, что в этот час полковник Раевский погиб на моей батарее от пушечного осколка, попавшего ему в голову».

«Ох!» — воскликнул Черняев, схватился за голову и отошел в сторону.

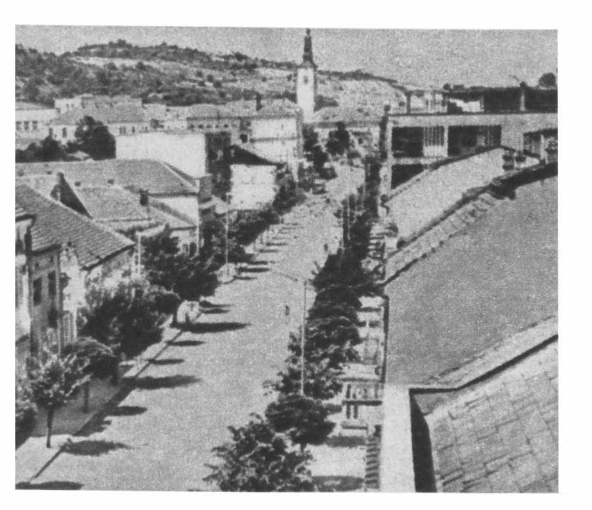
Конец донесения гласил: «Его саблю, оружие, кошелек с деньгами и записную книжку я взял на сохранение вплоть до последующих распоряжений». Весть о гибели Раевского нас поразила. Совсем недавно он был с нами, был так весел, а сейчас — мертв. Бедняга Раевский! Пусть бог утешит его мать и брата, ибо все их огромное богатство не в силах утешить их в такой потере...»

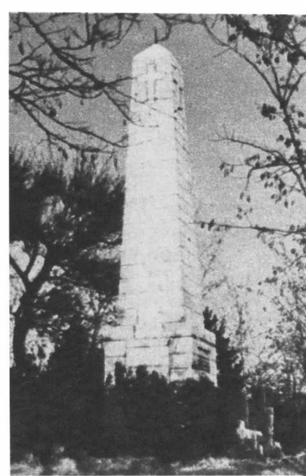
К этому можно добавить, что сабля, о которой упомянул в своем донесении Шаманович, принадлежала еще генералу Раевскому. После того, как Раевский отличился в сражениях с кавалеристами Даву, сабля стала чем-то вроде семейной реликвии; было решено, что она будет переходить от отца только к старшему сыну, а если он не является офицером,— к сыну среднему. В 1876 году старшим в семье был Николай Раевский.

Погибший полковник Раевский был похоронен недалеко от Алексинаца, в древнем монастыре святого Романа. Впоследствии, в 1900 году, тетка Раевского обратилась к епископу города Ниша Никандру с ходатайством о строительстве на месте гибели ее племянника церкви. Разрешение было получено. Мария Раевская, как свидетельствуют документы, прислала епископу «300 тысяч рублей золотом и два сундука с чертежами, планами и картами». У крестьян было откуплено 30 гектаров земли, и работа закипела. Строительством руководил итальянец Иосиф Колар, внутри храм украшал известный далматинский живописец Д. Обренович. Церковь, выдержанную в старинном киевском стиле, можно видеть и поныне. Туристы, часто бывающие в здешних местах, любуются прекрасной иконописью и с интересом разглядывают надпись, высеченную на плите из далматинского камня:

«Церковь во имя св. Троицы воздвигнута в 1902—1903 гг. на месте геройской смерти полковника Николая Николаевича Раевского, погибшего в сражении при Горном Андроваце 20 августа 1876 года за освобождение славян от турецкого ига».

Итак, выяснено все, что связано с пребыванием полковника Н. Раевского в Сербии и его гибелью. Но где доказательства, что действительный герой этой войны полковник Раевский и литературный герой граф Вронский, созданный гением Толстого,— одно и то же лицо? Этот вопрос я задал автору сценария о Раевском Благое Иличу.

Памятник русским добровольцам.

— Доказательства? — удивился он.— Во-первых, сам Толстой пишет в последней, восьмой части романа, что Вронский уехал добровольцем в Сербию. Вспомните сценку из книги: «— А ты знаешь, Костя, с кем Сергей Иванович ехал сюда? — сказала Долли, оделив детей огурцами и медом.— С Вронским! Он едет в Сербию!» «— Да еще не один, а эскадрон ведет на свой счет! — сказал Катавасов...» Во-вторых, Вронский, по описанию Толстого, был невысокий, плотно сложенный брюнет с добродушно-красивым, чрезвычайно спокойным и твердым лицом, а этот портрет совпадает не только с воспоминаниями людей, знавших Раевского, но и с его сохранившимся портретом. Наконец, и в воспоминаниях участников войны и в нашей нынешней прессе много раз указывалось, что именно Раевский послужил великому писателю прототипом Вронского. Вот...

Он извлек из стола целую кипу газетных и журнальных вырезок— здесь были статьи из «Борбы», «Политики», еженедельника «Свет», из провинциальных газет. «Герой Толстого погиб в Сербии», «Подробности гибели графа Вронского», «Судьба одного литературного героя» — достаточно было просмотреть заголовки, чтобы не оставалось никаких сомнений в содержании статей. Однако при внимательном чтении этих материалов невольно обращало на себя внимание то обстоятельство, что авторы даже и не пытались доказывать тождество Раевского и Вронского — это принималось ими как бы за аксиому, за исходный пункт, от которого можно было вести рассказ. Как же внести ясность? Оставался один путь — обратиться в находящийся в Москве Государственный музей Л. Н. Толстого. Я написал туда. Вот ответ, подписанный заместителем директора музея по научной части Э. Г. Бабаевым:

«Ваш запрос о прототипе Вронского из романа Льва Толстого «Анна Каренина» связан с известной легендой о Николае Раевском. Хотя во всех известных нам документах и рукописях Толстого имя Н. Раевского не упоминается, легенда о том, что Раевский и Вронский — одно и то же лицо, существует и находит свое отражение в печати. Надо полагать, эта легенда возникла среди сражавшихся в Сербии черняевских офицеров. Несомненно, Н. Раевский был очень похож на Вронского—именно поэтому его друзья так настойчиво утверждали, что Толстой «срисовал» с него своего героя. Долгая жизнь легенды о Н. Раевском-Вронском сама по себе свидетельствует об огромной силе типических обобщений в романе Толстого».

Итак, легенда. Очень правдоподобная, очень устойчивая, но все-таки легенда. Не хотелось огорчать товарищей из «Ловчен-фильма», увлеченных работой над новым сценарием, но и не говорить им о сведениях, полученных из Москвы, было бы неправильно. Я показал письмо Э. Бабаева Благое Иличу. Против ожиданий оно не произвело на него особого впечатления.

— Здесь сказано лишь о том, что музей не располагает доказательствами, будто Раевский и Вронский — одно и то же лицо,— заметил он, возвращая письмо.— Но если прямых доказательств нет, надо обратиться к доказательствам косвенным. Хотя имя Николая Раевского у Толстого действительно не упоминается, не может быть сомнения в том, что писатель хорошо знал эту семью: ведь дед Раевского, генерал, выведенный в «Войне и мире», было реальным, существовавшим в действительности лицом. Отъезд Вронского в Сербию, его необыкновенное внешнее сходство с Раевским, сам тот факт, что черняевские офицеры видели в Раевском прототип Вронского,— все говорит в пользу того, что полковник, похороненный в монастыре святого Романа, был именно героем «Анны Карениной». А какие имеются данные, свидетельствующие о противном, опровергающие этот факт? Никаких. Нет,— горячо сказал он с видом человека, глубоко убежденного в своей правоте,— полковник Раевский и граф Вронский — это, несомненно, одно и то же лицо!

...Вечерело, когда мы с мэром Алексинаца и директором гимназии приехали на ведущее предприятие города — угольный рудник. В большом, современном, окруженном цветущим садом здании дирекции нас встретил руководитель рудника Борислав Петкович. Он с увлечением рассказывал о том, как выросло предприятие. Горняки вооружены новейшей техникой, в том числе советскими транспортерами и пневматическими молотами, в распоряжении коллектива кинотеатр на 550 мест («Лучшая акустика во всем районе»), большая библиотека («Роман «Анна Каренина» особенно популярен у нас, ведь горняки знают, что главный герой граф Вронский сражался в наших краях!»), просторная столовая, спортивные сооружения, свой жилой поселок.

— Разумеется, построить тот рудник, который вы видите теперь, было нелегко. Фашисты, отступая, разрушили шахты, демонтировали оборудование. Война еще шла, когда сюда прибыли первые добровольцы-рабочие. В то время в Алексинаце размещалась 223-я дивизия Третьего Украинского фронта Советской Армии, которая вместе с нашими войсками освободила город. Среди советских солдат оказался бывший техник-горняк по имени Алексей. Он пришел сюда, чтобы помочь нашим рабочим восстановить предприятие, и несколько недель трудился вместе с ними. Его фамилию, мы, к сожалению, не знаем, но русское имя Алексей с тех пор навсегда связано с историей рудника...

Мэр внимательно слушает директора предприятия.

— Алексей... В те годы я тоже знал одного Алексея, лейтенанта-танкиста: мы вместе участвовали в боях за Алексинац и Ниш. Отважный был парень! Может быть, это он помогал потом восстанавливать рудник? Как бы хотелось разыскать его...

Мои собеседники вспоминают годы войны, штурм Алексинаца, а я слушаю их и думаю о том, что, право же, есть что-то глубоко символичное в истории этого маленького сербского городка! Около ста лет назад, когда сгустились над многострадальной Сербией черные тучи иноземного вторжения, добровольцы из далекой России пришли сюда, помочь братскому славянскому народу. Двадцать лет назад, когда Сербия стонала под сапогом фашистских оккупантов, в долине Южной Моравы вновь раздался грохот русских орудий, жители этого края вновь со слезами на глазах целовали шелк славных русских знамен... Конечно, трудно искать что-то общее в судьбе петербургского аристократа Николая Раевского и советского лейтенанта-танкиста по имени Алексей. Но факт остается фактом: их дороги — пусть с разрывом почти в столетие — встретились и переплелись в Алексинаце, на древней и дорогой им обоим славянской земле.

Впрочем, нужно ли искать во всем этом некий символ? Достаточно, пожалуй, вспомнить заключительную часть «Анны Карениной», где великий Толстой пишет, что народ русский «готов встать, как один человек, и готов жертвовать собой для угнетенных братьев; это — великий шаг и задаток силы».

Алексинац — Белград.

Бразилия снаружи и изнутри

Борис БУРКОВ
Фото автора.

ФРАЗА ПО-РУССКИ

В наш век скоростных маршрутов город иной раз запоминается по промелькнувшему перед глазами пейзажу, а человек — по одной произнесенной им фразе. Краткость встреч возмещается их емкостью: не только настоящее, но и прошлое и будущее как бы присутствуют в прозвучавших словах, в промелькнувших картинах.

...Огромный Париж пылал в лучах заходящего солнца. Наш самолет брал курс на Мадрид, а дальше путь лежал в Южную Америку.

Столица Франции. Столица Испании. Наверно, никогда не станут для советских людей просто этапами путешествий такие города, как Париж, как Мадрид. Они — каждый по-своему — символы народной борьбы, которая сейчас делает символами названия новых и новых городов, в том числе и городов Латинской Америки.

— Я не понимаю по-французски,— сказал я обратившейся ко мне с вопросом стюардессе.

— Я вам помогу,— на чистом русском языке сказал мой сосед справа, типичный, как мне показалось сначала, парижанин: солидный, но без какого бы то ни было оттенка старомодности.

— Куда только не разбросала людей земля русская! — с грустью произнес «парижанин».

Русская земля не всегда была виновата. Но в самом деле, сколько соотечественников встречал я сам в Северной Америке, в Индонезии, Индии, Японии, Франции, Италии, в скандинавских странах. И вот еще одна встреча. Родители Анатолия Николаевича (так звали моего соседа) покинули Россию еще в начале нашего века. Сам он коммерсант, человек богатый...

Может быть, еще несколько лет тому назад он, оказавшись в самолете рядом с гражданином Советского Союза, ограничился бы придирчивым, любопытствующим и в то же время осторожным взглядом. Но времена меняются! Растет авторитет нашей Родины, и все более тянутся к ней те, кого «разбросала земля русская».

А в Уругвае мы познакомились еще с одним русским человеком, активным уругвайским сторонником мира, в Бразилии — с чиновником авиакомпании, в Чили — с русским инженером, работающим в медно-рудной промышленности...

ПИСАТЬ ТОЛЬКО ПРАВДУ!

На следующее утро — оно было солнечное, яркое — мы прилетели в бразильский город Ресифе.

Да, город и даже страна нередко запоминаются по промелькнувшему перед глазами пейзажу! В самолете, на пути из Ресифе в Рио-де-Жанейро, я сказал своему коллеге — советскому журналисту Карэну Хачатурову:

— Знаете, негр, стирающий свою рубаху в болоте, и мальчишка-нищий, который просил у нас милостыню, показались мне вывеской северо-восточной Бразилии.

И в то же время разве стали бы мы или любые другие советские журналисты бездумно превращать эту «вывеску» в содержание наших путевых дневников, добавляя к нему еще более мрачные краски?!

Нет, все, что мы видели в то солнечное утро в аэропорту Ресифе, растрогало нас, глубоко задело наши мысли и чувства, тем более что мы знали печальную судьбу многих миллионов людей этого края, самого нищего во всей Латинской Америке.

Как мы узнали потом, здесь живет более 30 процентов населения страны и здесь же — самая большая безработица, неграмотность, детская смертность.

Полуфеодальные устои в сельском хозяйстве не дают возможности северо-восточной Бразилии хоть как-нибудь прокормить свое население. Когда мы были в Ресифе, газеты сообщили, что на северо-востоке закрыты еще 14 сахарных заводов. Мы видели нищих в Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро, и нам объяснили, что многие из этих бедняков прибыли с северо-востока страны, где крупные помещики владеют почти всей землей.

К сожалению, есть еще в мире такие журналисты, которые готовы из любой человеческой беды состряпать серию очерков. Не желая видеть социальных причин нищеты, такие писаки начинают кричать о какой-то неполноценности людей, оскорбляя целые народы.

Прогрессивные журналисты должны писать только правду. Правда может быть горькой, потому что сама жизнь народа бывает тяжелым испытанием. Но это не вина, а беда народа. Честный журналист не может забывать о социальном строе страны, не может не видеть общественных сил, которые выступают за прогресс.

...Три часа на самолете от Ресифе до Рио-де-Жанейро.

Под нами желто-зеленые горы и ярко-зеленые долины. Среди гор — большой красивый город Рио, как называют его многие в Латинской Америке и за ее пределами.

ТАМ, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ ПЕЛЕ И ГАРРИНЧА

Рио-де-Жанейро расположен у океанского залива в горах. Над городом возвышается Корковадо (по-русски — гора Горбун), на самой вершине огромный железобетонный Христос с простертыми руками. Крест на вершине хорошо заметен с самолета.

У подножия Корковадо замечательный ботанический сад. Немножко выше открывается живописный вид на озеро, на залив с разноцветными яхтами. А если подняться еще выше, к так называемой китайской беседке, видна широкая панорама всего огромного города. Наверху на площадке обычные киоски с сувенирами и небольшой ресторанчик. В этом ресторанчике, прямо здесь же, у Христа, мы услышали «Подмосковные вечера».

Табличка на статуе Христа сообщает, что высота горы — 710 метров, высота самой статуи — 30 метров; тут же мы узнали, что за электрический свет на этой вершине мы должны благодарить американскую компанию «Дженерал электрик».

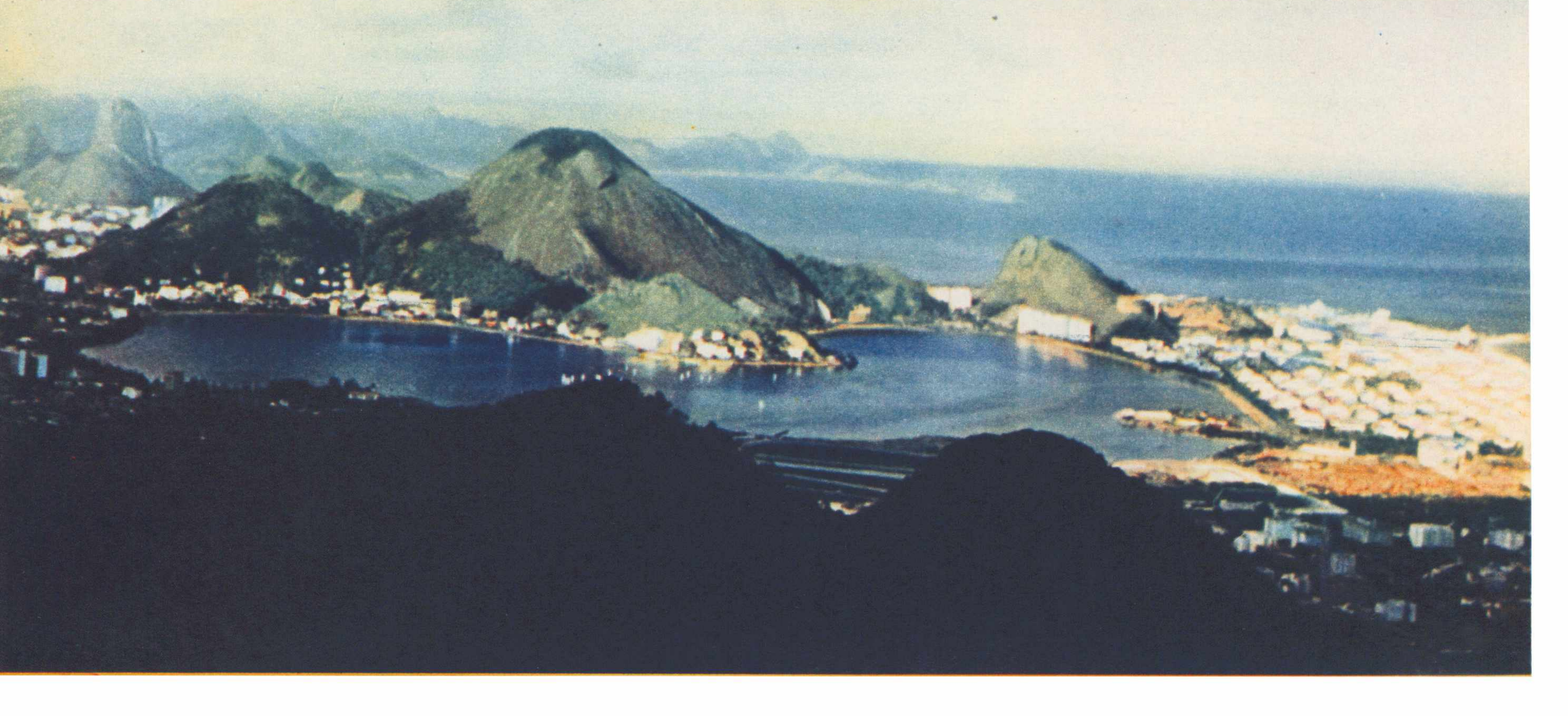
Если вы спуститесь с этой горы, то рядом с красивым озером и яхтами увидите на холмах скопление самых разнообразных, но одинаковых в своей нищете трущоб — это фавелы. Нам рассказали, что в таких трущобах в Рио-де-Жанейро живет более 600 тысяч человек. Правда, некоторых из них переселили за 60 километров от города в поселок Кеннеди, где нам позже удалось побывать.

Район Копакабана в Рио-де-Жанейро славится далеко за пределами страны. Отель «Трокадеро», где мы остановились, расположен именно в этом районе. Копакабана — обширная часть красивого пляжа залива Гуанабара. Море от отеля всего в 40—50 метрах. Золотистая полоса пляжа начинается буквально за лентой автомобильной дороги. На пляже много футбольных ворот. Подростки Копакабана играют в футбол с утра до поздней ночи.

Мы видели здесь футбольные матчи местных любительских команд. Участники играли без обуви с облегченным мячом. Нас поразила высокая техника любительских встреч. Вот откуда идет бразильский футбол! В футбол в Рио-де-Жанейро, как нам показалось, играют буквально все представители мужского пола. Мы видели пятилетних «футболи-

На площади Трех властей в городе Бразилиа высится напоминающее гигантское парусное судно здание национального конгресса. В каждой из чаш разместились сенат и палата депутатов. А на первом плане — модернистская скульптура в честь строителей бразильской столицы.

Группа чилийских ребят индейского происхождения приехала в столицу Сантьяго на экскурсию из поселка Сан Бернардо. Там, на горе Сан Кристобаль, они просят сфотографировать их и «обязательно прислать фотокарточки».

стов» и совсем пожилых людей. Наверно, среди ребят, гоняющих мяч с утра до вечера, тренеры и отбирают будущих Пеле и Гарринча.

В Рио-де-Жанейро много ночных клубов. В некоторых из них выступают интересные ансамбли бразильских, испанских или африканских народных танцев. Город долго не спит, а туристы развлекаются до утра. Как-то вечером мы наблюдали, как подростки и молодежь тащили по пляжу доски, ящики, фанеру — оказалось, был праздник святого Жоана. В ту ночь горели огромные костры, вокруг которых веселились целые семьи с дедушками и внучатами. То здесь, то там взрывались разноцветные «шутихи».

Еще в аэропорту мы договорились с журналистами Рио о встрече. Из газеты «Жорнал до Бразил» пришла Леона, русская девушка, отец которой приехал сюда еще до революции. Леона потом встречалась с нами неоднократно. Когда мы прочитали ее интервью с нами, то поняли, как она серьезно и добросовестно отнеслась к поручению своей газеты. Из другой газеты —«Коррейо да Манья»— к нам пришла молодая журналистка Александра Букановская, родители которой также выходцы из России, из тех, кого, по выражению нашего знакомого по самолету, Анатолия Николаевича, «разбросала по свету русская земля».

Наша встреча с видными бразильскими журналистами, издателями и писателями оказалась очень интересной. Мы долго говорили с писателем Эдмаром Морелем о его книге «Переворот начался в Вашингтоне», где описаны последние события в Бразилии. Эту книгу мы видели потом в руках у покупателей, во многих книжных магазинах, где на полках — самая пестрая литература. Видели довольно популярную, правдиво написанную книгу «А вот как живет бразильская семья». Такая книга почему-то была изъята агентом политической полиции в аэропорту Рио-де-Жанейро у корреспондента АПН Юрия Гвоздева.

Один из редакторов серьезного теоретического журнала «Сивилизасао Бразилейра» рассказал нам об экономических проблемах страны. Эта встреча, по существу, стала хорошим началом более глубокого знакомства с Бразилией. Потом из газет, журналов «Маншете», «О Крузейро» и других мы подробнее узнали о жизни страны. Узнали о росте безработицы (в те дни в Сан-Паулу безработных было больше 250 тысяч); узнали о том, что жизнь в Бразилии стала значительно дороже, что ликвидированы многие завоевания рабочего класса. Один общественный деятель заявил нам: «Сейчас у нас отнимается все, что было завоевано».

Большинство населения волнуют аэрофотосъемки, которые ведут в Бразилии американские военные самолеты.

Даже из газет можно понять, что некоторые бразильские государственные деятели пытаются определить политический курс страны, исходя из пресловутых «идеологических рубежей», руководствуясь внушенными извне идеями откровенного антикоммунизма. Этот курс, в частности, проявился в том, что бразильские войска первыми прибыли в Доминиканскую Республику, где развертывается агрессия США. Кое-кто склонен исходить из утверждения фатальной неизбежности третьей мировой войны. А, мол, раз это так, то нужно крепко привязать себя к колеснице Соединенных Штатов Америки.

ЖУРНАЛИСТСКИЕ БУДНИ

Журнал «Маншете» популярен в Бразилии, поэтому мы, естественно, хотели подробнее ознакомиться с деятельностью компании, которая его издает. Президента компании Адольфа Блоха, оказавшегося, кстати, также уроженцем России, в те дни не было в Бразилии; нас принимал вице-президент Оскар Блох. Кроме «Маншете», компания издает другие журналы, в том числе «Фатос и Фотос» и женский журнал «Жоя». Издания «Маншете» публикуют материалы агентства печати «Новости», проявляя большой интерес к жизни Советского Союза.

— Самая лучшая типография в Бразилии у нас,— заявили нам в «Маншете».

Типография и на самом деле новая, с самым современным оборудованием. На блузах рабочих, техников, инженеров типографии мы увидели нашивки со словом «Блох». Директор печатного цеха молодой Иван Цейлар, уроженец Югославии, ознакомил нас со всем производством. Фотолаборатория оборудована новейшими автоматами, типография имеет свою фабрику красок. При типографии хорошая столовая. Есть своя начальная школа. В очень чистом и современном здании на первом этаже расположена столовая для ребят, на втором — классы.

Встречались мы и с такими издателями, которые, используя материалы советской прессы о науке, технике, искусстве, стараются, по их словам, держаться «вне политики».

— Мы не хотим, чтобы при смене правительства у нас болела голова. Иногда нас обвиняют в том, что мы против правительства. Неправда. Нам неважно, какой генерал придет к власти. Мы не хотим заниматься политикой.

По дороге в АБИ (Ассоциация бразильской печати) нам показали роскошный дворец губернатора штата Ласерды. Бразильская печать почти каждый день что-нибудь сообщает об этой одиозной фигуре. Понимающие люди утверждают, что три президента (Варгас, Куадрос и Гуларт) были насильственно отстранены от власти благодаря проискам Ласерды.

С горы Корковадо открывается вид на Рио и залив Гуанабара. Слева — ставшая символом города гора Пан де Асукар — «Сахарная голова».

Воздушные змеи — забава детворы и предмет торговли на пляже Копакабана.

Залив океана подходит к самому городу.

Ассоциация бразильской печати помещается в большом многоэтажном доме. На террасе тринадцатого этажа — открытый садик. В библиотеке много тысяч книг. Дом печати располагает поликлиникой, кабинетами для самой различной работы. В течение 33 лет президентом ассоциации был Мозес. Сейчас он болен и отошел от ассоциации, оставаясь, по словам местных журналистов, ее «духовным отцом».

Нас принимали президент АБИ писатель Селсо Келли, писатель Адониас Фильо, директор АБИ Антонио Меспле, известный писатель Астрожильдо Перейра. Они рассказали нам о деятельности своей ассоциации, созданной почти 60 лет назад. В этой ассоциации сейчас состоит около 6 тысяч человек.

Совсем недавно Москву посетил известный бразильский общественный деятель, крупный издатель, глава объединения «Диариос Ассосиадос» г-н Ассиз Шатобриан, которого знают в нашей стране. В свое время он был одним из инициаторов кампании за установление дипломатических отношений Бразилии с Советским Союзом. Шатобриан не раз говорил нам о своих симпатиях к советскому народу. Он живо интересуется всеми сторонами жизни нашей страны. Сам он журналист с острым и смелым пером. Во время пребывания в Москве он неоднократно выступал с заявлениями в пользу дальнейшего развития отношений Советского Союза с Бразилией, укрепления и расширения культурных связей между нашими странами. Кстати, совсем недавно в здании бразильского посольства в Москве агентство печати «Новости» подписало соглашение о сотрудничестве с трестом «Диариос Ассосиадос».

Что собой представляет объединение «Диариос Ассосиадос»? Это газетно-журнальный и радио-телевизионный трест, существующий уже 46 лет, располагающий 24 радиостанциями, 17 телевизионными компаниями, 31 газетой, многими журналами, в том числе 12 детскими. У треста такие крупные издания, как журналы «О Крузейро», «О Крузейро интернасионал», «Сигарра»; газета «О Жорнал» с тиражом более 250 тысяч экземпляров. Трест имеет агентство «Меридионал», обслуживающее информацией свою прессу. Трест владеет различными промышленными, фармацевтическими, сельскохозяйственными предприятиями. «Диариос Ассосиадос» — влиятельная организация.

В Рио-де-Жанейро о деятельности треста нам рассказал один из его администраторов, Пауло Кабрал. Потом, будучи в Сан-Паулу, мы посетили главу треста Ассиза Шатобриана. Он принимал нас в своей городской вилле. Прежде всего он показал несколько картин современных бразильских художников, которые он собирался взять с собой в Москву для подарка советским организациям. За обедом у Шатобриана были бразильские журналисты. В короткой вступительной речи, которую читал секретарь Шатобриана, хозяин решительно высказался за дальнейшее развитие экономических и культурных связей с Советским Союзом. Он сказал о своей заинтересованности в прочных контактах с органами советской печати.

— Нам нужна объективная, правдивая информация о жизни советского народа из первых рук,— заявил он.

Шатобриан последние 5 лет передвигается на коляске. Но, несмотря на недуг и возраст (ему 74 года), он много работает, встречается с людьми, пишет, руководит своим объединением. Лицо у него молодое, особенно молоды его карие глаза.

В Рио-де-Жанейро, на углу улиц Санта-Клара и Атлантика, на довольно бойком месте разместились читальный зал, библиотека американского информационного агентства (ЮСИА). В читальном зале, у стеллажей книг, у фотовитрин, рассказывающих об «американском образе жизни», возле телевизора обычно толпятся туристы. По вечерам на улице здесь показывают короткие документальные кинокартины. Американцы «делают пропаганду».

Недавно в Бразилии создано небольшое информационное агентство «Орбе Пресс», возглавляемое Леонорой Гедес. Это агентство обслуживает 600 бразильских газет. Оно использует материалы печати многих стран, в том числе и Советского Союза. Работники этого небольшого агентства одновременно сотрудничают в других газетах или журналах. Агентство находится, как говорится, в стадии становления. Намерения его добрые: рассказывать своим читателям о жизни других народов. Девиз агентства «Орбе Пресс»: «Информация на службу демократии».

Леонора Гедес заявила:

— Я поэт и всем сердцем чувствую демократию и хочу, чтобы она торжествовала во всем мире. Я в своих стихах воспеваю дружбу народов. Я хочу, чтобы эта дружба торжествовала на всей земле.

ГОРОСКОП ПРЕДСКАЗЫВАЕТ СУДЬБУ

Каждый, кто посещает Бразилию, обязательно хочет посмотреть ее новую столицу — Бразилиа. Естественно, и мы решили сделать это. До столицы 900 километров. Самолет покрывает это расстояние за 2 часа. Просматривая в самолете газеты, мы узнали, что в Бразилии с лекциями выступает наш советский хирург Андросов.

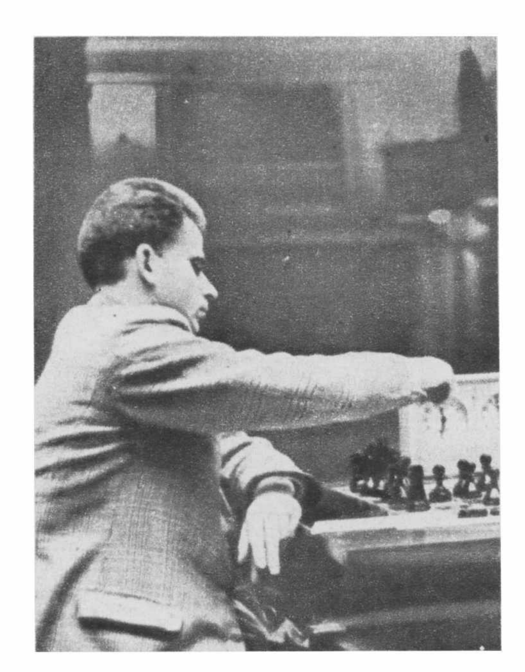
По воскресеньям в Бразилии, как и во многих других странах, газеты выходят на 70—90 страницах, причем обычно преобладает на них реклама. Мы обратили внимание на забавный раздел — «Наш гороскоп».

Гороскоп предсказывает вашу судьбу: с утра вы уже можете знать, что вас ожидает. Нужно только помнить свое созвездие. А это сделать очень легко. Под наименованием каждого созвездия стоит дата рождения. «Предположим, если вы родились до 15 мая, то ваше созвездие «Телец». Разыскав наши созвездия, мы полюбопытствовали, что же ожидает нас в этот день.

Мой гороскоп в газетах сообщил: «На повестке дня любовь, сюрпризы и приятные события... Не допускайте излишеств в еде, придерживайтесь умеренного режима и постарайтесь позаботиться об отдыхе. Будьте внимательны к своим противникам и друзьям, избегая спо-

ШАХМАТЫ

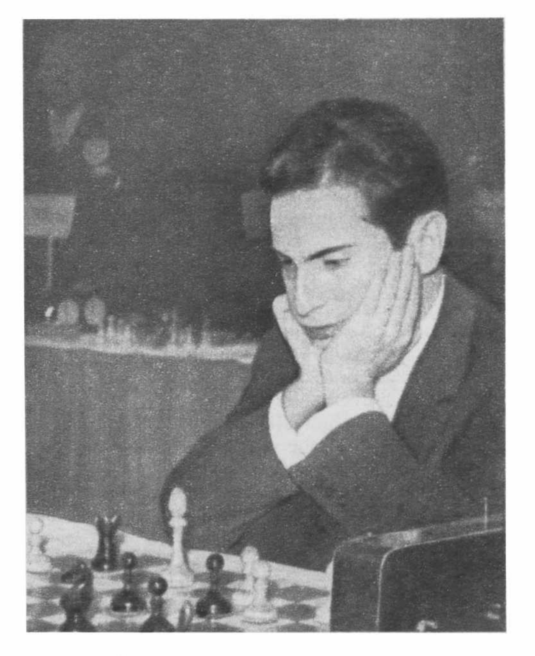
под редакцией С. ФЛОРА, международного гроссмейстера.

Борис Спасский.

СПАССКИЙ или ТАЛЬ?

Макс ЭЙВЕ, экс-чемпион мира

Михаил Таль.

На турнире в Загребе в апреле 1965 года судья подверг денежному штрафу двух шахматистов, закончивших свою партию вничью... на восьмом ходу. Подобная мера была бы абсолютно излишней в матче Таль — Ларсен. Борьба велась не на жизнь, а на смерть.

Матч Таль — Ларсен был наиболее захватывающим из всех проведенных кандидатских поединков. В матче Спасский — Керес результат также был неясен до последней партии, однако при счете 5 : 4 в пользу Спасского его победу все же можно было предвидеть. Напротив, в матче Таля с Ларсеном ничего нельзя было сказать до самого последнего момента, и сами партии показали, что противники достойны друг друга.

Это равенство сил явилось неожиданностью. После убедительной победы Таля над Портишем датскому гроссмейстеру отводилось не много шансов на успех, хотя и Ларсен в том же месте и в то же время одержал крупную победу над Ивковым. Слишком свежи в памяти были относительные неудачи Ларсена в Нордвийке и Загребе, которые ослабили впечатление от его большого успеха в Амстердамском межзональном турнире.

Вспомним о невероятном старте Ларсена в этом гигантском соревновании с 24 участниками. Его лидерство рассматривалось как временное,— ведь в последних пяти турах датчанину предстояло встретиться с советскими гроссмейстерами. Ожидалось, что эти встречи будут стоить Ларсену многих «половинок» и целых очков и, следовательно, первого места. Однако этого не произошло. Ларсен «добыл» в последних пяти турах три очка, и хотя он не стал единоличным победителем, но и не дал никому себя обойти. Вместе со Смысловым, Талем и Спасским Ларсен поделил первое место, с высоким результатом — 17 очков из 23.

Это достижение следует расценить тем более высоко, что Ларсену для выхода в турнир кандидатов было совсем необязательно бороться с полной отдачей сил в последних турах. Согласно положению, Ларсену было важно не дать опередить себя более чем двум (кроме советских) участникам. А такого результата Ларсен добился задолго до конца соревнования, постоянно имея на 3—4 очка больше, чем, скажем, Портиш, Ивков и Решевский.

Ларсен мог, следовательно, играть без напряжения, и, возможно, здесь-то и надо искать объяснения его успеху. Когда наблюдаешь за Ларсеном, соз-

---

ров. Вас ожидает большая общественная деятельность с праздниками и приемами».

Одно уже было правда: мы летели именно в воскресенье — значит, праздник уже обеспечен!

Моему спутнику, которого «угораздило» родиться под созвездием «Близнецы», гороскоп не советовал заниматься сегодня делами, ибо в делах ему не повезет. Гороскоп также сообщил ему, что начальник доволен его работой.

Как и предсказывал гороскоп, нас ожидал сюрприз — знакомство с совершенно новым городом. Большинство служащих столицы в субботу уезжает в Рио-де-Жанейро, так что город был абсолютно пуст. Первое впечатление такое, что мы попали на другую планету. Большая пустынная площадь, высокие причудливые здания, какие-то странные скульптуры. Над всем городом главенствует здание конгресса с оригинальными помещениями: чашей—сенатом и опрокинутой чашей — палатой депутатов.

На площади на монументе бывшему президенту и основателю новой столицы Бразилии Кубичеку высечено его изречение: «С этого нагорья, с этой пустоши, которая скоро превратится в центр самых высоких национальных устремлений, я обращаю вновь и вновь свой взор в завтрашний день моей родины».

Эту площадь называют площадью трех властей: законодательной, исполнительной, судебной; здесь расположились конгресс, президент и верховный суд. У резиденции президента развевается национальный флаг, в центре флага — земной шар, опоясанный лентой с надписью «Порядок и прогресс».

Столица только еще строится. Огромная площадь земли красного цвета, заросшая кустарником, разбита на квадраты; то здесь, то там видим столбики с табличками: здесь будет такое-то посольство, здесь строится такое-то учреждение. Воздвигнуты большие оригинальные жилые дома, рассчитанные на местный жаркий климат. Некоторые здания с той стороны, где у них нет окон, напоминают огромные градирни. А с другой стороны это красивые дома с балконами и террасами.

На окраине города — белый дворец президента. Он стоит в глубине территории, окруженной изгородью, у которой дежурят часовые. Рядом с дворцом выделяется небольшое здание семейной церкви, издали напоминающее парус.

От столицы Бразилии до самого крупного города страны Сан-Паулу около 900 километров. Самолет доставляет вас туда за 1 час 50 минут.

САН-ПАУЛУ

Сан-Паулу напоминает одновременно Чикаго и Нью-Йорк. Большое скопление небоскребов, виадуки, шумные торговые улицы. Окраина Сан-Паулу похожа скорее на Рио-де-Жанейро: здесь великолепные, с небольшими садиками виллы, парки, спортивные площадки.

Можно было почти всю ночь наблюдать на улицах шумные гулянья, яркую иллюминацию и фейерверки. Нам сказали, что сегодня праздник трех святых сразу — Антонио, Жоао и Педро.

В Сан-Паулу более пяти миллионов жителей. Это самый крупный промышленный центр Бразилии. Здесь обилие машин и отсутствие, как нам показалось, всяких правил уличного движения часто создают на центральных улицах «пробки».

У памятника независимости Бразилии на сером бетоне белой краской — самодельная надпись: «Бразилия — не американская колония».

Мы поняли, что и здесь, где столько банков, крупных владельцев промышленных предприятий, немало людей, которым не по душе американское хозяйничанье.

По одной торговой улице (она не очень широкая, примерно метров 20) мы шли пешком. Каждый шаг на ней приходилось брать с боя, пробираясь сквозь сплошную толпу. Эта бойкая торговая улица скорее напоминает рынок. Здесь шум, крик, какие-то звонки, призывные возгласы владельцев небольших магазинов. И все это сливается в несмолкаемую какофонию. Единственное желание — поскорее бы вырваться из объятий этой улицы. Правда, и рядом тоже шумные улицы, тоже торговые, но там хотя бы можно как-то передвигаться.

дается впечатление, что он не любит играть в напряженной обстановке, которая сковывает его силы. А ведь нам известны великие шахматисты, которые именно при трудных обстоятельствах добиваются высших достижений. Вспомним одного из прежних чемпионов мира — Ласкера. В Петербургском турнире 1909 года он должен был в последнем туре играть на выигрыш против Тейхмана. Ласкер выиграл. То же произошло и в турнире 1914 года в Петербурге и 1923 года в Моравской Остраве, где Ласкер победил соответственно Маршалла и Тартаковера. Математик и философ Ласкер не позволял преходящим обстоятельствам отвлекать себя и оставался объективным во всех случаях: в цейтноте, в тяжелом турнирном положении, при отставании и даже при лидерстве.

Ласкер был реалист, Ларсен — оптимист. Этому Ларсен обязан своей большой силой в хороших и менее хороших позициях. Он верит в бесконечность шахмат: есть так много возможностей, что не следует быстро терять мужество. Ларсен проявляет большую находчивость в атаке и в защите. Его ресурсы неисчерпаемы. Но у него многое зависит от формы. Ларсен имеет свои взлеты и падения.

В известном смысле Талю также свойственны хорошие и плохие дни. Поскольку два последних года оказались для экс-чемпиона мира сравнительно хорошими, а для Ларсена нынешний год был не особенно удачным, предпочтение в целом отдавалось Талю. Но, как показало течение матча, без достаточных к тому оснований.

Таль так же оптимист, как и Ларсен. Оба они верят в то, что в сложных позициях они считают на один ход дальше, чем противник. Шахматный мир оказался в ожидании интереснейшего поединка. Два шахматиста должны противостоять друг другу — два шахматиста, которые не боятся никаких осложнений и особенно глубоко рассчитывают варианты. При таком столкновении можно кое-что пережить. И было пережито даже не кое-что, а многое.

Стремление к атаке, которым щедро наделены и Таль и Ларсен, выражается, однако, у них поразному. Атаки и комбинации Ларсена большей частью позиционно обоснованы. Таль придерживается иных взглядов. Он играет «на противника». «Доставит ли противнику мой ход затруднения?» — вот на какой вопрос Таль прежде всего ищет ответа.

Из этого следует, что советский гроссмейстер иначе подходит к оценке корректности жертвы. Он как бы пересаживает себя на место своего противника, чтобы решить, сможет ли тот противостоять его жертве. Если нет ясного опровержения, Таль жертвует. При этом важно подчеркнуть, что опровержение не являет собой ограниченный круг рассчитанных вариантов. Так почти никогда не бывает. Реальность многих возможностей определяется Талем интуитивно.

В этом отношении следует, однако, учитывать большое различие между корректным и некорректным. Большинство позиционных шахматистов предлагает жертву только в том случае, если она абсолютно обоснованна. Таль, напротив, может предложить жертву даже тогда, когда она некорректна.

Алехин после своей победы в 1937 году сказал в похвалу мне следующее: «Эйве жертвует всегда корректно». Тем самым подразумевалось, что Эйве жертвует редко, но если это случается, то жертва его вполне оправданна. Таль, напротив, жертвует часто. Так, в двух последних матчах он жертвовал по два раза против Портиша и против Ларсена. Причем имеется в виду пожертвование большого материала, мелкие жертвы Таль предлагает значительно чаще.

Портиш мог бы в четвертой партии после жертвы Таля сделать ничью. Мог ли Ларсен успешно выстоять после жертв Таля в шестой и десятой партиях, остается сомнительным. Через несколько месяцев мы это узнаем. Комбинации экс-чемпиона мира слишком сложны, чтобы можно было дать им быструю оценку.

Если подвергнуть игру Таля в матчах более детальному рассмотрению, то кажется важным высказывание Портиша незадолго до начала матча: «У меня слишком мало надежд победить Таля. Я тщательно изучил все его партии и считаю его сильнейшим шахматистом всех времен».

Это интересное высказывание звучит благороднее, чем бравада некоторых шахматистов, которые перед соревнованиями пытаются устрашить противника.

Таль играет не в «психологические» шахматы, а, если можно так сказать, на исчерпание самого процесса игры. Это «исчерпание» имеет два значения: Таль вскрывает все возможности позиции и, кроме того, изматывает противника. Отсюда ясно, что жертва занимает в стратегии Таля особое место. Жертва ставит противника перед тяжелейшими проблемами, многократно увеличивает опасность ошибки. Именно в таком смысле следует понимать высказывание одного югославского журналиста: «Таль жертвует корректно, полукорректно или некорректно, но победа всегда остается за ним».

Однако вернемся к началу. Ларсен сразу же показал себя в матче равноправным партнером. Он проиграл матч, но остается вопрос, заслуженно ли. В двух закончившихся вничью партиях датчанин имел значительное преимущество, тогда как Таль имел лучшую позицию только в одной. Матч долго протекал в равной борьбе со значительным перевесом белых. Это было как в теннисном матче, где тот, кто имел подачу, постоянно ее выигрывал.

Первая партия производит впечатление разорвавшейся бомбы. Ларсен избрал обоюдоострый вариант, в котором многое еще не изучено, и скоро захватил инициативу. Сильной позиционной игрой и продуманными маневрами датчанин ставит позицию противника под такое давление, что вражеский бастион вскоре рушится.

Насколько велик был Ларсен в первой партии, настолько же велик был Таль во второй. Борьба в этой партии сложилась, если это возможно, еще острее. Казалось, что Ларсен благополучно миновал дебют, но несколько тонких, замаскированных ходов Таля доказывают обратное. Квазипатовое положение на 32-м ходу, в которое он привел Ларсена, при полной доске фигур было вершиной комбинационного искусства Таля.

После того, как третья партия без особых происшествий закончилась вничью, в четвертой партии для Таля наступил критический момент. Экс-чемпиону мира никак не удавалось найти в, казалось бы, благоприятных для комбинаций позициях правильный путь. Так как возможность для пожертвования большого материала не представлялась, Таль осуществил сомнительную жертву пешки. Ларсен принял

В редакции газеты «Фолья де Сан-Паулу» нам показали последнюю информацию о росте преступности в городе. В те дни бронированные автомобили специальной полиции, именуемой «эскадроном смерти», разъезжали по городу, пытаясь поймать какого-то знаменитого бандита.

По автомобильной дороге от Сан-Паулу до Рио-де-Жанейро много самых различных гостиниц, кемпингов, ресторанов, заправочных пунктов. В 184 километрах от Сан-Паулу расположился так называемый «Клуб 500». В небольшом парке построены жилые дома для членов этого клуба, ресторан, бассейн, танцевальная площадка. Здесь мы и заночевали.

Ночью в уютном экзотическом парке мы любовались звездным небом южного полушария, вдохновляющим авторов гороскопов. Кажется, будто звезды здесь расположены как бы в нескольких плоскостях. Южное звездное небо — яркое, объемное. Что же касается гороскопов, то они явно умалчивают о резких контрастах человеческих судеб в Бразилии. Богатые люди имеют возможность быть членами «Клуба 500». А на северо-востоке страны население, по сообщению газеты «Ультима ора», ест крыс, муравьев и пауков.

— Дети там уже не могут плакать,— заявил один священник.— Они пищат, как котята. А среди взрослых растет число самоубийц.

Эти слова священника привел на заседании парламента депутат Андраде Лима Фильо.

Другой депутат также говорил о трагедии населения на северо-востоке страны.

— Что будут делать крестьяне,— восклицал депутат,— когда не останется ни одной крысы, муравья и паука?!. А мы ведем разговоры в этой новой Византии (имеется в виду новая столица). Пора принимать меры, пока не будет слишком поздно.

— Торопитесь,— взывал депутат,— пока последняя степень отчаяния не приведет народ к другому исходу: осуществить справедливость своими собственными руками.

...Для нас июль — лето, для Бразилии — зима, самая настоящая зима, хотя дневная температура в дни нашего пребывания там не была ниже 25 градусов тепла. Кругом цветы. Правда, некоторые деревья стоят без листвы, но они не очень заметны среди других, зеленых деревьев. Единственно, чем бразильский июль похож на зиму, это короткими днями. Около шести часов вечера густые сумерки мгновенно сменяются темной ночью, а утро наступает поздно: зима как зима!

ОБРАТНО В РИО

Шоссейная дорога до Рио-де-Жанейро живописна. Долины сменяются горами, поля — лесами. Красивы зеленые холмы с выходами ярко-красной почвы. В 90 километрах от города на одной из вершин сооружен большой памятник строителям этой дороги. С верхней обзорной площадки открывается незабываемый вид на гряды гор, ущелья, петли самой дороги.

В ресторане, что расположился под памятником, мы посмотрели газеты. Опять информация о насильственном переселении из фавел за город в новые поселки, созданные на средства «Союза во имя прогресса». Места, очищенные от «деградированных элементов», продаются за бешеные деньги для застройки. Некоторые журналисты называют Ласерду убийцей нищих. Это по его приказу было осуществлено физическое истребление обездоленных людей. По его же инициативе гонят нищих за пределы родного города.

Высоко над дорогой по откосам холмов большие, яркие рекламы: «Форд», «Мерседес-Бенц» и много, много других. Иностранные монополии нависли над Бразилией...

Примерно в 60 километрах от Рио-де-Жанейро расположен поселок Кеннеди. У въезда в поселок на площади небольшая копия известной статуи Свободы. Рядом зловонный канальчик почти без воды. Изредка проедет машина и поднимет облако пыли. Жалкие деревья, трава под толстым слоем пыли. Невыносимо жарко. Женщины — в большинстве негритянки — сушат белье, расстилая его прямо на земле. Возле маленьких, одноэтажных домишек грязно. Бегают в рваной одежде ребятишки. На солнцепеке в «спортивном городке» развлекаются подростки-негры. Здесь играют, но играют как-то без радости, без раздолья, присущих детям... Статуя Свободы своим факелом освещает разрекламированную «гуманность»: бедняков выселили из города, им дали жилье... А кто им даст работу? Что они будут есть?

...А впереди — сверкающий огнями Рио, далекий от забот тех, кто живет в поселке Кеннеди.

жертву и вскоре добился лучшего эндшпиля. Второе поражение Таля казалось близким. Это было бы тем неприятнее, что Таль играл белыми. Но ладейный эндшпиль закончился ничьей не без помощи Ларсена, который вообще проводил анализ отложенных партий менее глубоко, чем обычно.

Возможно, этот счастливый случай вызвал у Таля чувство неловкости, во всяком случае, пятую партию он играл ниже своих возможностей, в пылу осложнений просмотрел не слишком замаскированный выпад и бесславно сложил оружие. Это поражение было, конечно, чувствительным для Таля, но не настолько тяжелым, как если бы он проиграл четвертую партию. Ибо теперь, в следующей партии, Таль играл белыми, и его ответ не заставил себя ждать. Шестая партия закончилась убедительной победой Таля, который вновь дал почувствовать свое умение жертвовать. Позиция Ларсена была малоудобной, но нужен был талант Таля, чтобы так основательно ее разнести.

Вопрос о победителе вновь остался открытым. В седьмой партии Ларсен едва не пережил свой Седан. Таль черными развернул активные действия на ферзевом фланге и точно рассчитанным маневром перевел партию в, казалось бы, выигрышный эндшпиль. Отложенная позиция давала Талю возможность выигрыша качества, и его перспективы выглядели в розовом свете: победа против белых! Перед окончанием седьмой партии игралась восьмая, самая бесцветная во всем матче. Она закончилась после добрых сорока ходов вничью, и затем, после возобновления седьмой партии, выяснилось, что и она не могла быть выиграна Талем!

Счет — 4 : 4! В третий раз противники должны были начать новую жизнь. Ларсен играл белыми, и долгое время Таль балансировал между жизнью и смертью. В отложенной позиции датчанин располагал лишней пешкой. Пока не установлено, достаточно ли этого было для выигрыша. Во всяком случае, Талю удалось сделать ничью. И он вновь мог облегченно вздохнуть. Ну, а десятая партия увенчала матч и победу Таля. Он снова предложил жертву, и Ларсен сдался на 37-м ходу.

Да, это был подлинный поединок титанов, и он займет достойное место в истории шахмат. Таль-романтик победил. Оптимист Ларсен проиграл с честью. Чтобы еще раз подчеркнуть его оптимизм, упомянем, что еще до матча он отклонил приглашение на турнир в Гаване, заявив, что ему надо будет в сентябре готовиться к матчу со Спасским. По крайней мере такое сообщение было опубликовано в одной голландской газете. Но даже если это сообщение и неверно, это ничего не меняет в том факте, что Ларсен — оптимист. Оптимизм является частью его стиля и ведет его на большие дела.

Итак, теперь предстоит финал кандидатского турнира: Спасский—Таль. Волшебник Таль против трезвого всевидца Спасского. Честно говоря, я несколько боюсь за Таля. С первого же момента я видел в Спасском ближайшего кандидата, чисто интуитивно, причем личные симпатии здесь не играли роли. Вряд ли есть в Советском Союзе или за его пределами шахматист, который бы не относился доброжелательно к спокойному и корректному Спасскому. С другой стороны, и у Таля — только друзья. Что касается меня лично, то с той поры, как чемпион мира Таль в 1961 году, накануне своего матч-реванша с Ботвинником, нашел время и возможность приветствовать меня на московском аэродроме, он похитил мое сердце.

Таль и Спасский одного возраста: им обоим по 28 лет. Это, кажется, единственное, что есть общего у завтрашних соперников. Во многих отношениях они антиподы. Таль — шахматист комбинационного стиля, Спасский — позиционного. Таль опаснее в отдельной партии, Спасский — в более дальней перспективе. Таль выигрывает благодаря неожиданности, Спасский — благодаря логике. Таль — штурм, Спасский — спокойствие. Таль — метеор, Спасский — восходящее солнце. Таль был чемпионом мира, Спасский будет чемпионом мира. (Чтобы избежать недоразумения, хочу разъяснить, что это предсказание не следует обязательно относить к ближайшему будущему. Если Спасскому не удастся на этот раз, он добьется победы позднее.) Таль известен во всем мире, даже среди нешахматистов. Спасский известен гораздо меньше. Собственно говоря, это достойно удивления: Спасский так же часто успешно играл за рубежом, как и Таль. Он был чемпионом мира среди юношей и вообще постоянно был самым молодым и самым сильным. Он был в свое время самым молодым мастером в Советском Союзе, позднее — самым молодым гроссмейстером. В девятнадцать лет Спасский уже играл в Амстердамском кандидатском турнире. Он поделил там третье место с Петросяном и выиграл красивую партию у победителя турнира Смыслова.

Чтобы достичь финала нынешнего кандидатского турнира, Таль и Спасский успешно выдержали по два тяжелых матча. Трудно сказать, кто из них достиг большего. Против Геллера Спасский добился победы сравнительно легко. Так же, как и Таль против Портиша. Однако против Кереса Спасский не сразу проявил себя, и лишь к концу дело у него пошло успешно. Так же и Таль против Ларсена должен был бороться до последнего хода.

В этих матчах появился на свет результат, важный в теоретическом отношении. Если раньше наибольшей популярностью пользовался первый ход d2—d4,— а этот ход, по выражению д-ра Тарраша,— «корова, которая обеспечивает шахматистов маслом и молоком»,— то теперь неожиданно выдвинулся на первый план ход e2—e4, который можно сравнить с курицей, несущей золотые яйца. Таль набрал, играя белыми, 7,5 очка из 9, и в этом отношении соперники вновь сходятся: Спасский также питает склонность к королевской пешке. Против Геллера он выиграл таким образом три партии.

Как же следует защищаться против e2—e4? Этот вопрос придает особое очарование предстоящему матчу, так как оба приверженца e4 смогут скорее всего дать ответ на этот острый, актуальный вопрос современной шахматной практики и теории.

Человек за рулем

Слова И. ШАФЕРАНА. Музыка П. АЕДОНИЦКОГО.

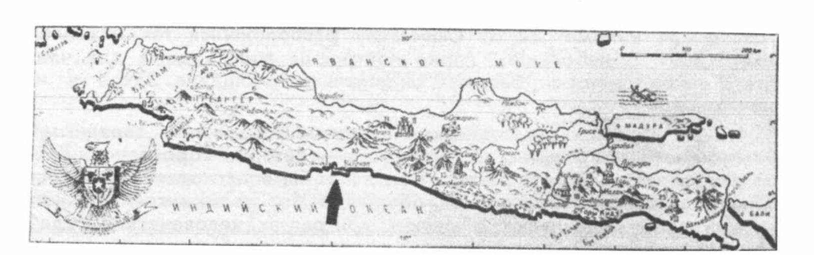
Мы торопимся все,
Мы куда-то спешим,
И бегут по шоссе
Вереницы машин.
Так давай же с тобой
Потихоньку споем,
Мой дружок дорогой,
Человек за рулем.

Не в кино на войну
Довелось нам смотреть —
Приходилось тонуть,
Приходилось гореть.
Через Ладогу груз
Мы везли под огнем,
Потому что не трус
Человек за рулем.

Нас дорога ведет —
И стучит тяжело
Ветер дальних широт
В ветровое стекло.
Но в сторонке любой
Вспоминает свой дом,
Вспоминает любовь
Человек за рулем.

Отоспимся чуток —
И готовы опять
Километры дорог
На колеса мотать.
Будет ветер и снег,
Но с пути не свернем...
Уж такой человек —
Человек за рулем.

ЗАБАВН

ДЕТСКОЕ МОРЕ

— Кто ответит, где расположено Детское море? — спросил я пятиклассников.

— Первый раз слышим,— ответили ребята, пожимая плечами.

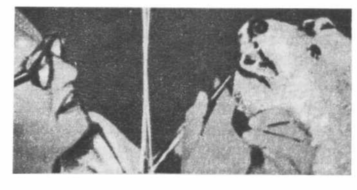
Развернув большую карту, я начал рассказывать.

Детское море известно давно. Оно расположено в Индонезии, на южном берегу Явы, около порта Чилачап. Посмотрите на карту, и вы увидите похожий на озеро залив Индийского океана, который называется Сегара-Анакан. Это индонезийские слова, а переведенные на русский язык, они означают «Детское море».

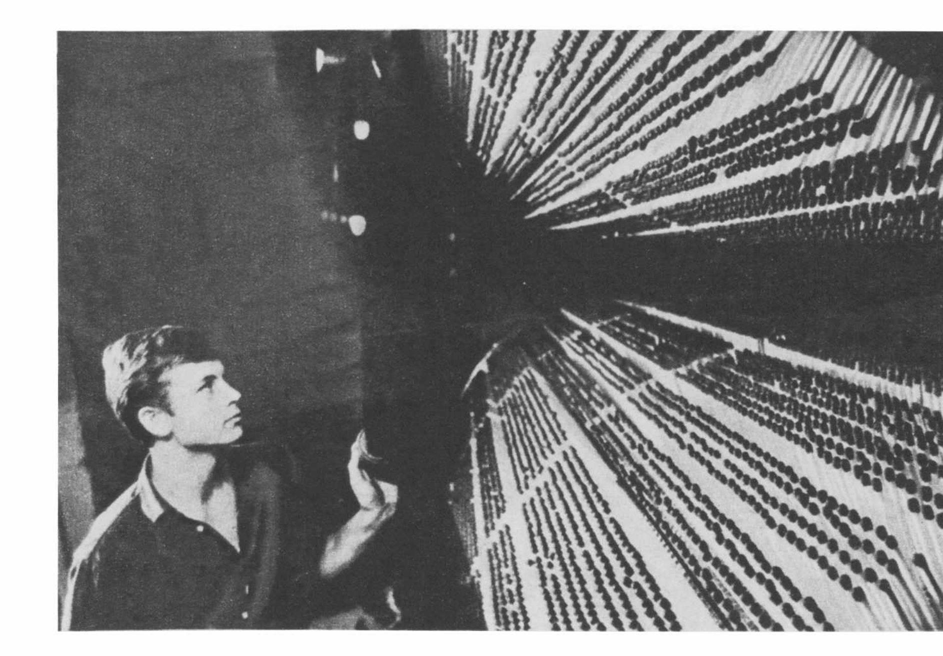
Б. РЖЕВСКИЙ

ДИСЦИПЛИНИРОВАННЫЙ ПАЦИЕНТ

Когда сверлили зуб и ставили пломбу этому псу, он вел себя очень спокойно, давая возможность врачу нормально работать. После пломбирования четвероногий пациент громким лаем поблагодарил своего исцелителя.

РАССКАЗЫВАЕМ О ПРИВЫЧНОМ

ЧУДОВСКИЕ СПИЧКИ

Создать маленькую спичку совсем не просто. Вот с бревен сняли кору, распилили, произвели много разных манипуляций, и, наконец, перед нами мелко нарубленная «деревянная лапша», или соломка, как говорят на чудовской фабрике.

Вы, наверное, не задумывались, почему пламя спички гаснет мгновенно, стоит легонько подуть на него? В процессе работы древесина пропитывается специальным раствором, содержащим противотлеющие химические средства.

Пока машины делают свое дело, сотрудники химической лаборатории внимательно следят за рождением спички. В термостатах проверяют, сколько процентов влаги осталось в древесине, исследуют ее прочность. Все это для того, чтобы будущие спички были надежными: быстро не отсыревали, не ломались.

Превращение соломки в спички свершается на автомате. Впервые подобный прибор появился в России полвека назад, в канун империалистической войны. Но он сильно отличался от современной машины, похожей одновременно на ощетинившегося ежа и эскалатор метро. Автомат работает четко и бесперебойно. Вот он обмакнул белые иголки в коричневатую смесь, точным движением снял лишнюю зажигательную массу. Я чуть было не написала «лишнюю серу», но вовремя спохватилась. Оказывается, сера тут совершенно ни при чем. Это давно, в 1837 году, когда в Петербурге открылось первое российское спичечное предприятие, деревянные палочки довольно крупного размера макали в серную кислоту. Вот до сих пор многие и думают, что головка состоит из серы. Так и говорят: серные спички.

Однако вернемся на чудовскую фабрику. Спичечный автомат опустил свои «иголки» в коричневатую массу. Спичка родилась.

Новорожденная попадает на барабан. Полный оборот — 45 минут. Это как раз то время, которое требуется, чтобы высушить «прическу».

Первый визит — в научно-исследовательскую лабораторию. Спичку то и дело переносят от прибора к прибору. На динамометре проверяют, прочно ли укреплена зажигательная смесь, сколько килограммов усилий надо затратить, чтобы сорвать ее.

Тысячи раз вы видели пламя спички. А знаете, при какой температуре оно загорается? При 192—196 градусах. В лаборатории это проверяют на специальном приборе.

Теперь автомат положит в каждый коробок строго определенное количество спичек. Чудовские спички идут на экспорт во многие страны мира. Каждый заказчик предъявляет упаковочному автомату свои требования. Например, английские фирмы хотят, чтобы в коробке было 42 спички, ни больше и ни меньше, Федеративная Республика Германии устанавливает другую норму — 47 штук, голландцы любят коробки более плотные — по 55 спичек. И приходится инженерам каждый раз перестраивать автомат, смотря чей заказ выполняет фабрика.

Осталось наклеить на коробки этикетки и уложить их в готовые к отправке ящики.

Есть на чудовской фабрике коллекционер этикеток, бригадир Лев Александрович Пронин. По его собранию можно проследить историю фабрики. Тут хранятся сувенирные коробки, побывавшие на международных выставках в Брюсселе, Лейпциге, Милане, Багдаде, Мехико, Дели, Париже, Аддис-Абебе, Касабланке, Аккре. В десятках городов, где побывали чудовские спички, они получили дипломы и медали.

Продукция чудовской фабрики «Пролетарское знамя» велика. Каждый год расходятся по стране 620 миллионов спичечных коробков, 81 миллион коробков идет за границу.

...С того момента, как мы вошли на территорию фабрики и увидели забеленные торцы осинок, прошло меньше трех часов. За это время осиновое бревно превратилось в гору спичек.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото Г. КОПОСОВА.

...ые

НОВОЕ ПОЛОТНО РУБЕНСА

Одного любителя живописи заинтересовала картина, которая висела в старом доме лондонского предместья. Он купил ее за незначительную сумму и, к своему большому удивлению, узнал, что картина принадлежит кисти Рубенса. Ее название — «Александр коронует Роксану». Полотно это долгое время считалось утерянным.

НУЖЕН ЛИ РЫБЕ ЗОНТИК?

Исследователь морских глубин австриец Ганс Хас провел ряд опытов с целью установить, чем можно испугать акул. Оказалось, что из всех испробованных им средств самым действенным оказался пестрый зонтик. Стоит только раскрыть его перед приближающимся хищником, как тот сразу же в ужасе обращается в бегство.

КАК ПО СНЕГУ

Представитель английской фирмы по изготовлению моторных лодок передвигается на водных лыжах с помощью видоизмененных лыжных палок. Таким образом он рекламирует продукцию своей фирмы.

горячие, резвые, красивые

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Фото А. Бочинина и ЮПИ.

Почти в одни и те же дни сентября на двух ипподромах мира, отстоящих друг от друга на многие тысячи километров,— на нью-йоркском и московском — шло напряженное соревнование. В Москве завершали трехдневный спор скакуны, демонстрирующие под управлением лучших наездников Болгарии, Великобритании, Ирландии, Польши, Федеративной Республики Германии, Чехословакии и Советского Союза свое удивительное, легконогое мастерство. В Нью-Йорке резвейшие рысаки Италии, Канады, Франции, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки боролись, оспаривая призы в одном из популярнейших и крупнейших международных соревнований.

...Незадолго до этих событий нам случилось побывать за кулисами Московского ипподрома.

Здесь свежо пахло сеном и не было слышно иных звуков, кроме теплого пофыркиванья коней, которых скребли, чистили, мыли сотни рук.

Здесь тоже все было будничным, таким, как всякий день. В дымке раннего утра проносились мимо нас рысаки по белой, укатанной «резвой» дорожке, а по соседней гордо вышагивали, косясь блестящим глазом на незнакомцев, величавые гнедые, вороные, серые красавицы и красавцы с лебедиными шеями и стройными, налитыми пружинистой силой ногами, нетерпеливые, готовые, чуть зазевайся наездник в качалке, стремглав помчаться, догнать тех счастливцев, что проносятся рядом на «резвой».

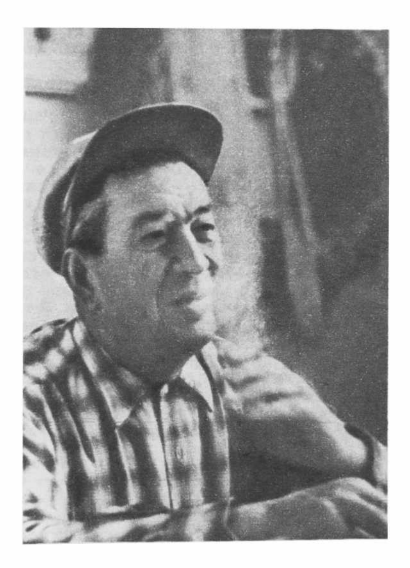
Здесь мы в непосредственной близости увидели несказанную красоту лошадей и влюбленный человеческий труд, представленный по крайней мере тремя поколениями: от почтенных, седоголовых людей, отдавших едва ли не полвека русскому коневодству, до совсем юных пареньков и девушек — учеников школы наездников, будущих и нынешних студентов-зоотехников, а то и просто ребят, любящих повертеться подле лошадей, помочь пока чем можно, а там — посмотрим!..

Николай Александрович Калала, мастер-наездник, только что вернулся с бегового круга. Они с рысаком Гаремом поработали сегодня тротом, легкой рысцой, и немного махом. Чуть устал Николай Александрович: Гарем в езде строг, с характером. Однако отдыхать пока рановато: мы слышим, как в денниках стучат копытами ревнивые кони: «Нам, мол, тоже хочется побегать! Для того и живем...»

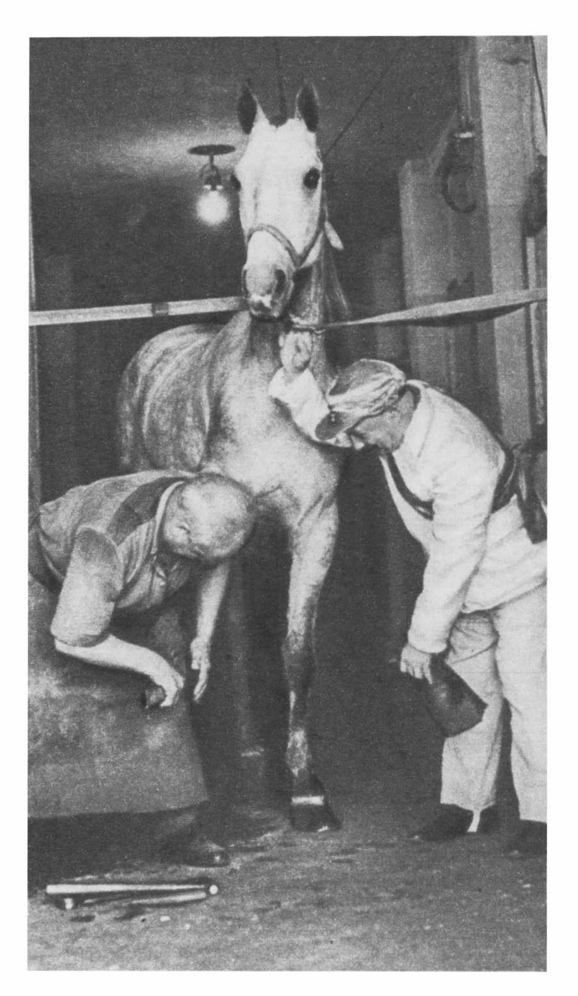
Мы сидим с Николаем Александровичем в маленькой комнате, на стенах которой фотографии рысаков в беге. Старый наездник суров и немногословен, но о питомцах своих может, наверное, говорить вот так же неторопливо и раздумчиво сутками. Их было много за сорок восемь лет. Дербист Изюм, рекорд которого до сих пор не может повторить ни одна четырехлетка, дербистка Аравия, резвейшая по зимней дорожке, Гонный, Лукавый, Гарем... Это только лучшие, те, что оставили свой след в истории коневодства на вечные времена. Выступал Николай Александрович с нашими рысаками во многих странах: в Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Франции, Германской Демократической Республике, Федеративной Республике Германии. На стене — венок с лентой, на которой написаны похвальные слова победителю...

В утренней дымке...

Мастер-наездник Николай Александрович Калала.

Скоро полвека они работают вместе: мастер-наездник Александр Александрович Сорокин (справа) и кузнец Петр Сергеевич Щегольков.

Нам известно, что этого человека с большими, сильными руками называют здесь папашей. В прямом и переносном смысле. В прямом потому, что первый помощник на конюшне, правая рука — Евгений Калала, сын, тоже известный наездник. В переносном — потому, что Николай Александрович щедр на отеческие советы, и с кем бы мы ни говорили из молодежи, слышали одно:

— Он всегда поможет. Знаете, как это нам важно! Что бы он ни делал с лошадью, всегда получается хорошо. Удивительно он умеет постепенно подвести ее к самым трудным испытаниям. А ведь лошади все такие разные!

— Лаской, только лаской,— говорит нам Николай Александрович, проверяя сбрую перед тем, как сесть в качалку и снова ехать, на этот раз на веселом, чуточку шальном двухлетке.— Они ж как люди! Только не говорят...

И мы смотрим им вслед: прядает беспокойно молодая лошадка ушами, переминается тонкими ногами — все здесь для нее еще так ново! Спокойно, чуть грузновато сидит в качалке мастер, он все понимает, что происходит в эти минуты в лошадиной взбудораженной душе, он уже далеко вперед видит, как будет этот вороной Нарцисс черной стрелой лететь, едва касаясь дорожки ногами. Он постепенно, лаской, только лаской, подведет его к этому.

...О Маше мы многое знали заранее. Первая в мире женщина мастер-наездник, тренер целой конюшни! Видели сами, как совсем недавно блестяще выиграла Мария Бурдова на рослом жеребце Ковыле самые крупные всесоюзные соревнования, традиционное дерби. Читали в газетах, как в Париже на переполненном Венсеннском ипподроме в беге рысью под седлом была первой у финиша русская девушка Маша, как весь Париж дня три говорил потом об этой сенсации. Знали, что сама Маша едва ли утешилась тогда этой победой, потому что ехала она в Париж выступать на своем любимце Апиксе-Ганровере, резвейшем рысаке американского происхождения, да вот не разрешили ей выступить в рысистых международных соревнованиях: женщинам нельзя, не бывало еще такого...

В тот день мы застали Марию Александровну Бурдову в больших хлопотах. Только что она хорошо промяла своего маленького большеглазого Апикса на дорожке бегового круга и сейчас готовила его к отправке в далекий путь — в Нью-Йорк.

— Нет, теперь уж я сама буду

Нью-йоркский ипподром. Сентябрь 1965 года. Первая справа — Мария Бурдова.

Мастер-наездник Мария Бурдова готовит своего любимца Апикса в далекий путь за океан.

Веселый союз практики и науки. Третья справа — А. М. Ползунова.

ехать! — сердито говорила нам Маша.— Об этом договорились совершенно твердо.

Кто же такая Маша? Николай Александрович Калала сказал о ней уважительно: «Это настоящий конник!»

О себе Маша рассказала, поминутно поглядывая на часы, что просто она пасла девчонкой колхозный табун в родном селе Воскресенском, Пермской области, потом училась в школе наездников в Хреновом, потом начала работать конюхом здесь, на Московском ипподроме...

Конюхом, помощником наездника. Но, видно, быстрые были глаза у девушки, быстрые и серьезные, если сумела она, постоянно учась, подсмотреть и понять в повседневной, тяжелой, с рассвета дотемна работе все лучшее, что формировалось в тренинге.

— Понимаете, у каждого своя система, свой подход,— рассуждает Маша, рассказывая нам о себе.— У Виктора Эдуардовича Ратомского — одно, у Евгения Александровича Крашенинникова — другое... Я училась у обоих. Но искала все-таки свое, правда? Иначе нельзя в таком живом деле...

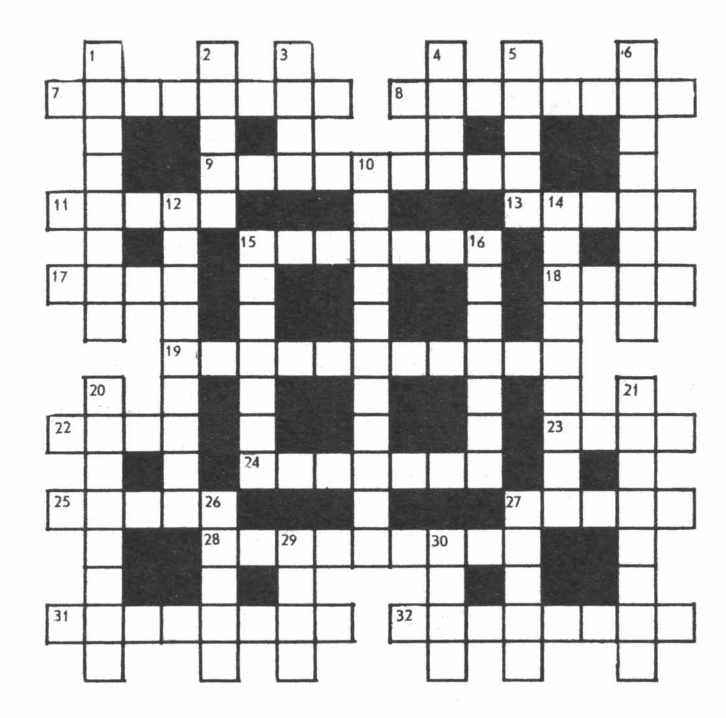
Настоящий конник, мастер-наездник. А ведь Марии Бурдовой нет еще и тридцати лет. Она сидит и рассуждает с нами о физиологических особенностях, индивидуальности лошади, ее настроениях. Мелькают имена известнейших рысаков: Ковыль, Будь-Достойный, Отзывчистая, Апикс-Гановер... Со всеми ими и с десятками других, друг на друга вовсе не похожих, работает конник Маша, по-прежнему приходя на конюшню чуть свет и возвращаясь домой, когда уже начинают мирно дремать в своих денниках ухоженные, тренированные кони.

За океаном готовилась выступить наездница Мария Бурдова, маленькая серьезная женщина, больше всего на свете любящая своих строптивых и добрых, упрямых и податливых четвероногих друзей. Мы ей пожелали большого успеха там, за океаном.

Целый день мы провели на ипподроме, в красивом мире, пахнущем солнцем и травами. Мы ходили от конюшни к конюшне, видели много хороших, преданных делу коневодства людей. Мы побывали в гостях у науки, живущей весело и непринужденно в теснейшей дружбе с практикой.

— Да, скоро мне защищать диссертацию,— говорила нам Алла Михайловна Ползунова, первый помощник в тренотделении мастера Павла Александровича Лыткина, аспирант Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства.— Тема диссертации: «Тренинг с учетом типов высшей нервной деятельности рысаков». Материала у меня накопилось, кажется, достаточно. Один Прошка сколько подсказал!..

Прошка — это знаменитый, высококлассный жеребец Приятель. Случилась с ним беда: умер его наездник, Александр Васильевич Зотов. Был нравный, строгий жеребец привязан к старому наезднику, никому не хотел подчиняться, когда остался один, думали, что из Приятеля уж ничего толком не выйдет. И вдруг он снова показался на беговой дорожке. Снова увидели его изумительный по красоте, буквально летящий бег. В качалке — Алла Ползунова. Горячо аплодировали трибуны молодому наезднику, ее победе. Для нее же это возвращение рысака было маленьким, но памятным торжеством одного из положений собственного научного труда.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Озеро в Швеции. 8. Исследователь Дальнего Востока. 9. Подземная пещера. 11. Насос. 13. Выставочное помещение. 15. Сумка для карт. 17. Английский писатель XVII—XVIII веков. 18. Месяц года. 19. Драгоценный камень. 22. Приправа. 23. Свадебный головной убор невесты. 24. Растение семейства злаков. 25. Приток Куры. 27. Симфоническая сюита Н. А. Римского-Корсакова. 28. Пилот межпланетного корабля 31. Водоросль, встречающаяся в пресных водоемах и в почве 32. Разрешение на ввоз или вывоз товаров.

По вертикали:

1. Основной запасный углевод в организме человека и животного. 2. Птица. 3. Парусиновый навес. 4. Химический элемент. 5. Северное созвездие. 6. Французский химик. 10. Герой обороны Порт-Артура. 12. Сельскохозяйственное орудие. 14. Древнегреческий комедиограф. 15. Роман О. Гончара. 16. Пристройка к зданию. 20. Спутник планеты Уран. 21. Полуостров в Западной Европе. 26. Городской сад. 27. Река, впадающая в Каспийское море. 29. Музыкальная нота. 30. Сорт яблок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

6. «Камаринская». 7. Цент. 8. Репа. 11. Арена. 14. «Вдовушка». 15. Линолеум. 18. Оскол. 20. Черенок. 21. Отара. 22. Поликарпов. 23. Кисловодск. 25. Итака. 27. Ротатор. 28. Тагор. 32. Кингстон. 33. Мегагерц. 34. Киоск. 36. Балл. 37. Ария. 38. Биссектриса.

По вертикали:

1. Стамеска. 2. Шпицберген. 3. Трамплин. 4. Бахта. 5. «Искра». 9. Консультант. 10. Гуно. 12. Борт. 13. Петродворец. 16. Геродот. 17. Борисов. 19. Лиана. 21. Офорт. 24. Маяковский. 26. Коса. 29. Арат. 30. Сонатина. 31. Левинсон. 34. Класс. 35. Кайра.

На первой странице обложки: Осенний дождик.

Фото В. Яковлева.

На последней странице обложки: Богатую коллекцию спичечных этикеток собрал бригадир фабрики «Пролетарское знамя» Л. А. Пронин. Его сын Геннадий разделяет увлечение отца (см. в номере репортаж «Чудовские спички»).

Фото Г. Копосова

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02064. Подписано к печати 22/IX 1965 г.
Формат бум. 70 × 108[1]/[8]. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2471. Тираж 1 850 000. Изд. № 1585.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

«Овод» — удивительная книга, одна из самых удивительных на свете. Ее читают и ею восхищаются миллионы людей — подростки, юноши, зрелые мужи, старики. Она была создана семьдесят лет назад, но до сих пор продолжает приковывать к себе внимание. У всякого, кто прочитал ее, остался след в душе. Тому, кто еще будет читать «Овод», можно позавидовать: он испытает радость встречи с людьми мужественными, сильными, полными страстного гнева или страстной любви. Книга эта принадлежит к числу тех, о которых великий Белинский сказал, что они являют собой «пример высоких действий».

Ее автор Этель Лилиан Войнич, англичанка по рождению, друг русского революционера С. Степняка-Кравчинского, жена польского революционера М. Войнича, дожила до глубокой старости. В Европе и в Америке «Овод» был забыт, в России он продолжал и продолжает волновать сердца.

Сама Э. Войнич, живя в Соединенных Штатах, не знала и не подозревала, что ее роман в далекой, но не чужой ей стране стал настольной книгой, что за годы Советской власти он издавался сто двадцать три раза на двадцати четырех языках народов СССР тиражом в четыре с половиной миллиона. Незадолго до смерти Войнич ее разыскали друзья из Советского Союза и положили к ее ногам свои восторги и глубокую признательность.

Почему именно в революционной России эта необычайная книга снискала такой успех? Взвихренная бурями Великого Октября, охваченная величайшим революционным подъемом, Россия боролась не на жизнь, а на смерть, строила, созидала, семимильными шагами шла вперед. Сильные характеры стали идеалом народа. В романе «Овод» русский, советский читатель нашел их. Роман возбуждал высокие, благородные чувства, зажигал незатухающим огнем сердца борцов и созидателей.

Художник Савва Бродский создал иллюстрации к новому изданию романа[1]. Вглядитесь в них! Ему удалось сдержанным языком графики передать напряженность волнующего сюжета, очертить кратко, но точно характеры героев, передать их благородство, рассказать об их терзаниях и борьбе, о конечном торжестве идеи. Иллюстрации, рожденные через семьдесят лет после появления романа, кажутся принадлежавшими ему всегда.

Художник сумел по-своему рассказать о благородном Оводе — Феличе Риваресе, о Джемме, Мартини и других героях романа. Все рассказанное им плотно и неразрывно вплетается в ткань романа, любимого миллионами людей.

Ник. НИКОЛАЕВ

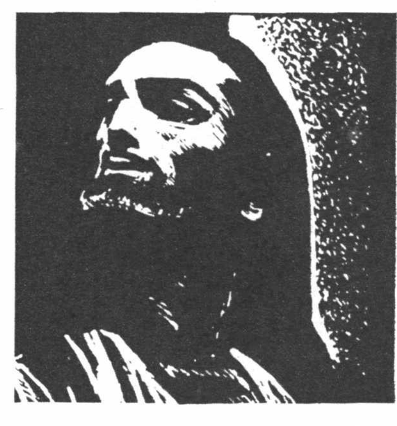
[1] Выходит в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в 1965 году.

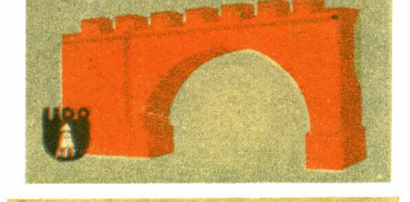

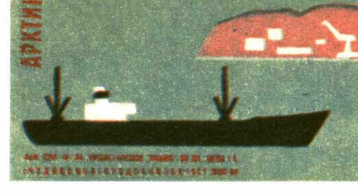

ОВОД

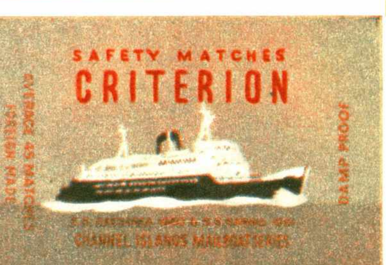

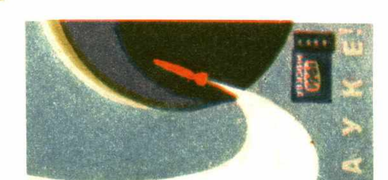

Цена номера 30 коп. Индекс 70663